

ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

УДК 95(57):332.025.13

А. Г. ДИАНОВ

Сибирская государственная
автомобильно-дорожная академия,
г. Омск

ВЗАЙМОДЕЙСТВИЕ СИБИРСКОЙ РАБОЧЕ-КРЕСТЬЯНСКОЙ ИНСПЕКЦИИ С ГОСУДАРСТВЕННЫМИ ОРГАНАМИ И ОБЩЕСТВЕННЫМИ ОРГАНИЗАЦИЯМИ СИБИРИ В СЕРЕДИНЕ 20-х гг. XX в.

Статья посвящена исследованию взаимодействия губернских отделений рабоче-крестьянской инспекции с высшими партийными и государственными органами сибирских губерний, профессиональными союзами, государственными организациями и предприятиями губернских центров в 1923–1925 гг. Рассматриваемая проблема впервые является предметом специального исследования. Автор на основе материалов сибирских и центральных архивов анализирует общие закономерности и особенности взаимоотношений контрольных органов с государственными и профсоюзными организациями.

Ключевые слова: Сибирь, рабоче-крестьянская инспекция, государственные организации, профессиональные союзы.

В настоящее время в России завершён переход от одного общественно-политического устройства к другому. Государство усиливает контрольные функции на новой основе и в иных формах. Возрастает интерес исследователей к деятельности контрольных органов в различные периоды истории России.

В начале 20-х. гг. рабоче-крестьянская инспекция (РКИ) была основным контрольным органом Советского государства. Она должна была осуществлять постоянный контроль над всеми организациями и предприятиями. В задачу инспекции входило пресечение злоупотреблений и улучшение работы подконтрольных ей учреждений. Одним из направле-

ний её деятельности был контроль над выполнением законов и распоряжений правительства [1, с. 18].

В 1923 г. в системе контрольных органов Советского государства происходят значительные изменения. Эти изменения были связаны с тем, что Советское руководство не было удовлетворено эффективностью работы рабоче-крестьянской инспекции. Летом 1922 г. в стране развернулась дискуссия о месте РКИ в системе органов государственной власти.

Споры о месте РКИ в системе государственной власти и методах ее работы были в основном завершены с выходом работ В. И. Ленина «Как нам реорганизовать Рабкрин» и «Лучше меньше да лучше», опубликованных в январе – марте 1923 г. Руководство страны положило в основу реорганизации РКИ идеи, изложенные в этих работах. В них В. И. Ленин определил новые стержневые задачи, которые должна была решать рабоче-крестьянская инспекция. Основным направлением деятельности рабоче-крестьянской инспекции стала работа по усовершенствованию государственного аппарата, а главным методом ее осуществления был выбран инспекционно-обследовательский [2, с. 15].

Реорганизация центральных органов контроля — центральной контрольной комиссии РКП (б) (ЦКК) и народного комисариата рабоче-крестьянские инспекции СССР (НК РКИ СССР) в основном завершился осенью 1923 г. «В дальнейшем организационная структура НК РКИ СССР и республиканских наркоматов РКИ постоянно подвергалась серьезным изменениям, но принципы взаимоотношений РКИ и ЦКК, формы и методы их взаимосвязи, выработанные в 1923 г., до конца 20-х гг. почти не изменились» [3, с. 15].

В Сибири процесс реорганизации отделений рабоче-крестьянской инспекции начинается с осени 1923 г. Это было связано с тем, что на XII съезде РКП(б) было принято решение о том, что реорганизация местных отделений РКИ должна проходить после окончания реорганизации НК РКИ СССР [4, с. 6].

Главной задачей отделений рабоче-крестьянской инспекции в Сибири становится совершенствование государственного аппарата. Именно под этим углом зрения она проводит большинство своих ревизий и обследований. Обединение государственных и партийных контрольных органов, серьезные изменения во внутренней организации рабоче-крестьянской инспекции не могли не сказаться на взаимоотношениях рабоче-крестьянской инспекции с государственными и общественными организациями.

В данной работе автор поставил цель проанализировать взаимоотношения рабоче-крестьянской инспекции с губернскими исполнительными комитетами (губисполкомы), губернскими партийными комитетами (губкомы), подотчетными РКИ организациями, профессиональными союзами.

Основой для написания работы стали фонды Государственного архива Новосибирской области. Особая значимость Государственного архива Новосибирской области для освещения деятельности рабоче-крестьянской инспекции в Сибири состоит в том, что начиная с 1921 г. (после переезда из Омска) в Новониколаевске (Новосибирске) работала Сибирская областная (с 1924 г. — краевая) рабоче-крестьянская инспекция. Следовательно, именно в Новосибирск поступали годовые, квартальные отчеты, доклады о результатах важнейших ревизий и обследований губернских, рабоче-крестьянских инспекций Сибири [5, с. 33].

Рассматриваемая проблема впервые является предметом специального исследования. Ее отдельные аспекты были затронуты в работах сибирских историков А. П. Анашкина, М. А. Горестова, М. С. Кузнецова, А. В. Прокопенко [6–9].

Центральным органом, с которым губернские инспекции осуществляли взаимодействие, были губисполкомы. Согласно положению о рабоче-крестьянской инспекции, ее местные отделения находились в двойном подчинении. Заведующие губернскими отделениями РКИ избирались президиумом губисполкома и утверждались народным комиссаром РКИ.

К 1923 году взаимоотношения РКИ с губисполкомами и теми уездными исполнительными комитетами, где были уполномоченные РКИ, приобрели устойчивый характер. Губернские отделения РКИ входили в состав отделов губисполкомов. Согласно отчетам ГубРКИ у них установились доброжелательные отношения с руководством исполнкомов. Но были и исключения. Например, в Оиротской области связь между облисполкомом и рабоче-крестьянской инспекцией носила формальный характер. За семь месяцев 1923 г. исполнком заслушал всего два информационных сообщения РКИ, иные формы взаимосвязи с РКИ и облисполкомом не практиковались [6, с. 55]. В отчете Тарского уездного уполномоченного РКИ за январь 1923 г. отмечалось, что «взаимоотношения с исполнкомом улыбающе-враждебные, ибо трагедия "высшей власти" в уезде состоит в том, что она не выносит комментариев к своим действиям. С другими, и главное, с помощником прокурора, отношения хорошие» [10, л. 4 об.; 11, л. 4].

Губисполкомы использовали аппарат РКИ для выявления тех или иных сторон деятельности учреждений и предприятий. На основе ревизий и обследований, проводимых РКИ, они получали объективные данные о работе государственных учреждений и хозяйственных организаций. Так, например, в ходе ревизии гублестреста, проходившей в июле 1923 г., Томским отделением РКИ были выявлены серьезные злоупотребления. Они привели к уменьшению оборотного капитала гублестреста на 60 %. Материалы ревизии были переданы в прокуратуру [12, л. 102]. Выводы и предложения, сделанные РКИ, по результатам ревизий, были направлены на совершенствование аппаратов и улучшению работы ревизуемых учреждений [13, л. 6]. Алтайский губисполком отмечал, что материалы всесторонних ревизий помогают ликвидировать недостатки в работе учреждений. Аналогичные отзывы поступили в Сибирское областное отделение РКИ и от других губисполкомов и от Сибревкома [12, л. 102, 14, л. 5 об., 15, л. 10 об.]. Иногда губисполкомы использовали РКИ для разрешения споров, возникавших между их отелями (Томск). В Томской, Алтайской и Енисейской губерниях ГубРКИ получали от губисполкомов материальную поддержку: ассигнование средств на курсы, оплата расходов на производство некоторых обследований, содержание на средства губисполкомов нескольких сотрудников РКИ [16, л. 764, 17, л. 38].

Установление более тесного контакта в работе и взаимоотношениях между РКИ и губисполкомами способствовало так же, то обстоятельство, что к середине 1923 г. большинство заведующих ГубРКИ входили в губисполком в качестве члена президиума. Они были в курсе его работы и имели возможность оценивать деятельность его отделов на основании материалов ревизии [18, л. 12].

Объединения губернских партийных контрольных комиссий с рабоче-крестьянской инспекцией

завершилось, в основном в Сибири, осенью 1924 г. формально правовое положение РКИ в системе государственного аппарата не изменилось. Местные отделы РКИ по-прежнему входили в состав губисполкомов. Однако поскольку заведующий ГубРКИ после объединения был одновременно председателем ГубРКИ, его влияние в губернском аппарате значительно возросло. С осени 1924 г. заведующие РКИ всех губерний входили в состав президиума губисполкома.

Рабоче-крестьянские инспекции по заданиям губисполкомов проводили ревизионные обследования, участвовали в работах различных комиссий. Загруженность РКИ заданиями губисполкомов была различной. Иркутской ГубРКИ по заданиями губисполкома было произведено 23 ревизии и принято участие в 33 комиссиях. Томской РКИ было произведено 23 ревизии и 32 участия в комиссиях. Енисейской ГубРКИ было произведено 8 ревизий и принято участие в 9 комиссиях. Новониколаевской ГубРКИ произведено 4 ревизии и принято участие в 12 комиссиях [19, л. 16].

В 1924 – 1925 гг., несмотря на значительное сокращение численности аппаратов губернских РКИ, интенсивность ревизионной работы по заданиям губисполкомов не снижалась. Так, например, в Алтайской губернии за период с 1 января по 16 июня 1925 г. по заданию губисполкома было проведено 16 обследований государственных учреждений и хозяйственных организаций [20, л. 145].

Основной формой взаимосвязи между РКИ и губисполкомами были доклады представителей РКИ (их делали как правило заведующие РКИ) на заседаниях губисполкомов. Делались они по важнейшим ревизиям, независимо от того, по чьей инициативе они проводились — центра, губисполкомов или самой инспекции. После обсуждения доклада по нему выносилось постановление губисполкома. Количество докладов, внесенных в 1923 г. на рассмотрение в губисполкомы, было наибольшим в Томской губернии. На Алтае губинспекцией было сделано 29 докладов губисполкому и 21 доклад губернскому экономическому совещанию и губплану. Наименьшее количество докладов было сделано Омской и Енисейской губинспекциям — 17 и 20 соответственно. Выписки из протоколов губисполкомов свидетельствуют, что за незначительным исключением предложение РКИ принимались полностью или с незначительными изменениями [13, л. 5; 14, л. 6; 15, л. 10; 19, л. 13 – 14; 21, л. 8; 22, л. 197, 198; 23, л. 172].

В 1924 – 1925 гг. полученные при обследованиях и имеющие губернское значение ревизионные материалы, реализовались через губернские исполнительные комитеты. Особенно последовательна в этом отношении была Алтайская ГубРКИ, которая все свои предложения проводила через президиум губисполкома [24, л. 173; 25, л. 66].

Таким образом, тесная взаимосвязь отделений рабоче-крестьянской инспекции с исполнителями приносила взаимную пользу. На основе ревизий и обследований, проводимых РКИ, губисполкомы получали объективные данные о работе государственных учреждений и хозяйственных организаций и могли правильно оценить итоги их работы. В свою очередь губернские отделения РКИ получали от губисполкомов дополнительные средства на проведение обследований и поддержку в реализации ревизионных предложений.

Взаимосвязь губернских отделений РКИ с губернскими партийными комитетами (губкомы) до

создания объединенных контрольных органов не носила такого регулярного характера, как их взаимодействие с губисполкомами. В большинстве губерний она ограничивалась нерегулярными докладами о важнейших ревизиях и редкими (2 – 3 раза в год) поручениями по обследованию государственных учреждений. Исключение — Алтайская ГубРКИ. Ее заведующий О. И. Марк был членом бюро губкома, и это позволяло осуществлять регулярное взаимодействие инспекции с губкомом. [13, л. 6; 14, л. 6; 22, л. 209].

С объединением партийных и советских контрольных органов органов, одним из итогов которого стало совмещение должности председателя президиума ГубКК и заведующего ГубРКИ, устанавливается постоянная взаимосвязь с губкомом. Вопросы принципиального характера и план работы РубРКИ согласовывались с руководством губкома. На ежегодных губернских партийных конференциях заведующий ГубРКИ делал доклад о работе инспекции [24, л. 172 об.; 25, л. 66].

В 1923 г. большинство сибирских губернских отделений РКИ, характеризуя свои отношения с подотчетными органами, отмечали отсутствие конфликтов. Предложения и замечания, сделанные по результатам ревизий, принимались государственными учреждениями и хозяйственными организациями к исполнению. Руководители некоторых подотчетных учреждений публиковали ревизионные предложения РКИ в приказах по своему учреждению с категорическим требованием немедленной ликвидации отмеченных актами РКИ недочетов с донесением об их выполнении [13, л. 6 об., 7; 14, л. 6; 21, л. 8 об.; 22, л. 209 об.]. В отчетах Омской и Енисейской РКИ за 1923 г. сообщалось о нескольких конфликтных ситуациях. В Енисейской губернии ряд торговых и кооперативных органов первоначально отказалась предоставить ревизорам РКИ некоторые сведения, которые составляли, по их мнению, коммерческую тайну. Данные конфликты были разрешены без составления актов. Той же инспекцией отмечалось стремление многих подотчетных органов уклоняться в ходе обследований от ответов по существу, направляя после его проведения бессодержательные отписки. В Енисейской губернии заместитель управляющего Красноярским агентством торгово-заготовительной конторы «ЦАТО» отказался допустить представителя РКИ к ревизии. Дело было передано в прокуратуру. О попытках ряда производственных организаций и ГСНХ оспорить зафиксированные ревизионными актами факты злоупотреблений, подвергнутые сомнению, сделанные по окончании выводы, сообщали Омская и Енисейская РКИ [18, л. 17 об., 18; 19, л. 18 об., 19].

После объединения партийного и государственного контроля конечной целью всех ревизий и обследований, проводимых РКИ, стало улучшение аппарата государственных учреждений и хозяйственных организаций. Появились новые формы взаимоотношений РКИ с подотчетными организациями — согласование или совместная разработка программ обследования, участие руководителей учреждений в самом обследовании, привлечение представителей учреждений к анализу полученных в результате обследования материалов и выработки конкретных предложений [24, л. 136; 26, л. 8; 27, л. 81; 28, л. 37; 29, л. 2].

К декабрю 1924 г. во всех губерниях Сибири была установлена связь РКИ с экономическими отделами местных отделений главного политического управ-

ления (ГПУ). Одной из основных форм взаимодействия РКИ с судом, прокуратурой и ГПУ было участие их представителей в заседаниях президиумов КК – РКИ с правом совещательного голоса и участие в выработке и проведении в жизнь рекомендаций РКИ [6, с. 55; 30, л. 2].

Таким образом, объединение органов партийного и государственного контроля и корректировка коучных целей ревизионных обследований привели к появлению новых форм взаимоотношений с подотчетными организациями.

Взаимоотношения органов РКИ с профсоюзными организациями носили как правило сложный характер. В первой половине 1923 г. главным связующим звеном между РКИ и профсоюзами были делегируемые. Согласно положению делегируемыми могли быть рабочие и служащие, которые направились для работы в РКИ на четыре месяца. С 1922 г. делегируемых направляли в РКИ профсоюзы. Профсоюзные органы сибирских губерний, несмотря на указание ВЦСПС (центральный профсоюзный орган), не справлялись с обязанностью по направлению в РКИ людей, подготовленных к работе в контрольном органе. В начале января 1923 г. сибирские РКИ провели с губпрофбарами совместные совещания, где обсуждались проблемы низкого профессионального и образовательного уровня, делегируемых от профсоюзов. Но профсоюзы продолжали направлять в качестве делегируемых малограмотных рабочих и служащих. К тому же многих из них вскоре предприятия отзвали. В марте 1923 г. представители от профсоюзов в составе сотрудников РКИ работали в Омской и Томской ГубРКИ. Со второй половины 1923 г. происходит постепенное отмирание института делегируемых. Главная причина связана с тем, что с переходом к нэпу попытки РКИ привлечь к работе в качестве делегируемых лиц высокой квалификации были безуспешны. Поскольку заработную плату делегируемым платили предприятия, им было невыгодно направлять в качестве делегируемых квалифицированных рабочих. 1 июля 1924 г. институт делегируемых заканчивает свое существование. Взаимо связь РКИ с профсоюзами на этой основе прекращается [14, л. 6; 15, л. 3 об.; 31, л. 15 об.; 32, л. 1 об.].

В конце 1923 г. связь РКИ с профорганами устанавливается на основе совместных работ по научной организации труда. С января 1924 г. Иркутская, Енисейская и Алтайская РКИ начинают проводить совместные совещания, на которых присутствовали представители губернских отделений профсоюзов (Губпрофсовет). На этих совещаниях обсуждались проблемы, представляющие взаимный интерес. На данном направление работы РКИ получили от профсоюзов поддержку. Профсоюзы помогали РКИ организовывать проведение лекций для ознакомления своих членов с задачами научной организации труда. В Томске профсоюзы выступили организаторами создания ячеек НОТ на ряде крупных предприятий [18, л. 16 об., 17; 19, л. 17 об.; 18; 22, л. 208; 33, л. 118; 34, л. 23 об.; 35, л. 24 об.]. По некоторым вопросам совместно разрабатывались программы обследований. Например, Новониколаевская и Енисейская РКИ с представителями губпрофсоветов разработали программу обследования заработной платы на предприятиях местной промышленности. Весной 1924 г. объединенные совещания проходили во всех губерниях Сибири [36, л. 78; 37, л. 22 об.].

Попытки губернских РКИ привлечь представителей профсоюзов к участию в ревизионных обследованиях, предпринимавшиеся на протяжении 1924–

1925 гг., в основном заканчивались безрезультатно. В большинстве случаев приглашения РКИ игнорировались. Иногда представители профсоюзов участвовали в ревизионных обследованиях, но они скорее мешали, чем помогали, так как профсоюзы обычно направляли непригодных к ревизионной работе людей. К тому же, по сообщениям многих ГубРКИ, направленные от профсоюзов люди очень часто отзывались обратно, до окончания ревизионных работ [20, л. 8 об.; 30, л. 1].

Следовательно, профсоюзы не стали помощником контрольных органов в работе по привлечению трудящихся к обучению их (через РКИ) навыками управления государством. Региональные организации профсоюзов фактически не выполняли договоренностей, которые были заключены НК РКИ СССР и ЦК ВЦСПС. Не желая идти на прямую конфронтацию со своим руководством, профсоюзы направляли для работы в РКИ рабочих и служащих, но в меньшем количестве, чем это было предусмотрено, и чрезвычайно низкой квалификации. Определенную поддержку от профсоюзов РКИ получила работе по организации ячеек научной организации труда на предприятиях. Однако значительных совместных успехов в этом направлении достигнуто не было.

Таким образом, на протяжении рассматриваемого периода взаимодействие губернских отделов РКИ с губисполкомами, губкомами и подотчетными организациями становилось все более тесным. После объединения партийного и государственного контроля конечной целью всех ревизий и обследований, проводимых РКИ, стало улучшение аппарата государственных учреждений и хозяйственных организаций. Появились новые формы взаимоотношений РКИ с подотчетными организациями — согласование или совместная разработка программ обследования, участие руководителей учреждений в самом обследовании, привлечение представителей учреждений, к анализу полученных в результате обследования материалов и выработка конкретных предложений. Губисполкомы стали использовать аппарат РКИ для выявления тех или иных сторон деятельности учреждений и предприятий. На основе ревизий и обследований, проводимых РКИ, они получали объективные данные о работе государственных учреждений и хозяйственных организаций и могли правильно оценить итоги их работы. В свою очередь, губернские отделения РКИ получали от губисполкомов дополнительные средства на проведение обследований и поддержку в реализации ревизионных предложений. Во взаимодействии с профсоюзными организациями прогресса не наблюдалось. Надежды руководства РКИ на то, что профсоюзы станут стержнем в работе по привлечению трудящихся к обучению их (через РКИ) навыками управления государством не сбылись.

Библиографический список

1. Дианов, А. Г. Органы рабоче-крестьянской инспекции Сибири на начальном этапе нэпа: структура профессиональной подготовки и материальное обеспечение / А. Г. Дианов // Омский научный вестник. – 2009. – № 2 (76). – С. 18–22.
2. Дианов, А. Г. Преодоление кризиса рабоче-крестьянской инспекции в период становления нэпа / А. Г. Дианов // Омский научный вестник. – 2009. – № 3 (78). – С. 12–15.
3. Дианов, А. Г. Создание объединенных органов партийно-государственного контроля. Ч. 2. / А. Г. Дианов // Омский научный вестник. – 2013. – № 4 (121). – С. 12–16.

4. Дианов, А. Г. Внутренняя организация органов рабоче-крестьянской инспекции в Сибири в середине 20-х гг. ХХ в. Ч. 1. / А. Г. Дианов // Омский научный вестник. – 2013. – № 5 (122). – С. 5–10.
5. Дианов, А. Г. Государственный архив Новосибирской области как источник по изучению истории сибирской рабоче-крестьянской инспекции / А. Г. Дианов // Альманах современной науки и образования. – 2014. – № 1 (80). – С. 33–35.
6. Анашгин, А. П. Становление и развитие партийно-государственного контроля в Западной Сибири (1920–1929 гг.) / А. П. Анашгин, М. С. Кузнецов. – Томск, 1982. – 208 с.
7. Анашгин, А. П. Ленинский план реорганизации рабоче-крестьянской инспекции и его осуществление на Алтае (1923–1924 гг.) / А. П. Анашгин // Сб. работ аспирантов кафедры истории КПСС. – Томск : Изд-во Томского ун-та, 1970. – Вып. 6. – С. 42–52.
8. Горестов, М. А. Ленинский план реорганизации Рабкрина и деятельность партийных организаций Сибири за его осуществление (1923–1925 гг.) / М. А. Горестов // В. И. Ленин и социально-экономические преобразования в Сибири за 50 лет Советской власти. – Красноярск, 1967. – С. 207–216.
9. Прокопенко, А. В. Подготовка и проведение реорганизации РКИ в Иркутской губернии на основе ленинских принципов (1923–1926 гг.) / А. В. Прокопенко // Вопросы истории и методики преподавания истории в школе. – Иркутск : Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1966. – С. 85–104.
10. Государственный исторический архив Омской области (ГИАОО). Ф. Р. – 460. Оп. 1. Д. 21.
11. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р. – 4085. Оп. 21. Д. 1940.
12. Государственный архив Новосибирской области (ГАНО). Ф. Р. – 288. Оп. 1. Д. 43.
13. ГАНО. Ф. Р. – 288. Оп. 1. Д. 78.
14. ГАНО. Ф. Р. – 288. Оп. 1. Д. 66.
15. ГАНО. Ф. Р. – 288. Оп. 1. Д. 123.
16. ГАНО. Ф. Р. – 288. Оп. 1. Д. 137.
17. ГАНО. Ф. Р. – 288. Оп. 1. Д. 203.
18. ГАНО. Ф. Р. – 288. Оп. 1. Д. 90.
19. ГАРФ. Ф. Р. – 374. Оп. 4. Д. 39.
20. ГАНО. Ф. Р. – 288. Оп. 1. Д. 308.
21. Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. Р. – 162. Оп. 1. Д. 9.
22. ГАНО. Ф. Р. – 288. Оп. 1. Д. 113.
23. ГАНО. Ф. Р. – 288. Оп. 1. Д. 119.
24. ГАНО. Ф. Р. – 288. Оп. 1. Д. 291.
25. ГАНО. Ф. Р. – 288. Оп. 1. Д. 288.
26. ГАНО. Ф. Р. – 288. Оп. 1. Д. 209.
27. ГИАОО. Ф. Р. – 460. Оп. 2. Д. 674.
28. ГАНО. Ф. Р. – 288. Оп. 1. Д. 134.
29. ГАНО. Ф. Р. – 288. Оп. 1. Д. 89.
30. ГИАОО. Ф. Р. – 460. Оп. 1. Д. 144.
31. ГАНО. Ф. Р. – 288. Оп. 1. Д. 55.
32. ГАНО. Ф. Р. – 288. Оп. 1. Д. 121.
33. Государственный архив Красноярского края (ГАКК). Ф. Р. – 241. Оп. 1. Д. 556.
34. ГАНО. Ф. Р. – 288. Оп. 1. Д. 293.
35. Центр документации новейшей истории Томской области (ЦДНИТО). Ф. П. – 1. Оп. 1. Д. 126.
36. ГАНО. Ф. Р. – 288. Оп. 1. Д. 290.
37. Центр хранения и изучения документов новейшей истории Красноярского края (ЦХИДНИК) Ф. П. – 1. Оп. 1. Д. 293.

ДИАНОВ Алексей Григорьевич, кандидат исторических наук, доцент (Россия), доцент кафедры отечественной истории и политологии.

Адрес для переписки: dianov_60@mail.ru

Статья поступила в редакцию 28.04.2014 г.

© А. Г. Дианов

КНИЖНАЯ ПОЛКА

Ломазофф, Аманда. Всемирная история войн. С древнейших времен до наших дней / Аманда Ломазофф ; пер. П. Кунарев ; ред. А. Райская. – М. : Колибри, 2015. – 320 с. – ISBN 978-5-389-06336-5.

В пожарах войны гибли города, исчезали целые народы, рушились цивилизации. Столетиями человечество тратило неимоверные усилия на создание все более совершенного оружия и способов нападения и защиты, разрабатывало новые тактические приемы, и следующая война была кровопролитнее и разрушительнее предыдущей. Люди рождались, жили и умирали, так и не дождавшись мирного времени. Перед вами книга, коротко и увлекательно рассказывающая о самых известных войнах в истории человечества. Отважные герои древности, знаменитые полководцы, чей военный гений помогал в решающий момент переломить ход сражения и добиться победы, истории битв, в которых немногочисленным отрядам удавалось противостоять целым армиям... «Всемирная история войн» содержит множество интересных фактов, редких фотографий, старинных карт, схем, позволяющих наглядно представить великие войны, менявшие сам ход истории.

Клесов, А. Происхождение славян. Очерки ДНК-генеалогии / А. Клесов ; ред. А. Ю. Клименко. – М. : Эксмо, 2015. – 512 с. – ISBN 978-5-4438-0978-6.

Книга профессора А. Клесова отвечает на вопросы: кто такие славяне и каково их происхождение? Откуда они пришли? На протяжении трех веков учёные не могли дать на них обоснованный ответ. Он нашелся на стыке двух наук: истории и генетики. Сам автор утверждает, что его книга будет иметь «эффект разорвавшейся бомбы», и это действительно так: читателя этой книги ждут потрясения. Автор разрушает сложившееся в научной среде русофобское табу на изучение истории древних славян и их происхождение от ариев — коренных жителей Русской равнины.

К ИСТОРИИ ВВЕДЕНИЯ ПОГОН И ЗНАКОВ РАЗЛИЧИЯ В АРМИИ РОССИИ (1732–2014 гг.). ЧАСТЬ II. 1941–1956 гг.

В статье кратко отражена история введения погон и знаков различия в армии России. Данные обязательные элементы формы одежды военнослужащих служат для определения воинского звания, принадлежности к виду или роду вооруженных сил, отдельной части или подразделению.

Ключевые слова: погоны и знаки различия военнослужащих армии России.

В первой части работы [1] была рассмотрена история введения погон и знаков различия военнослужащих армии России по воинским званиям и их трансформация в 1732–1941 годы. В этот период на изменение знаков различия оказывали влияние социальная структура общества, уровень развития военного дела, техники и производства, а также многообразные связи и взаимовлияние различных народов — соседних или отдаленных. Все это находило свое отражение в знаках различия военнослужащих, и они являются важным аспектом изучения как истории армии, так и истории России.

В годы Великой Отечественной войны Красная Армия вступила со знаками различия (далее з. р.), введенными в 1935, 1937, 1940 и 1941 годах (табл. 1). Приказом Народного комиссариата обороны № 253 от 1 августа 1941 г. для всего личного состава действующей армии и маршевых частей (т.е. частей формируемых и отправляемых в действующую армию) производится ряд изменений в форме одежды и знаках различия: 1. отменяется ношение нарукавных шевронов у комсостава и нарукавных звезд у политработников; 2. отменяются цветные лампасы на походной форме генералов; 3. отменяются цветные канты на брюках и гимнастерках среднего и старшего комначсостава; 4. цветные петлицы заменяются на петлицы защитного цвета без кантов; 5. красные эмалевые знаки различия званий заменяются на окрашенные в зеленый цвет; 6. золотистые эмблемы родов войск окрашиваются в зеленый цвет; 7. золотистые звездочки на петлицах генералов заменяются на окрашенные в зеленый цвет.

Последующие полтора года каких-либо изменений в форме одежды Красной Армии не проводилось.

О причинах введения погон в 1943 году. В сентябре 1941 г. в Красной Армии появились первые гвардейские части¹ [2, с. 116]. С течением времени их число начало постепенно, а затем довольно быстро расти. Уже с первых дней существования гвардии возник вопрос о том, что гвардейцев надо как-то отличать по внешнему виду от военнослужащих других соединений и частей. Предполагалось дать им особую форму или, по крайней мере, улучшенное обмундирование.

Военнослужащие, отвечающие за вещевое снабжение, хорошо знали, сколько хлопот доставляла различная расцветка обмундирования пехотинцев, летчиков и танкистов, существовавшая до войны. У одних форма была защитного цвета, у других — синего, у третьих — серого. А в масштабах вооруженных сил введение канта на форме или клапана над карманом оборачивается сотнями тысяч, а то и миллионами рублей. И сделать это в военное время представлялось особенно проблемным, почти невозможным. Поэтому возникло другое мнение — ввести для гвардейцев погоны. Работники тыла стали готовить эскизы погон, подбирать материал. В то же время гвардейские части стали появляться десятками. Тогда было принято решение отличать гвардейцев особым нагрудным знаком. 21 мая 1942 г. для личного состава гвардейских частей был установлен нагрудный знак «Гвардия». Однако задание о подготовке погон отменено не было².

В конце октября 1942 г. вышло распоряжение Верховного Главнокомандования подготовить введение погон для всех военнослужащих Красной Армии. Предполагалось, что введение погон ещё выше поднимет организующую роль командиров и в то же время заставит их более требовательно относиться к собственной деятельности, быть всесторонне подготовленными и развитыми людьми, являющими образцы твёрдой воли, продуманности и решительности, уважения к воинскому порядку; передовыми, культурными людьми [3, с. 1].

6 января 1943 г. был издан Указ Президиума Верховного Совета СССР, которым в Красной Армии вводились новые знаки различия — погоны. Во исполнение Указа 15 января вышел приказ наркома обороны за № 25. В соответствии с ним устанавливались сроки перехода на новые знаки различия — с 1 по 15 февраля 1943 года [4, с. 1]. В Военно-Морском Флоте погоны ввели приказом Наркомата ВМФ № 51 от 15 февраля 1943 года [5].

Указом было определено, что погоны служат для определения воинского звания и принадлежности военнослужащих к тому или иному роду войск (службе). Основное отличие полевых погон было в том, что поле их, независимо от рода войск (службы),

Таблица 1

Петлицы и нарукавные знаки различия командного состава РККА

Нарукавные знаки различия командного состава РККА, введенные 16 января 1919 г.:

1. Отделенный командир. 2. Помощник командира взвода. 3. Старшина. 4. Командир взвода. 5. Командир роты. 6. Командир батальона. 7. Командир полка. 8. Командир бригады. 9. Начальник дивизии. 10. Командующий армией. 11. Командующий фронтом.

Нарукавные знаки различия командного состава РККА, введенные 31 января 1922 г. (цвет поля клапана — по роду войск):

12. Командир отделения (кавалерия). 13. Командир батальона (дивизиона артиллерии). 14. Командующий фронтом. Остальные нарукавные знаки различия на клапане аналогичны знакам, показанным на рис. 2—5, 7—10.

Петлицы и нарукавные знаки различия командного состава РККА, введенные 3 декабря 1935 г. (цвет поля петлиц и канта — по роду войск):

15. Маршал Советского Союза. 16. Командарм 1 ранга. 17. Командарм 2 ранга. 18. Комкор (пехота). 19. Комдив (автобронетанковые войска). 20. Комбриг (ВВС). 21. Полковник, с 1939 г. — подполковник (пехота). 22. Майор (артиллерия). 23. Капитан (ВВС). 24. Старший лейтенант (пехота). 25. лейтенант (кавалерия). 26. Старшина (пехота). 27. Отделенный командир (артиллерия). 28. Красноармеец (пехота).

Знаки различия высшего командного состава, введенные в 1940 г.:

29. Маршал Советского Союза. 30. Генерал армии. 31. Генерал-полковник (артиллерии). 32. Генерал-лейтенант (пехота). 33. Генерал-майор (авиации).

Таблица 2

Размеры погона (январь 1943 г.)

Погон	Длина (см)	Ширина (см)
маршалов Советского Союза и генералов	14—16	6,5
генералов медицинской и ветеринарной службы	14—16	4,5
старшего и среднего командного состава	14—16	6
медицинского и военно-ветеринарного состава	14—16	4
младшего командного, рядового состава и курсантов военных училищ	14—16	6
высшего начальствующего состава военно-юридической службы	14—16	4

цвета хаки. Погоны — полевые и повседневные — окантованы по краям, кроме нижнего, цветным суконным кантом и имели установленный размер (табл. 2). Соответственно присвоенному военному званию, принадлежности к роду войск (службе) на поле погонов размещались знаки различия (звездочки, просветы, нашивки) и эмблемы, а на повседневных погонах младшего командного, рядового состава и курсантов военных училищ также и трафареты, обозначающие название войсковой части (соединения).

Полевые и повседневные погоны генералов и всего личного состава пехоты — без эмблем. Полевые и повседневные погоны генералов медицинской и ветеринарной службы и высшего начальствующего состава военно-юридической службы — с эмблемами.

Поле погона для маршалов Советского Союза и генералов изготавливалось из галуна особого переплетения: для полевых погон — из шелка цвета хаки; для повседневных — из золотой, а для генералов медицинской и ветеринарной службы — из серебряной волоки.

Цвет кантов погон: Маршала Советского Союза, общевойскового генерала, генерала артиллерии, танковых войск, медицинской и ветеринарной службы — красный; генерала авиации — голубой; генералов технических войск и интендантской службы — малиновый. Звездочки на погонах генералов вышиты по золотому полю — серебром, по серебряному полу — золотом; количество звездочек соответствует военным званиям (табл. 3). Пуговицы на погонах с гербом — золоченые. На погонах генералов медицинской службы — металлические золоченые эмблемы.

Таблица 3

Погоны и знаки различия военнослужащих Красной Армии (с января 1943 г.)

1. Красноармеец (307-й стрелковый полк). С февраля 1946 г. это звание именуется « рядовой »; 2. Ефрейтор (117-й кавалерийский полк); 3. Младший сержант (3-я танковая бригада); 4. Сержант (5-й штурмовой авиаполк); 5. Старший сержант (650 переправочно-десантный батальон); 6. Старшина (шифровок на погонах не имели); 7. Курсант (Омское пехотное училище); 8. Младший лейтенант; 9. Лейтенант; 10. Старший лейтенант; 11. Капитан; 12. Майор; 13. Подполковник; 14. Полковник; 15. Генерал-майор; 16. Генерал-лейтенант; 17. Генерал-полковник; 18. Генерал армии; 19. Главный маршал авиации (артиллерии, бронетанковых войск, войск связи, инженерных войск — с октября 1943 г.); 20. Маршал Советского Союза.

Таблица 4

Цвет кантов и просветов погон старшего и среднего командного состава по родам войск (служб) 1943 г.

Род войск	Полевые погоны		Повседневные погоны	
	цвет канта	цвет просветов	цвет канта	цвет просветов
Пехота	Малиновый	Бордо	Малиновый	Малиновый
Артиллерия	Красный	Бордо	Красный	Красный
АБТ-войска	Красный	Бордо	Красный	Красный
Авиация	Голубой	Бордо	Голубой	Голубой
Кавалерия	Светло-синий	Бордо	Светло-синий	Светло-синий
Инженерно-технические войска	Черный	Бордо	Черный	Черный
Интендантская служба	Малиновый	Коричневый	Малиновый	Малиновый
Инженерно-командный состав	По роду войск	Коричневый	По роду войск	
Медицинская и ветеринарная служба	Красный	Коричневый	Красный	Красный

лемы; на погонах генералов ветеринарной службы — такие же эмблемы, но посеребренные.

Для старшего и среднего командного состава поле погона изготавливалось: полевого — из сукна цвета хаки, повседневного — золотистого шелка или из золотого галуна. Поле повседневного погона инженерно-командного состава, интендантской, медицинской и ветеринарной службы — из серебристого шелка или из серебряного галуна. На погонах среднего командного состава — один просвет и металлические посеребренные звездочки; на погонах старшего командного состава — два просвета и такие же звездочки, но большего размера. Число звездочек на погоне соответствует воинскому званию. На погонах командного состава, кроме командного состава пехоты, установлены посеребренные эмблемы по роду войск, службы (табл. 3).

Эмблемы и звездочки на погонах инженерно-командного состава, интендантской и медицинской службы — позолоченные. На погонах военно-ветеринарного состава звездочки позолоченные, эмблемы — посеребренные.

На погонах — форменные позолоченные пуговицы со звездой, в центре которой серп и молот. Для каждого рода войск (службы) были установлены свои цвета кантов и просветов погон (табл. 4).

Для младшего командного, рядового состава и курсантов военных училищ поле погона изготавливалось: полевого — из сукна цвета хаки, повседневного — из цветного сукна по роду войск. Погоны младшего командного состава имели нашивки соответственно воинскому званию. Погоны рядового состава — без нашивок. Полевые погоны — без эмблем и трафаретов, повседневные — с латунными эмблемами по роду войск и желтыми трафаретами, обозначающими воинскую часть (соединение). Повседневные погоны не имели эмблем. Для каждого рода войск (службы) были установлены свои цвета поля погон, кантов и нашивок (табл. 5).

Для курсантов военных училищ погоны устанавливались только повседневные. Поле погона по окантованному краю обшито галуном. Цвет галуна для всех командно-строевых училищ — золотистый, для командно-технических, интендантских, военно-меди-

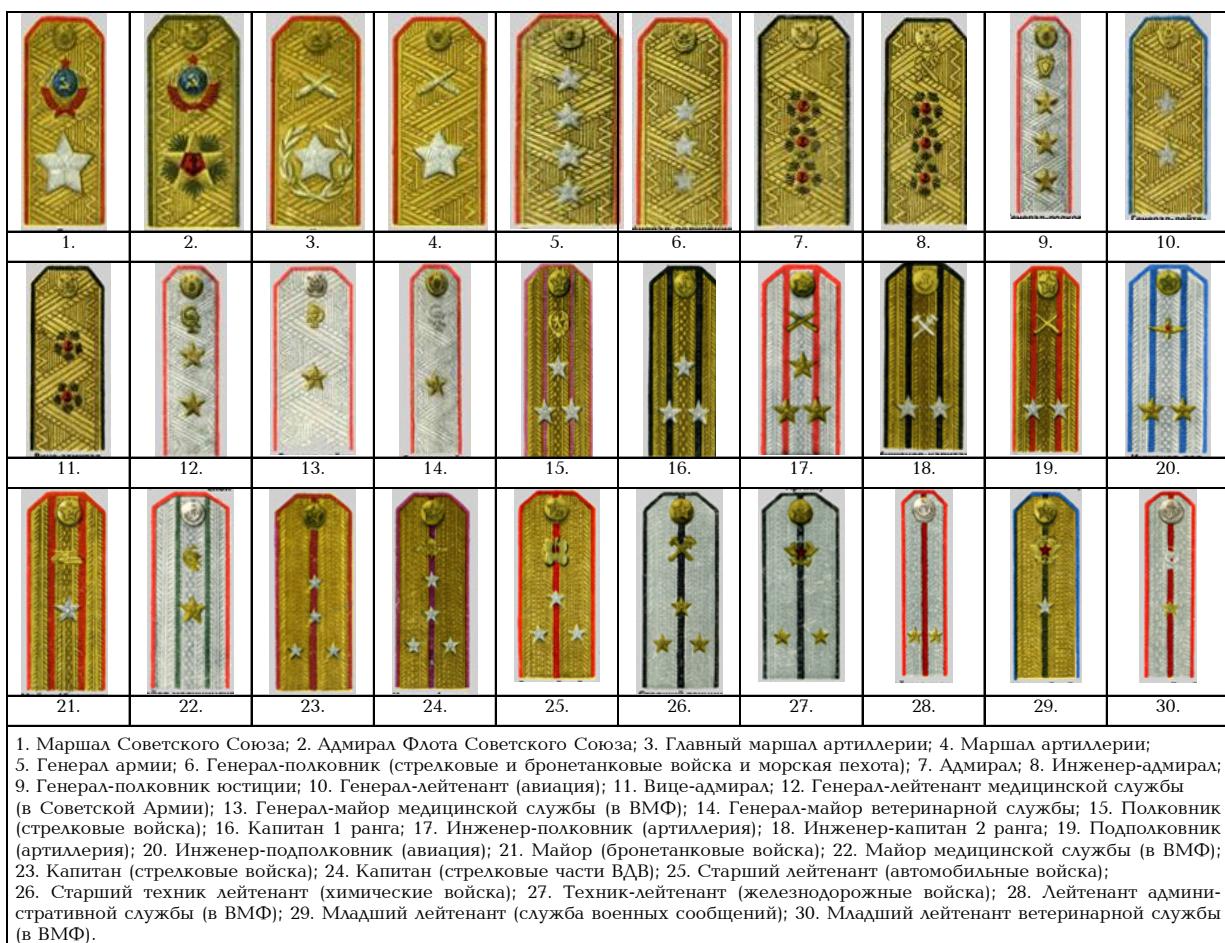
Таблица 5

Для младшего командного, рядового состава и курсантов военных училищ

Род войск	Полевые погоны			Повседневные погоны		
	цвет поля	цвет канта	цвет нашивки	цвет поля	цвет канта	цвет нашивки
Пехота	Хаки	Малиновый	Бордо	Малиновый	Черный	Золотистый
Артиллерия		Красный	Бордо	Черный	Красный	Золотистый
АБТ-войска		Красный	Бордо	Черный	Красный	Золотистый
Авиация		Голубой	Бордо	Голубой	Черный	Золотистый
Кавалерия		Светло-синий	Бордо	Светло-синий	Черный	Золотистый
Технические войска		Черный	Бордо	Черный	Черный	Золотистый
Медицинская и ветеринарная служба		Темно-зеленый	Коричневый	Темно-зеленый	Красный	Серебристый
Нестроевой младший начальствующий состав		По роду войск	Коричневый	По роду войск		Серебристый

Таблица 6

Погоны маршалов, адмиралов, генералов и офицеров СА и ВМФ (1955 г.)

цинских и военно-ветеринарных — серебристый. На погонах курсантов желтым трафаретом обозначалось название военного училища и размещались форменные латунные пуговицы со звездой, в центре которой был серп и молот.

Для высшего начальствующего состава военно-юридической службы поле погона изготавливалось из галуна особого переплетения, сходного по рисунку с переплетением галуна генеральского погона. На полевых погонах галун из шелка цвета хаки, на повседневных — из серебряной волоки. Цвет кантов погон — красный. Звездочки, эмблемы и пуговицы с гербом на погонах — металлические золоченые.

В связи с завершением Великой Отечественной войны против фашистской Германии Верховный Совет СССР определил массовую демобилизацию. Указом от 19 августа 1946 г. были введены особые отличительные знаки на погонах генералов, адмиралов и офицеров Вооруженных Сил СССР,увольняемых в запас и отставку [6, с. 144]. Для военнослужащих, уволенных в запас, отличительный знак представлял собой полоску из галуна шириной 28 мм, нашиваемую поперек погона на его нижнем конце. На золотом погоне полоска из серебряного галуна, на серебряном погоне — из золотого галуна. Для генералов, адмиралов и старших офицеров, уволен-

Таблица 7

Эмблемы в Советской Армии и Военно-Морском флоте (1955 г.)

1.	2.	3.	4.	5.	6.	7.	8.	9.	10.
11.	12.	13.	14.	15.	16.	17.	18.	19.	20.
1. Стрелковые войска; 2. Авиация; 3. Воздушно-десантные войска; 4. Бронетанковые войска; 5. Артиллерия; 6. Инженерные войска; 7. Автомобильные войска и военно-дорожные части; 8. Железнодорожные войска и служба военных сообщений; 9. Войска связи; 10. Военно-топографическая служба; 11. Интендантская и административная службы; 12. Военные дирижеры и музыканты; 13. Инженерно-корабельная служба; 14. Инженерно-техническая служба (для офицеров, проходящих службу на кораблях и в штабах соединений кораблей); 15. Артиллерия (ВМФ); 16. Инженерно-техническая служба в ВМФ — для генералов и офицеров, имеющих высшее техническое образование; 17. Адмиралы инженерно-технической службы (в ВФМ), офицеры химических войск и инженерно-технического состава общевойсковых служб — в Советской Армии; 18. Юстиция; 19. Медицинская служба; 20. Ветеринарная служба									

Таблица 8

Расцветки погон и петлиц
маршалов, генералов и офицеров Советской Армии (1955 г.)

Род войск	Полевые погоны			Повседневные погоны	
	Цвет поля	Цвет кантов	Цвет просветов	Цвет поля	Цвет кантов
Маршалы Советского Союза	Золотистый	Красный	—	Красный	Золотистый
Стрелковые войска					
Генералы	Золотистый	Красный	—	Красный	Золотистый
Офицеры	Золотистый	Малиновый	Малиновый	Малиновый	—
Артиллерия и воздухоплавательные части					
Маршалы и генералы	Золотистый	Красный	—	Черный бархат	Золотистый
Офицеры	Золотистый	Красный	Красный	Черный бархат	—
Бронетанковые войска					
Маршалы и генералы	Золотистый	Красный	—	Черный бархат	Золотистый
Офицеры	Золотистый	Красный	Красный	Черный бархат	—
Авиация					
Маршалы и генералы	Золотистый	Голубой	—	Голубой	Золотистый
Офицеры	Золотистый	Голубой	Голубой	Голубой	—
Специальные войска					
Генералы технических войск	Золотистый	Малиновый	—	Малиновый	Золотистый
Офицеры инженерных войск, войск связи, радиотехнических, зенитно-прожекторных войск, топографической службы, дорожных, строительных и инженерно-аэродромных частей	Золотистый	Черный	Черный	Черный	—
Офицеры химических войск	Золотистый	Черный	Черный	Черный	—
Офицеры автомобильных войск	Золотистый	Красный	Красный	Черный бархат	—
Офицеры железнодорожных войск	Золотистый	Черный	Черный	Черный бархат	—
Офицеры службы военных сообщений	Золотистый	Голубой	Черный	Черный бархат	—
Инженерно-техническая служба					
Генералы	Золотистый	по роду войск			
Офицеры	Серебристый	по роду войск			
Интендантская служба					
Генералы	Золотистый	Малиновый	—	Малиновый	Золотистый
Офицеры	Серебристый	Малиновый	Малиновый	Малиновый	—
Медицинская и ветеринарная служба					
Генералы	Серебристый	Красный	—	Темно-зеленый	Серебристый
Офицеры	Серебристый	Красный	Красный	Темно-зеленый	—
Юстиция					
Генералы	Серебристый	Красный	—	Красный	Серебристый
Генералы	Серебристый	Красный	—	Красный	Серебристый
Административная служба					
Офицеры	Серебристый	Красный	Красный	Темно-зеленый	—

Таблица 9

Погоны сержантов, солдат, старшинского состава, матросов, курсантов военных и военно-морских училищ, воспитанников суворовских военных и нахимовских военно-морских училищ (с января 1956 г.)

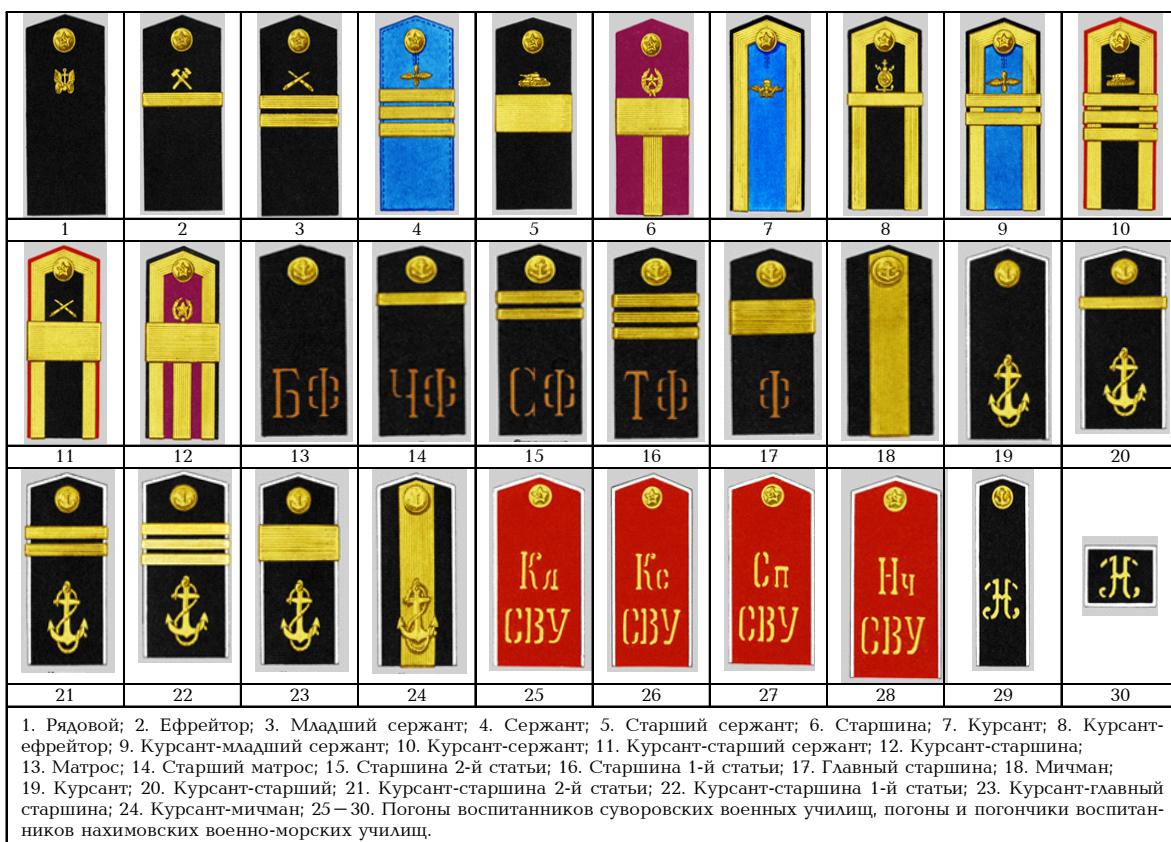

Таблица 10

Расцветки погон сержантов, солдат, курсантов и воспитанников Советской Армии (1955 г.)

Род войск (служб)	Погоны и петлицы	
	Цвет поля	Цвет кантов для курсантов и воспитанников военных училищ
Стрелковые войска	Малиновый	Черный
Артиллерия и воздухоплавательные части артиллерии	Черный	Красный
Бронетанковые войска	Черный	Красный
Авиация и воздухоплавательные части ВВС	Голубой	Черный
Инженерные войска, войска связи, радиотехнические, зенитно-прожекторные войска, топографическая служба, дорожные, строительные и инженерно-аэродромные части	Черный	Черный
Химические войска	Черный	Черный
Автомобильные войска и автомобильные части всех родов войск	Черный	Красный
Железнодорожные войска	Черный	Черный
Курсанты интендантской службы	Малиновый	Черный
Курсанты медицинской и ветеринарной служб	Темно-зеленый	Красный
Курсанты военно-технических училищ (службы снабжения горючим, пожарные)	Черный	Черный
Воспитанники суворовских военных училищ	Красный	Белый

ных в отставку, такого же размера серебряный галун имел золотой зигзаг, а золотой галун — серебряный зигзаг. Право ношения этих погон с особыми отличительными знаками предоставлялось выслужившим в Вооруженных силах 25 и более лет, а также тем генералам, адмиралам и офицерам, которые имели особые заслуги перед Родиной, хотя и не имели выслуги в 25 лет.

В феврале 1946 г. наименование «Красная Армия» (РККА) было изменено на наименование «Советская Армия», а звание «красноармеец» заменено на звание « рядовой ». До лета 1955 г. существенных изменений в виде знаков различия рядового и сержантского состава не проводилось.

Тяжелые последствия Великой Отечественной войны для экономики СССР постепенно уходили

в прошлое. Страна уверенно двигалась вперед. Начиная с середины сороковых годов, создается целый ряд инновационных отраслей, таких как атомная, ракетная, вычислительная техника, электроника, где страна как минимум не уступала США, а зачастую и опережала. Все остальные государства были далеко позади. Данные обстоятельства, а также массовое сокращение личного состава Советской Армии позволили перенаправить высвободившиеся средства на повышение качества тылового обеспечения армии [7].

30 июня 1955 г. Приказом министра обороны СССР № 105 вводятся новые Правила ношения военной формы одежды маршалами Советского Союза, адмиралами флота Советского Союза, маршалами, генералами, адмиралами и офицерами Советской Армии и Военно-Морского Флота (на мирное время) (табл. 6, 7, 8). Все ранее изданные приказы и директивы, касающиеся правил ношения военной формы одежды генералами, адмиралами и офицерами Советской Армии и Военно-Морского Флота, считались утратившими силу [8].

На закрытом кителе, гимнастерке, шинели (в Советской Армии), бекеше и полушибурке были установлены жесткие пристежные погоны. На мундире, тужурке, открытом кителе, шинели (в Военно-Морском Флоте), бушлате и летнем пальто — полужесткие нашивные погоны. На летнем пальто маршалов Советского Союза — погоны пристежные. В изготовлении погон использовался материал улучшенного качества.

4 августа 1956 г. Приказом министра обороны СССР № 120 вводятся правила ношения военной формы одежды сержантами, старшинами, солдатами, матросами, курсантами и воспитанниками Советской Армии и Военно-Морского Флота (на мирное время) [9]. Для сержантов, старшин, солдат, матросов, курсантов и воспитанников военных училищ вводились мягкие (нашивные или съемные) погоны с цветным полем по роду войск (табл. 9, 10). Нашивные погоны было определено носить на шинели, бушлате, мундире и суконной гимнастерке. Съемные погоны — на хлопчатобумажной гимнастерке, ватной куртке и полушибурке.

На погонах сержантов, мичманов, старшин, ефрейторов и старших матросов размещались нашивки по воинским званиям; в Военно-Морском Флоте нашивки носились также на погончиках. На погонах курсантов обозначение названия военного училища было отменено. На погонах и погончиках курсантов военно-морских училищ прикреплялись металлические якоря установленного образца.

Анализируя данную часть рассматриваемого периода, необходимо отметить, что самым главным событием в истории погон и знаков различия, стало введение в 1943 г. погон в качестве обязательного атрибута формы одежды Красной Армии и ВМФ. Несмотря на то что у старшего поколения погоны вызывали напоминание о старом режиме, было принято решение использовать то, что выделяло армию России многие столетия, и могло принести пользу в войне с фашизмом. Тем более что подобное обращение к военной истории России в Красной Армии уже имело место. В 1919 г. были введены головные уборы — шлемы, которые получили название «бу-

денновка». Кстати, придать ему облик древнерусского воина удалось — запечатлённый на фотографиях тех лет общий контур красноармейца заставляет вспомнить о былинных богатырях.

Примечания

¹ Советская гвардия — воинские части, корабли, соединения и объединения Вооружённых Сил СССР, преобразованные в гвардейские за массовый героизм, мужество и высокое воинское мастерство, проявленное в боях во время Великой Отечественной войны.

² Из воспоминаний А. В. Хрулёва (1892—1962), генерала армии (1943 г.). Военно-исторический журнал. 1963.

Библиографический список

1. Кутепов, В. А. К истории введения погон и знаков различия в армии России (1732—2014 гг.). Часть I. 1732—1941 гг. / В. А. Кутепов, К. А. Анкушева // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. — 2014. № 5 (132). — С. 16—21.
2. Потрашков, С. В. Иллюстрированный военно-исторический словарь / С. В. Потрашков, А. С. Потрашков. — М. : Эксмо, 2007. — 736 с.
3. Новые знаки различия // Правда. — 1943. — 7 янв. — С. 1.
4. Приказ Народного Комиссара Обороны // Известия. — 1943. — 17 янв. — С. 1.
5. О введении новых знаков различия для личного состава военно-морского флота СССР // Сборник законов СССР и указов президиума Верховного Совета СССР 1938—1975 гг. — М. : Известия советов депутатов трудящихся СССР, 1975. — С. 373.
6. Указ об отличительных знаках на погонах генералов, адмиралов и офицеров, уволенных в запас и в отставку // Сборник законов СССР и указов президиума Верховного Совета СССР. — М. : Ведомости Верховного Совета СССР, 1947. — С. 144.
7. Сталинская модернизация. Секрет Русского чуда 1945—1955 гг. В. А. Торгашев [Электронный ресурс]. — Режим доступа : http://www.tartaria.ru/Obshestvo/Ekonomiks/Stalin_ekonomirs.aspx (дата обращения: 15.05.2014).
8. Приказ Министра Обороны СССР № 105 от 30 июня 1955 г. [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <http://www.vedomstva-uniforma.ru/forma1955/1955.html#1> (дата обращения: 15.05.2014).
9. Приказ Министра Обороны СССР № 120 от 4 августа 1956 г. [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <http://www.vedomstva-uniforma.ru/forma1956/1956.html> (дата обращения: 24.05.2014).

КУТЕПОВ Виктор Анатольевич, кандидат исторических наук, заместитель начальника Учебного военного центра Омского государственного технического университета (институт военно-технического образования).

АНКУШЕВА Ксения Александровна, кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории института истории и политических наук Тюменского государственного университета.
Адрес для переписки: kutepvitor@mail.ru

Статья поступила в редакцию 15.07.2014 г.

© В. А. Кутепов, К. А. Анкушева

ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ОСНОВНЫХ НАПРАВЛЕНИЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В СФЕРЕ ТЕАТРАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ (КОНЕЦ 1990-х – НАЧАЛО 2000-х гг.)

Театр как часть национальной культуры страны является объектом особого внимания со стороны государства. В рамках регулирования театральной деятельности государство призвано создать благоприятные условия для функционирования театральных коллективов. Нормативно-правовые акты являются документами, в которых изложены концептуальные основы политики государства в сфере театральной деятельности, поэтому исследование содержания государственных нормативных актов позволяет выявить приоритетные направления политики государства, а также соотнести декларируемые цели с их непосредственной реализацией. Данный анализ позволяет выявить проблемы реализации государственной политики в указанной сфере деятельности.

Ключевые слова: театр, театральная деятельность, государственное регулирование театральной деятельности, федеральное законодательство о театральной деятельности.

Цель данной статьи — выявить основные проблемы реализации направлений государственной политики в сфере театральной деятельности с выработкой рекомендаций по её совершенствованию на основе исследования нормативно-правовых документов Российской Федерации, регулирующих указанную сферу деятельности.

Источниками для написания данной статьи являются федеральные правовые акты и федеральные программы, которые были приняты в целях регулирования театральной деятельности на территории России. Хронологические рамки охватывают период с конца 1990-х гг., когда в постсоветской России со стороны государства были приняты меры по упорядочению деятельности театров в новых условиях.

Театр, будучи неотъемлемой частью национальной российской культуры, в определённой степени формирует мировоззренческие установки граждан страны, поскольку в театральных постановках затрагиваются отдельные общественные проблемы (например, проблемы взаимоотношений власти и общества в театральных постановках произведений Н. В. Гоголя и др.). Соответственно, театральное искусство рассматривается как важный элемент в формировании нравственного, духовного и культурного потенциала общества и в качестве таковой является в России объектом государственной политики. Нормативно-правовое обеспечение театральной деятельности, являясь одним из направлений государственной политики, призвано упорядочить указанную сферу деятельности, причём ведущая роль при этом отводится государству. Поэтому в постсоветский период в России были предприняты попытки создать нормативно-правовую базу для функционирования театров.

Вместе с тем конкретные направления политики государства в части нормативно-правового обеспечения театральной деятельности не получили практически никакого освещения в научной литературе, посвящённой театральной деятельности. Авторы в абсолютном большинстве случаев рассматривают театральную жизнь, так сказать, «изнутри» (театральные постановки, особенности деятельности театров в условиях города и в сельской местности и др.). При этом практически не уделяется внимания «внешнему» воздействию на театральную деятельность со стороны государства [1].

Наиболее общие основания для театральной деятельности установлены в Конституции России, в которой говорится о праве каждого гражданина на участие в культурной жизни и пользование учреждениями культуры, а также на доступ к культурным ценностям. В Конституции России также закреплено право каждого гражданина на свободу литературного, художественного и других видов творчества [2].

Одним из направлений государственной политики в сфере театральной деятельности в России стало бурное обсуждение в конце 1990-х гг. проекта Федерального закона РФ «О театре и театральной деятельности в Российской Федерации». Данный федеральный закон был призван установить общие основания для театральной деятельности на территории Российской Федерации.

Еще в 1997 г. в Совете Федерации Федерального собрания России проходили парламентские слушания, на которых обсуждался вопрос о необходимости принятия специального федерального закона, который бы установил прочные правовые основы театральной деятельности. Данная позиция государственных органов была поддержана участниками

Всероссийского театрального форума «Театр: время перемен» [3]. Проект федерального закона, призванного регулировать сферу театральной деятельности, был внесён на рассмотрение депутатов Государственной Думы Федерального собрания России в конце 1999 г. Но после нескольких лет обсуждения представленный проект был отклонён депутатами после замечаний, высказанных Правительством России, Комитетом по культуре Государственной Думы, а также заключения Правового управления аппарата Государственной Думы.

С конца 1990-х гг. в России на уровне Правительства России были принят ряд документов, которые были направлены на формирование базовых направлений политики государства в сфере театральной деятельности.

25 марта 1999 г. вышло в свет постановление Правительства Российской Федерации № 329 «О государственной поддержке театрального искусства в Российской Федерации» [4]. В документе зафиксированы меры государственной поддержки по отношению к ведущим направлениям театральной области:

- укрепление и сохранение театральных традиций русского репертуарного театра, развитие инновационной деятельности в рамках театрального дела;

- формирование благоприятных условий, необходимых для кадрового обновления творческих театральных трупп, для социальной защиты работников театра;

- сохранения единой культурной среды РФ и стран СНГ посредством систематической гастрольной деятельности.

Также в данном постановлении определены стратегические действия Министерства культуры Российской Федерации, ключевые из которых:

- активизация государственных заказов на создание новых театральных произведений;

- обеспечение необходимыми средствами гастрольной деятельности театров, включая организацию фестивалей, конкурсов и т.п.;

- разработка комплекса мероприятий, направленных на привлечение внебюджетных средств на развитие театральной деятельности;

- подготовка предложений о внесении изменений в нормативные правовые акты, связанные со сферой образования в рамках подготовки театральных деятелей.

Еще одной важной вехой в нормативно-правовом регулировании театральной деятельности можно считать пункт, в котором телеканалу «Культура» рекомендовано предусматривать в сетке вещания телепередачи, посвященные театральному искусству народов России.

Особое внимание в документе уделено рекомендациям органам исполнительной власти субъектов Российской Федерации и органам местного самоуправления:

- ориентировать части бюджетных средств на постановку спектаклей, развивать культурные связи между нациями с обеспечением всем гражданам равного доступа к ценностям культуры;

- не взимать с театров платы за пользование зданиями и иным имуществом;

- устанавливать тарифы на коммунальные услуги, тождественные тарифам бюджетных организаций;

- активно реализовывать создание творческих театральных мастерских.

В анализируемом постановлении утверждено Положение о театре в Российской Федерации, кото-

рое систематизирует и освещает основные принципы деятельности российских театров, их функционирование, социальные, экономические и правовые условия их создания, а также мероприятия государственной поддержки.

В Положении прописано определение театра как организации, основная деятельность которой — подготовка и показ спектаклей, других публичных представлений, а также предоставление сопутствующих этому услуг в целях формирования и удовлетворения потребностей людей в области сценического искусства.

В Положении также обозначены основные принципы деятельности театра в Российской Федерации:

- защита прав, связанных с результатами творческой деятельности театра, в соответствии с законодательством об авторском праве;

- сохранение единства культурного пространства с одновременным развитием культурных связей между нациями, между регионами и между государствами;

- обеспечение со стороны конституционного права свободы творчества;

- укрепление и развитие самобытности российской культуры и национального самосознания;

- обеспечение независимости театра относительно выбора художественных направлений, репертуара, публикации рекламных и других материалов, не выходящих за рамки законодательства Российской Федерации.

Прописывая театр как некоммерческую организацию, Положение определяет возможных учредителей театра среди которых могут быть как федеральные органы исполнительной власти, органы исполнительной власти субъектов РФ, органы местного самоуправления, так и граждане и юридические лица, в том числе иностранные, и лица без гражданства. Театры регистрируются уполномоченным органом в соответствии с законодательством РФ и в качестве учредительных документов имеют устав, либо устав и учредительный договор, либо учредительный договор.

Необходимо подчеркнуть, что документ фиксирует и возможные виды предпринимательской деятельности театра:

- организация деятельности, которая приносит доход в соответствии с заявленными целями театра;

- возможность сдавать в аренду имущество театра и его основные фонды;

- оказание посреднических услуг;

- возможность приобретения ценных бумаг: облигаций, акций — и получение в соответствии с ними доходов.

Отдельным разделом документа является информация относительно организации и финансирования деятельности театра. Например, основные источники финансирования определяются следующим образом:

- ассигнование учредителей;

- средства, которые получены от реализации билетов на спектакли и от сопутствующих услуг;

- средства, полученные на основе реализации работ в соответствии с договорами, заключенными с органами государственной власти или местного самоуправления;

- кредиты банков;

- средства, полученные от предпринимательской деятельности;

- средства, которые получены по завещаниям, добровольным взносам и дарам.

В анализируемом документе, на наш взгляд, важным является положение о возможности коммерци-

ализации театральной деятельности, хотя в целом театр определяется как некоммерческая организация. В этом случае, как мы считаем, посетитель театральных постановок выступает не просто как человек, интересующийся театральным искусством, но также и как потребитель, которому театр оказывает определённые услуги. Но тогда возникает вопрос оценки качества предоставляемых услуг, что в театральной сфере не всегда возможно (например, если зрителю не понравилась режиссёрская постановка или режиссёрское видение того или иного произведения, то тогда насколько будут обоснованы его претензии).

Очередной ступенью в развитии нормативно-правового регулирования театральной деятельности стало Постановление Правительства Российской Федерации от 28 апреля 2007 г. № 252 «Об утверждении перечня профессий и должностей творческих работников средств массовой информации, организаций кинематографии, теле- и видеосъёмочных коллективов, театров, театральных и концертных организаций, цирков и иных лиц, участвующих в создании и (или) исполнении (экспонировании) произведений, особенности трудовой деятельности которых установлены Трудовым кодексом Российской Федерации» [5]. Документ определяет должности служащих (170 единиц) и профессии рабочих (18 единиц).

Новым этапом развития нормативно-правового регулирования театральной деятельности стало письмо Министерства культуры РФ «О поддержке гастрольной деятельности театров и театральных организаций на территории Российской Федерации» от 21 декабря 2010 г. [6]. В письме прописаны принципы финансовой поддержки гастрольной деятельности российских театров и театральных организаций, которые осуществляются в рамках программ и проектов Минкультуры России.

В качестве приоритетных направлений поддержки гастрольной деятельности театров обозначены следующие:

- 1) гастрольные проекты, которые ориентированы на развитие инновационных форм театрального искусства;
- 2) гастроли в «малые» города;
- 3) проекты, позволяющие вовлекать в общекультурное пространство России регионы Дальнего Востока и республики Северного Кавказа.

В анализируемом документе четко определены направления поддержки гастрольной деятельности театров, ведущими из которых являются следующие:

- предоставление методической и организационной помощи в процессе реализации гастрольной деятельности в субъектах РФ;
- помочь, ориентированная на реализацию информационных ресурсов, отражающих сведения о гастрольной деятельности театров на территории России;
- курирование мероприятий, направленных на формирование института экспертной оценки;
- поддержка значительных гастрольных проектов на территории РФ.

Данный документ отражает цели и условия оказания финансовой поддержки гастрольным проектам со стороны Минкульта России.

Обращает на себя внимание факт вовлеченности в общетеатральное пространство России как «малых» городов, так и удаленных от федерального центра регионов.

Государственная политика в сфере театральной деятельности в России реализуется не только на федеральном, но и на региональном уровне. Так, на-

пример, в Омской области 24 октября 2000 г. [7] вышло соответствующее постановление губернатора, в котором с ссылкой на упомянутое нами выше постановление Правительства РФ от 25 марта 1999 г. указаны меры по непосредственной финансовой поддержке деятельности государственных театров на территории Омской области. Интересно отметить, что одной из целей финансирования театров указано предотвращение коммерциализации театральной сферы, что, как нам представляется, входит в определённое противоречие с линией федеральных органов. Но вопрос о политике государства на региональном уровне будет рассмотрен нами особо в отдельной статье.

Выходы и рекомендации. Таким образом, анализ нормативно-правовой базы театральной деятельности показал наличие нескольких направлений в государственной политике по отношению к указанной деятельности в России. В частности, речь идёт о следующем:

- уточнении терминологической базы государственного регулирования сферы театральной деятельности;
- критериях классификации театров (государственные, муниципальные и др. театры);
- регулировании отношений между театром и зрителями, выступающими в качестве потребителей услуг сферы культуры;
- особенностях регулирования правовых отношений в среде творческих работников театральных профессий;
- особенностях регулирования деятельности организаций, формирующих инфраструктуру театрального рынка;
- особенностях налогообложения в сфере театральной деятельности.

На основе анализа приоритетов государственной политики мы можем обозначить ряд проблем, связанных с этой сферой, и дать рекомендации в целях интенсификации развития театральной среды.

1. На наш взгляд, одной из ключевых проблем сегодняшнего театра является постепенный уход со сцены русского классического театра. Стремление к театральным инновациям, увлеченность театральными экспериментами — все это стало причиной все большего отхода от классического репертуара. Законодательная поддержка обращенности театров к русской классике поможет решить назревшую сегодня проблему.

2. Прописывая нормативные положения о гастрольной деятельности театров, официальные документы опускают региональную привязанность театральной деятельности. На наш взгляд, необходимо четко зафиксировать те регионы, внутри которых возможно интенсивное развитие театральной деятельности.

3. Сегодня все чаще появляются новые театральные студии, артисты выступают с инициативой создания новых театров, в связи с этим было бы вполне обоснованным принятие отдельных документов, которые бы регламентировали процесс создания и становления новых театров, как муниципальных, так и коммерческих. Например, в Омске новые театры сталкиваются с одними и теми же проблемами: наличие помещения, финансирование и т.п.

4. Необходимо акцентировать особое внимание на организации театрального сообщества единомышленников, способных как активно развивать театр и театральную среду региона, так и принимать активное участие в государственном регулировании театральной деятельности.

5. С целью активного привлечения дополнительных материальных средств можно создать нормативные документы и положения, которые бы регламентировали деятельность театров по оказанию экскурсионных услуг.

6. По нашему мнению, необходимо расширять театральную аудиторию, в связи с чем можно было бы активно использовать видеозаписи (телефильмы) спектаклей, используя при этом не только телеканал «Культура», а это, в свою очередь, требует нормативных документов, регламентирующих данную деятельность.

7. И, наконец, необходимо активизировать и совершенствовать интернет-деятельность театров: модификация сайтов, разработка виртуальных экскурсий, размещение видеоверсий спектаклей. А это требует определенной нормативной основы.

Библиографический список

1. Мельникова, Е. В. Театр и город сибирской провинции: вторая половина XIX – начало XX в. : дис. ... канд. ист. наук / Е. В. Мельникова. – Омск, 2000. – 281 с.

2. Конституция Российской Федерации: принята 12.12.1993 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://constitution.ru/> (дата обращения: 25.04.2014).

3. Пояснительная записка «К проекту Федерального закона «О театре и театральной деятельности в Российской Федерации» [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=PRJ;n=30869> (дата обращения: 11.05.2014).

4. О государственной поддержке театрального искусства в Российской Федерации [Электронный ресурс]. – Режим

доступа : <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=40284> (дата обращения: 12.04.2014).

5. Об утверждении перечня профессий и должностей творческих работников средств массовой информации, организаций кинематографии, теле- и видеосъемочных коллективов, театров, театральных и концертных организаций, цирков и иных лиц, участвующих в создании и (или) исполнении (экспонировании) произведений, особенности трудовой деятельности которых установлены Трудовым кодексом Российской Федерации [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=68004> (дата обращения: 11.04.2014).

6. О поддержке гастрольной деятельности театров и театральных организаций на территории Российской Федерации [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=EXP;n=496852> (дата обращения: 23.03.2014).

7. О государственной поддержке театрального искусства в Омской области: Постановление Губернатора Омской области от 24 октября 2000 года № 340-п [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://docs.cntd.ru/document/943016717> (дата обращения: 11.02.2014).

МЕЛЬНИКОВА Елена Викторовна, кандидат исторических наук, доцент (Россия), доцент кафедры туризма.

Адрес для переписки: melnikovaelena2009@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 20.05.2014 г.

© Е. В. Мельникова

КНИЖНАЯ ПОЛКА

Величко, С. А. Вспомогательные исторические дисциплины : учеб. электрон. изд. локального распространения : конспект лекций для заоч. и дистанц. формы обучения специальности 030402 «Историко-архивоведение» / С. А. Величко ; ОмГТУ. – Омск, 2014. – 1 о=эл. опт. диск (CD-ROM). – ISBN 978-5-8149-0583-3.

Рассматриваются основные вопросы курсов палеографии, нумизматики, сфрагистики, геральдики, исторической метрологии, хронологии, ономастики, генеалогии и систем социального этикета. Издание соответствует государственному стандарту специальности 030402 «Историко-архивоведение». К каждой лекции приводится список литературы и контрольные вопросы. В конце издания дан список сокращений. Для студентов 2-го курса специальности «Историко-архивоведение» заочной и дистанционной форм обучения.

Замиралова, Т. А. Этнология : учеб. электрон. изд. локального распространения : конспект лекций / Т. А. Замиралова, С. Б. Крих ; ОмГТУ. – Омск, 2014. – 1 о=эл. опт. диск (CD-ROM).

Кратко изложены основные темы и проблемы этнологии. Курс ориентирован на студентов ОмГТУ, прежде всего на студентов, обучающихся по специальности «Социальная работа», поэтому в лекциях сделан акцент на связь этнологии с социологией. Материал предназначен для студентов дистанционной формы обучения специальности 040104 «Социальная работа».

Когут, М. Т. История России (с древнейших времен до конца XVIII в.) : учеб. электрон. изд. локального распространения : конспект лекций / М. Т. Когут ; ОмГТУ. – Омск, 2014. – 1 о=эл. опт. диск (CD-ROM).

Издание содержит конспекты лекций по разделам дисциплины «История России» с древнейших времен до конца XVIII в. и библиографический список. Структура и содержание лекций соответствуют государственному стандарту высшего профессионального образования специальности «Историко-архивоведение». Для студентов специальности «Историко-архивоведение» и других исторических специальностей дистанционной и заочной форм обучения.

КРЕСТЬЯНСКОЕ СОПРОТИВЛЕНИЕ ГОСУДАРСТВЕННЫМ РЕФОРМАМ — ОПЫТ XX ВЕКА

В статье рассматриваются активные и пассивные формы крестьянского сопротивления государственным аграрным преобразованиям в период XX века. Активные формы сопротивления рассматриваются как коллективные действия низших слоев и групп населения, выражающих свои социально-экономические и политические интересы в открытой форме: мирских решениях, восстаниях, выступлениях, митингах. Анализ содержания Устава сельскохозяйственной артели и его соблюдение по протоколам общих собраний колхозников и заседаний правления колхозов позволило автору охарактеризовать различные нарушения трудовой дисциплины и порчи колхозного имущества, последствия и противодействия им со стороны правления колхоза, последствия, а также причины этих нарушений. Нарушения трудовой дисциплины и порчи колхозного имущества рассматриваются авторами как форма пассивного сопротивления государственным аграрным преобразованиям.

Ключевые слова: мирские решения, восстания, митинги, колхозы, протоколы заседаний правления колхоза и общих собраний колхозников, дисциплина труда.

Аграрный сектор экономики России на протяжении XX века претерпевает структурные изменения, получая опыт взаимодействия с государственной системой (советский период), с рынком (постсоветский период). Крестьянство сохраняет возможность воздействовать на происходящие политico-экономические изменения: либо оказывает сопротивление, либо адаптируется к ним [1, с. 346 – 348].

Восприятие социально-экономических изменений теми, на кого направлена стратегия развития, — одно из новых направлений отечественных и зарубежных исследований второй половины XX в. [2, с. 8 – 24]. Не претендуя на полноту изложения проблемы, мы в ее пределах рассмотрим крестьянское сопротивление реформам «сверху» и его влияние на интенсивность модернизационных процессов.

Активные формы сопротивления далее рассматриваются как коллективные действия низших слоев и групп населения, открыто выражающих свои социально-экономические и политические интересы. К ним относятся мирские решения, восстания, выступления, митинги.

Попыткой оказать влияние на ход социально-экономических преобразований в начале ХХ (1905 – 1907 гг.) века можно считать мирские решения: приговоры, наказы, прошения, заявления, постановления, резолюции, письма, телеграммы и т.д. [3, с. 56 – 88].

В приговорах и наказах крестьяне требовали безвозмездного отчуждения помещичьих, казенных, удельных, монастырских, церковных земель, отмены выкупных платежей и замены всех налогов единым прогрессивно-подоходным налогом для всех сословий, ликвидации крестьянской сословности, отмены частной собственности на землю. Крестьяне деревни Моховой Курской губернии писали: «Признавая, что земля как предмет, никем из людей не созданный и необходимый для каждого человека, не может принадлежать в собственность одному человеку, а должна быть общим достоянием всех, кто обрабатывает ее своими руками...» [3, с. 67].

Восстания на северо-западе Советской России в 1918 – 1919 гг. С. В. Яров иллюстрирует как противостояние между крестьянством и властями в годы Гражданской войны и показывает выступления как обычное бытовое явление военно-коммунистической эпохи. Автор подразделяет волнения на «неоконченные» выступления, «хаотичные» и «митинговые» волнения, дезертирские восстания [4, с. 134 – 136, 139, 143 – 148].

Основными причинами крестьянских волнений в деревнях северо-западной Советской России в указанный период (включавшей территории Архангельской, Вологодской, Новгородской, Олонецкой, Петроградской, Псковской, Северо-Двинской и Череповецкой губерний) являлись реквизиция хлеба и скота в виде налогов, а также военные мобилизации людей. Перечисленные выше волнения объединяют общие черты: восстания не имели ярко выраженной политической направленности, крестьян в основном без особого труда, разгоняли красноармейцы, восстания были непродолжительными — не более двух дней. Восстания свидетельствовали о масштабном недовольстве политикой военного коммунизма и способствовали в конечном итоге переходу к новой экономической политике.

В советской историографии утверждилось прямолинейное представление — складывание командно-административной системы государственного устройства вытекало из потребностей разрозненной крестьянской стихии, неизбежно требовавшей сильной личности (так называемый крестьянский монархизм) [5, с. 225]. Само же крестьянство рассматривалось как инертная социальная масса, достаточно равнодушная к государственным делам. Существует немало оснований придерживаться такой концепции.

Вместе с тем Р. У. Девис, О. В. Хлевнюк, И. Е. Зеленин и др. обращают внимание на факты, которые выпадают из этой схемы.

Строительство сталинской модели социализма сопровождалось массовыми арестами крестьян, что,

в свою очередь, вызывало их сопротивление. В 1929 г. в стране было зарегистрировано более 1300 мятежей [6, с. 23]. В конце 1929 — начале 1930 гг. политика массового создания колхозов также встретила сопротивление: в январе зарегистрировано 346 массовых выступлений с участием 125 тыс. крестьян, в феврале — 736 выступлений, в которых участвовали 220 тыс. крестьян, в марте — 1642 массовых выступления, в них приняли участие 800 тыс. крестьян (данные без Украины). Приведенные данные свидетельствуют о масштабности и массовости крестьянского сопротивления, проводимым в деревне преобразованиям. Причем восстания оказали влияние на ход коллективизации — в результате правительство вынуждено было перейти к более мягкой политике. (На короткий промежуток времени в марте — апреле 1930 г. руководство смягчило курс — 2 марта газета «Правда» опубликовала статью Сталина «Головокружение от успехов», в которой вина за «перегибы» коллективизации возлагалась на исполнителей — низовое партийное и государственное руководство) [7, с. 124, 125, 127 — 129]. В апреле правительство еще более ослабило политику постановлением ЦК ВКП(б), предусматривавшим применение наказания к наиболее жестким исполнителям и разрешило свободный выход крестьян из колхозов [8, с. 333 — 336]. Вместе с тем контроль ситуации в деревне был сохранен и с осени 1930 г. насилиственная коллективизация была возобновлена.

Новая волна массового крестьянского сопротивления началась в 1932 г. Крестьяне нападали на государственные хлебные склады, выходили из колхозов. Так, по данным, приведенным И. Е. Зелениным, с января по июль 1932 г. количество колхозов в РСФСР сократилось на 1370,8 тыс. [9, с. 62]. Весной начался протест в городах: «Так, в начале 1932 г. в Вычуге Ивановской области несколько месяцев не выдавали муку; дети, получавшие до того 100 г хлеба в день, были переведены на 60 г паек... 7 — 9 апреля, например, большие группы жителей белорусского г. Борисова разгромили хлебные склады, организовали демонстрацию и нашествие женщин и детей к красноармейским казармам... Демонстранты встретили определенную поддержку у представителей местных властей и милиционеров... В Ивановской области активное участие в забастовках и демонстрациях принимали местные коммунисты» [10, с. 106].

В результате правительство вынуждено было перейти к более «либеральной» политике. По свидетельству исследователей Р. У. Девис и О. В. Хлевнюк, в мае 1923 г. СНК, ЦИК СССР и ЦК ВКП (б) выпустили ряд постановлений, разрешающих сокращение государственного плана хлебо- и скотозаготовок, свободную торговлю хлебом с 15 января 1933 г. после выполнения хлебозаготовок, мясом, после выполнения поставок в государственные фонды; а также о недопустимости ликвидации личных подсобных хозяйств колхозников, о возвращении колхозникам ранее обобществленного скота и др. [7, с. 129].

Непоследовательные уступки со стороны сталинского руководства деревне в эти годы не смогли предотвратить голод, эпидемии, индустриальный кризис, так как основными методами проведения коллективизации оставались репрессии. Вместе с тем активное крестьянское сопротивление корректировало политику «больших скачков» как в деревне, так и в городе. Так, план второй пятилетки уже предусматривал снижение темпов прироста промышленной продукции и капиталовложений, а в деревне крестьянский двор, вопреки государственной стратеги-

ческой цели, сохранил личное подсобное хозяйство.

В конце 20-х — начале 30-х гг. XX в., видимо, был последний всплеск крестьянского недовольства против насилиственных преобразований в деревне, проявившийся в активных формах. В дальнейшем и сами преобразования носили более лояльный характер, и крестьянство, сохранив личное подсобное хозяйство, гибко приспособливалось к изменяющимся социально-экономическим условиям. Уход от активной, внешне проявляемой позиции в указанный период — это результат и окончательного разрушения крестьянского мира и окончательного нарушения баланса интересов крестьянского двора и интересов всего общества. (В 30-е гг. XX в., по мнению Н. Покровского, было окончательно нарушено взаимодействие крестьянского двора и государства.) [5, с. 230].

В дальнейшем выражение позиции крестьянства к реформам и преобразованиям следует рассматривать с точки зрения пассивной реакции (хозяйственной деятельности, выживания, развития) крестьянского двора [11, с. 285 — 290].

Д. Скотт, обращаясь к проблеме восприятия крестьянством государственного реформирования сельского хозяйства, обратил внимание на четыре формы обыденного сопротивления: браконьерство, крестьянское сопротивление налогообложению, дезертирство, сопротивление деревни государственному социализму [12, с. 37 — 41].

Даже в период сталинской коллективизации приворовывание (воровство) (по терминологии Д. Скотта — браконьерство) не являлось редким явлением в колхозной жизни крестьян, это была одна из форм выживания в жестких рамках режима. В качестве яркого примера можно привести рассказ крестьянки, записанный и опубликованный В. Вернадским, который свидетельствовал — своевольно взять мешок зерна из колхоза не считалось воровством внутри крестьянского общества [13, с. 165 — 169].

Не оспаривая форму обыденного крестьянского сопротивления реформам, названную Д. Скоттом: сопротивление деревни государственному социализму, мы обоснуем нарушение трудовой дисциплины и других статей Устава сельскохозяйственной артели — как еще одну форму пассивного протестного поведения крестьян против государственных аграрных реформ в период «оттепели» 1953 — 1964 гг. Вместе с тем данное явление вполне соответствовало коллективному (социалистическое по политическому признаку) хозяйству — колхозам, и не было протестом против государственного социализма.

Констатация фактов нарушения трудовой дисциплины встречается практически в каждом протоколе общего собрания колхозников и собраний правления колхоза: нарушение распорядка дня (приход и уход с работы по собственному усмотрению), невыход на работу без уважительной причины, плохая работа, не принесшая результатов, самовольное принятие решения: где работать в рабочее время без разрешения бригадира (например — самовольно уехал рубить дрова), уезд из колхоза на время по своим делам (в гости, за лесом, за соломой и т.д.), простоти тягловой силы — лошадей и техники, использование животного и механического тягла в личном хозяйстве [14, л. 39], потрава животными посевов (зерна, гороха и других сельскохозяйственных культур) [15, л. 4], невыход на работу от 1 дня до 1,5 месяцев [16, л. 1, 2, 4]. Были случаи, когда молодые колхозники без разрешения покидали колхоз и уез-

жали в соседнюю деревню учиться на трактористов [14, л. 36]. Распространенным явлением было пьянство [14, л. 10 – 15].

Последствия таких нарушений были плачевными в каждом конкретном случае. В животноводстве они приводили к падежу животных: например, «овчарка... самовольно бросила овец, ... погибло 7 ягнят» [15, л. 8]. Животные недополучали кормов, на фермах не было соломенной подстилки по несколько дней — в итоге ферма теряла ежедневно по 1,5 – 2 ц молока [14, л. 15]. В результате колхоз имел убытки: терялись надои и привесы массы у животных, молоко терялось внутри бригады (разбивалось водой, занижалось количество надоенных литров при записи в ведомости, преувеличивался расход молока для поения телят), падала яйценоскость птицы и т.п. [17, л. 6 – 7]. Пьянство приводило к невыполнению непосредственных рабочих обязанностей.

Нарушения трудовой дисциплины и порча общественного имущества были обычным явлением. Противодействовать им правление колхоза пыталось и по Уставу сельскохозяйственной артели, и не по Уставу. Взимались денежные штрафы в виде снятия 5 т/д. Так, к примеру, за непогрузку леса в бригаде из 4-х человек были оштрафованы на 209 руб. каждый и снято по 5 т/д с каждого, за простой пилорамы взыскивали 400 руб. Вместе с тем письменные жалобы в правление колхоза, наказавшего виновных деньгами, приводили к тому, что деньги этим же правлением возвращались обратно, оставляли только снятые 5 т/д с нарушителя как полагалось по Уставу [14, л. 1 – 2]. В случае простоя тягловой силы конюха наказывали взысканием с него по 25 рублей за сутки. [14, л. 39].

Случаи, связанные с порчей имущества колхоза: потеря сбруи, порча деталей трактора, кадок, бидонов, пролитое молоко и т.д. — после предписания виновному штрафа в денежной форме правление колхоза после заявления виновных в большинстве случаев списывало потерю [17, л. 10 – 11]. Мера денежного взыскания скорее носила устрашающий характер, чем реальное материальное наказание [14, л. 3 – 6].

Потрава посевов (зерна, гороха и других сельскохозяйственных культур) также была связана с нарушением внутриколхозного распорядка жизнедеятельности и напрямую с порчей колхозного имущества. С этим бедствием справиться было не просто, пастухов не хватало на все дойные стада колхоза, не говоря уже о стаде колхозников. Поэтому решение в таких ситуациях носило компромиссный характер: правление требовало организовать пастьбу скота колхозников в каждой бригаде по очереди или (в случае со свиньями) следовало указание бригадирам сделать ограждения (заборы) колхозных дворов, где содержались эти животные [15, л. 4].

Решения по вопросам нарушения внутреннего распорядка колхозной жизнедеятельности были достаточно разнообразными и в каждом конкретном случае принимались правлением отдельно: вынесение предупреждения, записывание в книжку работника, лишение выходного дня, правление обязывало бухгалтера колхоза на каждого колхозника завести карточки взыскания и поощрения. Были исключения, когда штрафовали не формально — на 5 т/д по Уставу, а достаточно серьезно, за серьезные нарушения и оставляли принятное решение в силе. (Так, на заявление пастуха, оставившего стадо без присмотра, восстановить ему 200 трудодней, снятых правлением

колхоза за прогул, последовал отказ, ранее принятое решение осталось в силе) [14, л. 14]. В ряде случаев при падеже более одного животного наказывали денежным штрафом, и это решение оставалось в силе даже после заявления виновного списать штраф. В случае задолженности и бегства из колхоза дело передавали в народный суд [18, л. 6].

При падеже скота обычным явлением было списание животных, хотя причины назывались конкретные — халатность, отсутствие профилактических работ, недокармливание, недосмотр за животными [15, л. 10 – 11]. Наказывая 5 т/д правление колхоза могло одновременно временно задержать выдачу соломы [19, л. 5]. За самовольный уезд из колхоза штрафовали 5 т/д и переводили на низкооплачиваемую должность: «За самовольный уезд в г. Кемерово Санину Пелагею оштрафовать на 5 т/д, а Санина Александра снять с работы фуражира и передать в бригаду № 1 на общие работы [19, л. 12]. Крайняя мера — исключение из членов колхоза. Случаи неоднократного (более 3-х раз) нарушения трудовой дисциплины были редким явлением.

Наказания за прогулы и пьянство были достаточно мягкие: из 34 человек, нарушивших трудовую дисциплину в одном колхозе в течение одного месяца: были предупреждены — 16, получили выговор — 5, оштрафованы 5 т/д — 9, обсуждено поведение на собрании партийной организации — 4. Как утверждали сами колхозники, порядок на рабочих местах был только там, где за пьянство и прогулы выгоняли с работы [14, л. 15].

Таким образом, самой популярной мерой противодействия при нарушении трудовой дисциплины и порче колхозного имущества был штраф в 5 т/д, как полагалось по Уставу. Случаи со штрафами на реальную сумму стоимости испорченного колхозного имущества и начисления штрафа в виде более чем на 5 трудодней были частыми явлениями, вместе с тем практически всегда, когда колхозники с течением времени подавали встречное заявление о снятии денежного штрафа, просьба удовлетворялась, а имущество списывалось с колхозного баланса. Эти жесткие меры были недолговременными [18, л. 3 а].

Причины нарушения трудовой дисциплины, с точки зрения правления колхоза и колхозников, заключались в неумении руководящего состава координировать работу, плохом личном примере — заведующие фермами на фермах бывают редко, у руководителей (председателей, заведующих фермами) жены числятся в колхозе, но не работают [20, л. 34, 37]. В итоге негативный пример перенимают и работники. «Выступал тов. Исаков В. Ф., говорил, что животноводство — это серьезное дело, а как надо, чтоб шли дела, руководящий состав — бригадиры и все другие относятся к своей работе халатно, не имеют в виду, какой человек, можно ли его поставить на ферму... Мне не нравится, почему бригадиры ходят по делам, а разве люди не знают, что ему надо работать? Такая практика плохая» [20, л. 49].

Меры воздействия на работников декларировались: бригадир не должен начислять трудодни тем, кто без его разрешения уходит с работы, а также лишать подвод на базар и в гости и т.п. [16, л. 19]. Правление обязывало бригадиров строго учитывать подводы, выдаваемые на личные нужды, и списки отдавать в контору колхоза; колхозникам, не подчиняющимся бригадиру по работе и раньше срока уходящим с работы, не начислять трудодни [26, л. 19 – 20].

Несколько эти меры были действенными — сказать трудно, можно предположить, что все остава-

лось по-прежнему, так как нарушили трудовую дисциплину и распорядок для все социальные статусы: руководители, специалисты, работники.

Мы видим, что правление колхоза, руководящее звено, сами труженики (колхозники), констатируя факты нарушения трудовой дисциплины, фокусировали свое внимание на безответственности части руководящего звена, отдельных специалистов и части колхозников. Критика колхозного строя не имела места.

Правление колхоза списывало все недостатки в колхозном хозяйстве на нарушение трудовой дисциплины колхозниками, а сами колхозники видели и отмечали недостатки в руководстве правления колхоза. Перекладывание ответственности за нерешенные проблемы, особенно в животноводческой отрасли, имело вполне объективные основания. Во-первых, уровень образования и членов колхоза, и правления носил школьный характер и иногда профессиональные курсы, он не позволял анализировать причинно-следственные связи. Во-вторых, объемы хозяйственных работ при частичной механизации (практически механизированы были только полевые работы) носили непосильный характер, контролировать его абсолютное выполнение было невозможно. Например, ветеринар должен был быть на каждой ферме с утра, а он один и на несколько ферм; работники колхозов выполняли не только свои профессиональные обязанности, но и фактически были разнорабочими в коллективном хозяйстве. В их функции входило: очистка прикрепленного участка леса, прополка свеклы, кукурузы, заготовка сена, сбор картофеля, моркови, капусты и т.п. в колхозном хозяйстве. В-третьих, в период индустриальных процессов не все живущие в деревне и являющиеся членами колхоза сохранили крестьянскую сущность — крестьянский статус часть деревенских жителей его теряла, а вместе с ним и желание трудиться на земле. В итоге у этой части колхозников ответственность как необходимая составляющая производственного процесса притуплялась, т.к. ставились иные цели и задачи, не связанные с деревенской жизнью.

Судя по протокольной части, неудовлетворительная трудовая дисциплина — это явление массового характера, являлось отражением пассивного сопротивления колхозному строю.

Кропотливая работа по обслуживанию коллективного хозяйства дублировала труд в личном хозяйстве, выбор тщательности работы в основном оставался за ним. Крестьяне сталкивались с необходимостью трудиться в колхозе помимо своих непосредственных обязанностей, оказываясь перед выбором, молчаливо оказывались на стороне личного хозяйства. Страдала колхозная трудовая дисциплина.

Не был бескорыстным и процесс взаимодействия колхоза с личным хозяйством колхозников. В отличие от совхозов личное подсобное хозяйство было частью колхозного имущества и подлежало обслуживанию со стороны колхоза. Среди таких хозяйственных мероприятий числились: вспашка огородов, порубка леса, строительство дома, выдача сена и соломы и т.д. [20, л. 28, 30].

Внутренняя хозяйственная деятельность колхозов, несмотря на неуправляемость, не была хаотичной — имела не только ведомственные планы развития, но и внутренний регламент жизнедеятельности, регулируемый коллективно. В этом смысле колхозное хозяйство вполне было жизнеспособным. Личное подсобное хозяйство не конкурировало с коллективным, а являлось его составной частью. Сопротивле-

ние государственным реформам позиционировалось колхозниками, работниками совхозов, руководящими работниками сельского хозяйства на местах как способ выживания в условиях масштабной советской индустриализации.

Библиографический список

1. Кознова, И. Э. «Крестьянство и власть» — научная конференция в Государственной думе / И. Е. Кознова // Крестьяноведение. Теория. История. Современность: Ежегодник / Теодор Шанин, В. П. Данилов, Джеймс Скотт и др.; под ред. В. Данилова, Т. Шанина. — М.: Аспект Пресс, 1996. — С. 346—348.
2. Шанин, Т. Перспективы исследования крестьянства и проблемы восприятия параллельности общественных форм / Т. Шанин // Крестьяноведение. Теория. История. Современность: Ежегодник. — М.: Аспект Пресс, 1996. — С. 8—24.
3. Сенчакова, Л. Т. Крестьянские наказы и приговоры 1905—1907 годов / Л. Т. Сенчакова // Россия. XX век. Судьбы российского крестьянства. — М.: Российский государственный гуманитарный университет, 1996. — С. 56—88.
4. Яров, С. В. Крестьянские волнения на северо-западе Советской России в 1918—1919 гг. / С. В. Яров // Крестьяноведение. Теория. История. Современность: Ежегодник. — М.: Московская школа социальных и экономических наук, 1996. — С. 134—148.
5. Покровский, Н. Мирская и монархическая традиции в истории российского крестьянства / Н. Покровский // Новый мир. — 1989. — № 9. — С. 225—231.
6. Документы свидетельствуют. Из истории деревни накануне и в ходе коллективизации 1927—1932 гг. / Под ред. В. П. Данилова и Н. А. Ивницкого. — М.: Политиздат, 1989. — 526 с.
7. Дэвис, Р. У. Развернутое наступление социализма по всему фронту / Р. У. Дэвис // Советское общество: возникновение, развитие, исторический финал. Россия. XX век. В 2 т. Т. 1 / Р. У. Дэвис О. В. Хлевнюк; под ред. Ю. Н. Афанасьева. — М.: Рос. гос. гуманитарн. ун-т, 1997. — С. 139—152.
8. Хрестоматия по истории СССР. 1917—1945 гг.: учеб. пособие для пед. институтов / Сост. С. И. Дегтев и др.; под ред. Э. М. Щагина. — М.: Просвещение, 1991. — 544 с.
9. История России. Социально-экономический и внутриполитический аспект. В 2 ч. Ч. 2. XIX—XX вв. / Сост. Н. Н. Баранов и др. — Екатеринбург, 1992. — 172 с.
10. Зеленин, И. Е. Был ли колхозный «неонэп»? / И. Е. Зеленин // Отечественная история. — 1994. — № 2. — С. 105—121.
11. Ковалев, Е. М. История крестьянских семей: методика и первые результаты / Е. М. Ковалев // Крестьяноведение. Теория. История. Современность: Ежегодник. — М.: Аспект Пресс, 1996. — С. 285—290.
12. Скотт, Д. Оружие слабых: обыденные формы сопротивления крестьян / Д. Скотт // Крестьяноведение. Теория. История. Современность: Ежегодник. — М.: Аспект Пресс, 1996. — С. 37—41.
13. Голоса крестьян: сельская Россия XX века в крестьянских мемуарах / Сост. и обработчик Е. М. Ковалев. — М.: Аспект Пресс, 1996. — 413 с.
14. ГАТО. Ф. 2196. О. 1. Д. 34. Заседания правлений колхоза им. Ворошилова Красновского сельского Совета Исетского района Тюменской области, состоявшегося 20 мая 1957 года.
15. ТФ ГАТО. Ф. 1125. О. 1. Д. 13. Колхоз им. Калинина Бегишевского сельсовета Дубровинского района Тюменской области. Книга протоколов общих собраний колхозников и заседаний правления колхоза от 29 апреля 1963 г.
16. ГАТО. Ф. 1645. О. 1. Д. 5. Колхоз «Победа» Омутинского района Тюменской области. Книга протоколов общих собраний колхозников и заседаний правления колхоза за 1953 г.
17. ТФ ГАТО. Ф. 1125. О. 1. Д. 12. Колхоз им. Калинина Бегишевского сельсовета Дубровинского района Тюменской

области. Книга протоколов общих собраний колхозников и заседаний правления колхоза от 7 апреля 1961 г.

18. ТФ ГАТО. Ф. 1125. О. 1. Д. 11. Колхоз им. Калинина Бегишевского сельсовета Дубровинского района Тюменской области. Книга протоколов общих собраний колхозников и заседаний правления колхоза от 9 апреля 1960 г.

19. ГАТО. Ф. 2196. О. 1. Д. 33. Колхоз им. Ворошилова Красновского сельсовета Исетского района, Тюменской области. Книга протоколов общих собраний колхозников и заседаний правления колхоза за 1956 г.

20. ГАТО. Ф. 2196. О. 1. Д. 43. Книга протоколов общих собраний колхозников и заседаний правления колхоза 1960 г.

Колхоз «Сибирь» Красновского сельсовета Исетского района Тюменской области. 1959—1960 гг.

ФЕДОРОВА Марина Ивановна, кандидат исторических наук, доцент (Россия), доцент кафедры философии и социально-гуманитарных дисциплин.
Адрес для переписки: fmi_2005@mail.ru

Статья поступила в редакцию 01.09.2014 г.

© М. И. Федорова

**Г. П. ВОЛХОНСКАЯ
А. Г. ОКУНЕВА**

Сибирский государственный
университет физической культуры
и спорта, г. Омск

УДК 796:78.085(09)

ТАНЦЕВАЛЬНЫЙ СПОРТ РОССИИ: ИСТОРИЯ СТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ

Статья посвящена процессу генезиса и развития танцевального спорта. Рассматривая внешние и внутренние условия формирования, авторы определяют этапы становления спортивно-танцевального движения России.

Ключевые слова: Россия, история, спорт, бальные танцы.

Современный этап развития физической культуры и спорта характеризуется появлением новых нетрадиционных видов спорта. В последние годы все большую популярность приобретают бальные танцы, которые в своем генезисе и развитии представляют собой результат своеобразного синтеза искусства и спорта. Специфика бальных танцев позволила им стать массовым видом спорта, который в последнее десятилетие пользуется возрастающим вниманием Международного олимпийского комитета и других международных спортивных организаций. Ежегодно только в России региональные федерации и клубы проводят около 400—450 соревнований различного ранга и уровня [1, с. 429].

Вместе с тем осмысление теоретических вопросов современного спортивного бального танца отстает от темпов его развития. К числу важных теоретико-методологических вопросов следует отнести разработку проблемы периодизации истории танцевального спорта. Ранее при рассмотрении данного вопроса (П. П. Дорохов, С. В. Акулёнок) неизменно допускалась методологическая погрешность: хронологические рамки выдвигаемых периодов устанавливались без учета критерия периодизации.

Рассмотрение конкретно-исторических условий формирования международного танцевального спорта, определение этапов становления и развития спортивно-танцевального движения в России являются целью данного исследования. На наш взгляд, совокупным критерием, на основе которого необходимо выделять исторический период, являются определенные Законом РФ «О физической культуре и спорте в Российской Федерации» характерные черты вида спорта: «часть спорта, которая признана... обособленной сферой общественных отношений,

имеющей соответствующие правила..., среду занятий, используемый спортивный инвентарь (без учета защитных средств) и оборудование» [2, с. 3].

История становления и развития бальных танцев как вида спорта уходит своими корнями в начало прошлого века, в Англию и Францию. Зарождение современного танцевального спорта, на наш взгляд, связано с проведением первых танцевальных соревнований: турнир по танго (Ницца, 1907 г.); чемпионат мира по бальным танцам (Париж, 1909 г.). Организатором соревнований был известный французский хореограф, танцор и композитор Камиль де Риналь (проводились с 1909 по 1939 гг.) [3, с. 15].

Значительный вклад в развитие конкурсного бального танца внесли английские специалисты. Британская ассоциация учителей бального танца (1892) и Имперское общество учителей танца (1904), при котором в 1924 г. был создан Совет по бальным танцам, заложили основу для развития этого жанра, разработали основные идеи и стандартизовали технику исполнения. Оформилась «стандартная», европейская программа из пяти танцев: медленный вальс, танго, медленный фокстрот, быстрый фокстрот или квикстеп, венский вальс. Легендой бального мира стали Блэкпульские танцевальные фестивали, проводимые в Англии с 1921 г. В начале 1930-х гг. «английский стиль» в танцах признается доминирующим.

Первая международная любительская организация была создана 10 декабря 1935 г. в Праге, она была названа Federation Internationale de Dance pour Amateurs (FIDA), усилиями которой в 1936 г. был проведен I чемпионат мира по бальным танцам среди любителей (Германия). В соревнованиях приняли участие танцоры из 15 стран (работа FIDA была прекращена в годы Второй мировой войны) [4, с. 513].

В 1940–1950-е гг. знакомство европейцев с увлекательными ритмами афро-латинских народных танцев постепенно привело к созданию латиноамериканской программы (румба, самба, джайв, пасодобль, ча-ча-ча). В этот период завершается организационное оформление танцевального спорта: создаются международная профессиональная организация — International Council of Ballroom Dancers (ICBD, 1950 г.) и международная любительская организации — International Council of Amateur Dancers (ICAD, 1956 г.) [4].

Усложнение хореографии и технических требований определило усиление спортивной направленности в развитии танцевального движения. В конце XX в. происходит окончательное закрепление понятия «танцевальный спорт» в названиях двух международных организаций. ICBD была переименована во Всемирный совет по танцу и танцевальному спорту (WD&DSC), а ICAD — в Международную федерацию танцевального спорта (IDSF). В 1992 г. IDSF становится членом Генеральной ассоциации международных спортивных федераций (GAISF) и Международной ассоциации мировых игр (IWGA) [5]. В 1997 г. Международный олимпийский комитет (МОК) признал спортивные танцы видом спорта, а Международную федерацию спортивного танца — членом МОК [1, с. 421]. Бальный танец с тех пор разделился на два направления — спортивный (конкурсный) и social dance (любительский).

В России бальные танцы получили распространение во времена Петра I. В 1718 году он издает указ об ассамблеях, который положил начало публичным балам в России. Этот указ обязал придворных устраивать поочередно у себя в домах открытые собрания, где можно было поиграть в шахматы и шашки, побеседовать со знакомыми, а главное — потанцевать [6]. Учрежденные им ассамблеи стали первым местом исполнения «иноземных» танцев. Петровские балы всегда открывались полонезом, за которым следовал менуэт, контрайанс и другие модные в то время танцы [7, с. 135]. Одним из любимых танцев Петра I был цепной танец (от немецкого Ketten-tanz), во время которого все танцующие держась за руки переходили из одной залы в другую или выходили на свежий воздух [8, с. 203].

На протяжении XVIII в. балы стали настолько важной частью дворянской жизни, что весь остальной досуг был подчинен подготовке к ним. Петр I ввел преподавание бальных танцев как обязательный предмет в казенных учебных заведениях, тем самым подчеркнув государственное значение подобного начинания [9, с. 5]. Уже в конце XVIII в. танец, наряду с иностранными языками и математикой, был признан одним из важнейших элементов образования дворянина.

В конце XIX – начале XX в. балы перестали быть принадлежностью только дворянского образа жизни, проникнув во все слои городского населения. На смену придворным балам приходят публичные балы, танцевальные вечера. Широкое распространение получают танц-классы — танцевальные залы, в которых танцмейстеры не только обучали основам бальных танцев, но и устраивали собственные публичные вечера [10, с. 277, 284].

Начинался бал с полонеза, который сменял менуэт. Не обходился бал и без мазурки и вальса. В это время появляется еще один танец, успех которого затмил популярность всех остальных, — полька. Новшеством для танцевальной культуры начала XX в. стали танго и фокстрот.

В СССР, в довоенный период, когда все западное отвергалось властями, бальные танцы особой попу-

лярностью не пользовались. Они были уделом небольшой группы энтузиастов. В начале 1930-х в Москве появились курсы, готовившие преподавателей бальных и западных танцев (говоря современным языком — европейских и латиноамериканских). Выпускники этих курсов — А. Азаров, З. Бархатова, А. Дегтяренко, Р. Школьникова и др. стали затем учителями танцев в общеобразовательных школах, домах культуры, школах танцев при московских парках [4, с. 525].

Но начало развитию бальных танцев в Советском Союзе как вида соревновательной деятельности было положено в период хрущевской «оттепели». Датой рождения конкурсанного бального танца в Советском Союзе принято считать лето 1957 года. Тогда по инициативе немногочисленной группы московских энтузиастов в рамках VII Всемирного фестиваля молодежи и студентов в московском Колонном зале Дома Союзов состоялся первый международный турнир по спортивным танцам [11].

1950–1970-е гг. — период генезиса танцевального спорта в СССР. Бальные танцы являлись частью культурно-досуговой деятельности и развивались в рамках художественной самодеятельности, руководство ими осуществлялось отделами пропаганды и культуры партийных органов разного уровня вплоть до ЦК КПСС. Немногочисленные кружки и студии бального танца существовали при домах культуры муниципалитетов, предприятий, вузов и т.п. Одна из первых советских студий бального танца была создана А. Дегтяренко в 1962 г. при московском Доме учителя. Главным направлением работы «Студии-62» (впоследствии клуб «Созвездие») стало развитие конкурсанного бального танца.

Работать приходилось в сложных условиях: отсутствие специальной литературы, недоступность кинозаписей выступлений лучших пар мира, нехватка опыта и профессионализма и т.д. В этих условиях А. Дегтяренко впервые в нашей стране стал проводить семинары для учителей бального танца с приглашением педагогов из ГДР, ЧССР и ФРГ. Позднее, в 1966 году, ведущие исполнители «Студии-62» Бруно и Марина Белоусовы создали в Москве свою студию при ДК «Химик», в которой занимались известные советские танцовщики Виктор Попов, Александр и Елена Чекоткины, Станислав и Людмила Поповы (1967–1970 гг.) и др. [4]. Впоследствии студии бальных танцев начали создаваться и в других городах страны.

В рассматриваемый период стали проводиться первые всероссийские и всесоюзные конкурсы. В 1965 году Министерство культуры РСФСР объявило о проведении I Всероссийского конкурса исполнителей бального танца. Он проходил поэтапно в разных городах России.

В 1972 году в Ледовом Дворце спорта ЦСКА (г. Москва) состоялся I Всесоюзный конкурс бальных танцев с включением танцев международной программы, который собрал 180 участников. Его учредителями выступили Министерство культуры СССР, ВЦСПС и ЦК ВЛКСМ. Программа конкурса состояла из нескольких частей: международной (10 танцев, но вместо джайва включалась полька), исторической (4 танца) и советской (36 танцев). Лауреатами конкурса стали: Чесловас и Юратае Норвайши, Витас и Даля Камайтисы, Виктор и Надежда Давидовские, Юрий и Ольга Симоновы, Юрий Кострюков и Мария Игнатова, Александр Захаров и Татьяна Барабанова [4, с. 529]. Победителями II Всесоюзного конкурса бальных танцев (Киев, 1975 г.)

стали Станислав и Людмила Поповы, которые впоследствии более десяти лет удерживали пальму первенства на всех крупнейших конкурсах. Проведение всесоюзных конкурсов означало признание бальных танцев на союзном уровне.

В конце 1970-х годов бальные танцы делали первые шаги в спортивном направлении. В соответствии с постановлением Государственного комитета по физической культуре и спорту впервые в Единую всесоюзную спортивную классификацию на 1977–1980 годы были введены «танцы спортивные» [12, с. 6].

В целом, 1950–1970-е гг. — период развития, когда бальные танцы были уделом энтузиастов-любителей, занимавшихся на паркете в свободное от работы время. Только во второй половине 1970-х гг. с ростом объема информации, усложнением программ танцоров в СССР появились первые профессиональные пары: Норвайши, Камайтисы, Поповы, Давидовские и др. Этот период характеризуется контролем со стороны партийно-государственных органов не только за проведением конкурсов бальных танцев и их программами, деятельностью танцевальных студий, но даже за костюмами танцоров. Границы дозволенного были узкими и во многом не отвечали традициям бальных танцев. Наряду с танцами, которые входили в международную конкурсную программу, из-за идеологических соображений, как альтернатива западным программам, была создана чисто советская программа, которая включала стилизацию народных танцев — всего 150 («Сударушка», «Русский меридиан», «Рилло» и др.). В этот период в СССР еще не сформировалась система профессионального судейства, отсутствовали организации, объединяющие танцоров.

Следующий период в развитии танцевального спорта относится к 1980-м гг. Его главная характерная особенность — формирование той организационной структуры бальных танцев, которая существует в России и по сей день. В ее основе лежит клубная система, примерно такая же, как в Германии и Италии.

Советские пары стали регулярно принимать участие в международных турнирах в социалистических странах, представлять СССР на международных любительских и профессиональных турнирах (чемпионатах мира и Европы). В 1980 и 1981 годах прошли командные встречи танцоров СССР с танцорами Финляндии и Австрии, в 1988 году — командная встреча СССР — Канада — США (в Сан-Диего) [4, с. 532].

В 1988 г. в нашей стране проводится I Всесоюзный конкурс бальных танцев среди профессионалов. Впервые на конкурсе такого уровня была исключена советская программа. Танцоры соревновались в исполнении только европейских и латиноамериканских танцев. Соревнование еще не называлось чемпионатом, но его первых победителей можно назвать первыми чемпионами страны среди профессионалов. В европейской программе ими стали Станислав и Людмила Поповы, а в латиноамериканской — Юрис и Бируте Бауманицы (Рига). В конкурсе шоу-программ в европейском шоу первое место заняли Станислав и Людмила Поповы, а в латиноамериканском — Талят и Марина Тарсиновы.

В стране создаются профессиональная и любительская организации, что позволило СССР выйти на международный уровень и влиться в существовавшую в то время структуру международных организаций. В 1982 г. создается Всесоюзный совет по бальным танцам. В 1988 году учреждаются Ассоциация профессиональных исполнителей и учителей бального танца (АПИУБТ) и Ассоциация бального

танца СССР (АБТ), в состав которой вошли общественные объединения бальной хореографии девяти союзных республик: Белоруссии, Грузии, Казахстана, Латвии, Литвы, Молдовы, России, Украины и Эстонии [1, с. 421].

В 1990-х гг. завершается процесс формирования конкурсного бального танца как вида спорта. В конце 1991 г. Ассоциация бального танца РСФСР выделилась в самостоятельную общественную организацию под названием Российская ассоциация спортивного танца, которая в 1998 г. получила новое название — Федерация танцевального спорта России (ФТСР). До февраля 2012 г. федерацию возглавлял П. П. Дорохов. С 1992 г. ФТСР представляла Российскую федерацию в IDSF. ФТСР становится коллективным членом Олимпийского комитета России (1998). С 2005 г. ФТСР была аккредитована при Министерстве спорта РФ [11].

К началу двадцатого века небольшое сообщество энтузиастов художественной самодеятельности преобразовалось в мощную, хорошо структурированную спортивную организацию. В ФТСР входило около двух тысяч танцевально-спортивных клубов, в которых спортивными танцами занимались более 80 тысяч спортсменов, имеющих классификационные категории, и приблизительно столько же начинающих — детей, школьников и студентов (2010 г.). За первое десятилетие XXI в. ФТСР воспитала 16 заслуженных мастеров спорта, 51 мастера спорта международного класса, 412 мастеров спорта, 904 кандидатов в мастера спорта, тысячи разрядников [1, с. 422].

Для российских танцоров становятся доступны все международные турниры. Прежде всего, крупнейшие из них: Блэкпульский танцевальный фестиваль (Англия), Открытый чемпионат Германии (Манхайм), Открытый чемпионат Голландии (Слагхарен, а позднее Ассен), Открытый чемпионат США (Майами) и т. д. С 2004 г. Россия является единственной страной в IDSF, спортсмены которой занимают места в финалах всех чемпионатов/первенств/Кубков мира и Европы. Среди 50 лучших пар в таблице ежегодного мирового рейтинга 15–17 пар представляют Россию. Ближайшие преследователи — Италия и Германия — имеют в рейтинге 5–8 пар.

К концу XX века бальные танцы превратились в сложнокоординированный вид спорта, для которого характерны особые правила проведения соревнований (стандартные танцы, латиноамериканские танцы, комбинация: стандарт плюс латина, формэйшэн). Для равноценной конкуренции на танцевальной площадке введена система классов, отражающая уровень подготовки танцоров, и система возрастных категорий. Сформировалась структура спортивных турниров по бальным танцам, охватывающая уровни, начиная с клубного и заканчивая всероссийским. Наряду с ежегодными официальными чемпионатами по всем возрастным категориям (дети I, II; юниоры I, II; молодежь, взрослые) проводятся и другие крупные соревнования, такие как Russian Open, Кубок «Спартака» и др. Россия лидирует в IDSF по количеству ежегодно проводимых соревнований различного уровня и ранга, в том числе турниров мирового рейтинга. Так, в 2007 г. состоялось 405 российских соревнований и 50 турниров мирового рейтинга, включая два турнира серии «Гранд Слэм». Ежегодно, начиная с 1992 г., в нашей стране по спортивным танцам проводится 19 национальных чемпионатов и первенств по всем возрастным группам и спортивным дисциплинам [1].

Вместе с тем в развитии российского танцевального спорта существует немало проблем: отсутствие государственного финансирования; дороговизна бальных танцев как вида спорта — большие расходы за обучение и костюмы, поездки на соревнования могут оплачивать только платежеспособные родители; судейская коррупция с целью повышения рейтинга определенных пар; недостаток тренеров, получивших профессиональное образование и т.д. В конце 2011 года приказом Министерства спорта, туризма и молодежной политики РФ за многочисленные нарушения: предвзятое судейство; подтасовки результатов соревнований; необоснованные дисквалификации спортсменов и др. — была приостановлена государственная аккредитация Федерации танцевального спорта России [13].

В феврале 2012 г. была учреждена новая общероссийская общественная спортивная организация «Союз танцевального спорта России» (СТСР), получившая аккредитацию Министерства спорта, признанная Олимпийским комитетом России. Возглавляет СТСР знаменитый модельер, народный художник РФ, член президентского Совета по культуре и искусству Валентин Юдашкин [14]. В настоящее время только СТСР является действующим представителем России во Всемирной федерации танцевального спорта (WDSF) и имеет право организовывать и проводить первенства и Кубки России, международные спортивные мероприятия на территории Российской Федерации.

Конкурсные бальные танцы получили распространение не только в крупных центрах (Москва, Санкт-Петербург), но и в самых отдаленных регионах России. Сегодня СТСР насчитывает в своем составе более 70 региональных общественных танцевальных федераций, более 75 000 спортсменов, 3500 судей и тренеров. Организационно танцевальный спорт не оформлен только в трех республиках (Дагестан, Ингушетия и Чеченская Республика) и в Чукотском автономном округе [15].

Таким образом, становление танцевального спорта России представляет собой многоаспектный процесс, который характеризуется взаимосвязанной деятельностью энтузиастов-любителей и профессионалов, государственных и общественных органов управления физической культурой и спортом (на национальном и региональном уровнях); социальной значимостью данного вида спорта (завоевание призовых мест на официальных международных соревнованиях); уровнем сотрудничества с международными спортивными организациями. К концу XX века бальные танцы превратились в обособленную сферу общественных отношений, имеющую соответствующие правила, среду занятий — сложнокоординированный вид спорта «танцевальный спорт».

КНИЖНАЯ ПОЛКА

Кириллов, В. В. История России для технических вузов : учеб. / В. В. Кириллов, М. А. Бравина. — М. : Юрайт, 2014. — 652 с. — Сер. Бакалавр. Академический курс. — ISBN 978-5-9916-4112-8.

Учебник освещает историю нашей страны с древнейших времен до современности. В тексте имеется большое количество схем и таблиц, которые дают возможность лучше понять и усвоить обширный фактический материал по истории России, а также контрольные вопросы для самопроверки. Соответствует Федеральному государственному образовательному стандарту высшего образования четвертого поколения и новому историко-культурному стандарту по истории для средней школы.

Библиографический список

1. Дорохов, П. П. Танцевальный спорт России [Текст] / П. П. Дорохов // Спорт России : федеральный справочник. Специальный выпуск : в 2 т. — М. : Центр стратегического партнерства, 2010. — Т. 2. — С. 420–437.
2. О физической культуре и спорте в Российской Федерации : Федер. закон Российской Федерации [Текст]. — М. : Проспект, 2010. — 40 с.
3. Спортивные танцы. Справочник [Текст] / Под ред. А. Н. Ко-каулина. — М. : Здоровье. Культура. Спорт, 2001. — 220 с.
4. Акулёнок, С. В. Бал зажигает огни [Текст] / С. В. Аку-лёнок // Кто есть кто в современном мире ; под ред. С. М. Семёнова. — М. : Международный объединенный биографи-ческий центр, 2003. — Вып. 5. — Т. 2. — 560 с.
5. World DanceSport Federation [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.worlddancesport.org/WDSF/History> (дата обращения: 23.10.2014).
6. Антонов, Б. Н. Танцевальные вечера в Петербурге [Текст] / Б. Н. Антонов // Нева. — 1992. — № 1. — С. 268–272.
7. Комиссаренко, С. С. Культурные традиции русского общества [Текст] / С. С. Комиссаренко. — СПб. : СПбГУП, 2003. — 300 с.
8. Еремина-Соленикова, Е. В. Старинные бальные танцы. Новое время. [Текст] / Е. В. Еремина-Соленикова. — СПб. : Планета музыки ; Лань, 2010. — 256 с.
9. Максин, А. И. Изучение бальных танцев : учеб. пособие. [Текст] / А. И. Максин. — 2-е изд., испр. — СПб. : Планета музыки ; Лань, 2010. — 48 с.
10. Колесникова, А. В. Бал в России: XVIII — начало XX века [Текст] / А. В. Колесникова. — СПб. : Азбука — классика, 2005. — 304 с.
11. Федерация танцевального спорта России: история ФТСР [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.ftsr.ru/data.php?id=2> (дата обращения: 23.10.2014).
12. Единая всесоюзная спортивная классификация на 1977–1980 гг. [Текст] / Сост. Э. С. Громадский. — М. : Физкультура и спорт, 1977. — 384 с.
13. Орлова, А. П. Танцы с разногласиями [Текст] / А. П. Орлова // Российская газета. — 2012. — № 6. — 16 января.
14. Иванов, П. Н. Российские танцоры объединились в союз [Текст] / П. Н. Иванов // Спорт-Экспресс. — 2012. — № 39. — 8 февраля.
15. Союз танцевального спорта России [Электронный ре-сурс]. — URL: <http://www.rusdsu.ru/> (дата обращения: 23.10.2014).

ВОЛХОНСКАЯ Галина Петровна, кандидат исторических наук, доцент (Россия), доцент кафедры философии и истории.

Адрес для переписки: rozman_56@mail.ru

ОКУНЕВА Анастасия Геннадьевна, студентка гр. Г12РиСО гуманитарного факультета.

Адрес для переписки: okunevanastya@mail.ru

Статья поступила в редакцию 31.10.2014 г.

© Г. П. Волхонская, А. Г. Окунева

ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ИНСТИТУТОВ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА С ГОСУДАРСТВОМ: ИСТОРИКО-ПОЛИТОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Проблема оценки сущности и направлений развития гражданского общества сохраняет свою актуальность для различных общественных наук, в том числе для исторической. В исторической науке до сих пор отсутствует концептуально обоснованное определение гражданского общества, несмотря на длительную историю развития подходов к его трактовке. Для российской новейшей истории гражданское общество как историко-политологический феномен оказывается в центре пристального внимания, поскольку, с одной стороны, он наследует предшествующую историческую традицию, с другой — актуализирует проблему развития собственных моделей гражданских институтов.

Ключевые слова: историко-политологический феномен, гражданское общество, новейшая история государства, общественные организации, местное самоуправление.

Новейшая история демократического государства связана с процессом развития новых форм взаимодействия государства и гражданского общества на основе реализации принципов сотрудничества и соучастия. Отсутствие автономного и самодостаточного гражданского общества оказывается признаком неэффективности демократического государства, актуализируя задачу его построения на совершенно новых принципах, но с учетом исторического опыта и политico-социальных особенностей отдельного государственного образования. Несмотря на ограниченность российского исторического опыта формирования и развития гражданского общества, концептуальное осмысливание данного феномена в период новейшей истории оказывается предметом исследования. Это обусловлено потребностью оценить европейский опыт создания гражданского общества и применить этот феномен к российской государственности, осмыслить его необходимость для дальнейшего развития демократии в Российской Федерации. Ключевой проблемой концептуализации феномена гражданского общества в новейшей истории России выступают существенные различия в его понимании представителями российской исторической науки и европейской научной общественности.

Ключевым атрибутом гражданского общества, в интерпретации российской науки, оказываются неполитические общественные организации, представляющие образовательные, научные, благотворительные, профессиональные, производственные, потребительские, конфессиональные и прочие добровольные объединения и ассоциации, деятельность которых направлена на решение определенных целей и задач; массовые общественно-политические организации и, прежде всего, политические партии [1]. Также важнейшими институтами гражданского общества признаются организации, создаваемые в сфере негосударственной финансово-экономической деятельности, такие как акционерные общества, акционерные и коммерческие банки, промышленные,

сельскохозяйственные и торговые ассоциации, кредитные, потребительские и производственные товарищества, кассы взаимопомощи и т. п. Именно эти институты атрибутируются в качестве формы самоорганизации гражданского общества в условиях отсутствия прямого вмешательства со стороны государства.

Так, В. М. Сырых отмечает, что гражданское общество представляет собой население страны, его коллективные образования, организации, действующие в сферах материального и духовного производства, политической и иной сферах общества, исключая государство, его органы и должностные лица, результаты его непосредственной деятельности в виде властных решений и действий [2].

Большинство современных исследователей к институтам гражданского общества относят также независимые средства массовой информации, церковь, и одним из главных элементов гражданского общества является местное самоуправление.

Для новейшей истории России заинтересованность в реальном становлении институтов гражданского общества обусловлена двумя важными аспектами: во-первых, относительная молодость российской демократии, и, во-вторых, необходимость развивать собственные модели гражданских институтов. Развитое гражданское общество предполагает наличие и хорошо организованного, демократического государства, в свою очередь, развитие государства нуждается в политическом и социальном ресурсе, который содержится в структурно-организованном и преуспевающем гражданском обществе [3].

России достался в наследство от РСФСР минимальный опыт становления гражданского общества. К тому же гражданское общество на Западе и в России — различаются по некоторым аспектам: по генезису, по типу, сущности, структуре, функциям. Гражданское общество требует равенства всех перед законом и индивидуальной оценки каждого по результатам социально значимой деятельности, вне

зависимости от этнической, конфессиональной или гендерной принадлежности. Показательно, что такое понимание возникло в рамках идеала западного «мультикультурного общества», с одной стороны, в противовес началам эгалитаризма, с другой — принципам тотальной универсализации человеческого бытия [4].

Можно отметить ряд характерных особенностей становления гражданского общества в новейшей истории России:

— отдельные элементы гражданского общества привносятся извне, с Запада, и поневоле накладываются на традиционные для страны, специфические формы исторического, национально-психологического характера [5];

— становление институтов гражданского общества в России происходило в очень короткие исторические периоды и крайне неравномерно по всей ее территории. К внутренним противоречиям гражданского общества прибавляется традиционный российский менталитет [6];

— для российского общества весьма характерна асимметрия во взаимоотношениях между государством и гражданским обществом: государство опережает становление гражданского общества и его институтов, затем воздействует на их развитие;

— к историческому наследию советской государственности можно отнести и проблему засилья государственного аппарата и бюрократии. Целью гражданского общества заключается в установлении принципов правового государства, прочных гарантий правопорядка как предпосылок выполнения государством возложенных на него функций, когда господствуют правовые нормы, когда исчезают возможности правонарушений со стороны самих государственных институтов, когда рушится автократический устой: «государство — источник права для подданных, но не для самого себя» [4]. Первенство права есть источник «обуздания своеволия чиновников и олицетворяемого ими государства, когда в первую очередь власть подчиняется правовым нормам, контролируемым только гражданским обществом, его общественными организациями» [7].

В условиях демократизации и создания устойчивой политической системы, принципиальное значение имеет наличие эффективных демократических институтов, таких как местное самоуправление, политические партии, общественные объединения, которые оказываются действенным средством, противостоящим угрозам, в том числе экстремизму и его наиболее опасной форме — терроризму [8].

Основополагающим механизмом взаимодействия государства и гражданского общества становятся неправительственные организации, в частности Общественная палата РФ, в задачу которой входит реализация и развитие возможностей взаимодействия между гражданскими и государственными институтами. Прежде всего речь идет о проведении «упреждающих» общественных экспертиз законопроектов, постановлений и решений органов законодательной и исполнительной ветвей власти на федеральном и региональном уровнях, деятельности Федеральной и региональных общественных палат, направленной на своевременную реакцию общества на действия властей, нарушающих права граждан. Хотя, для повышения эффективности такой работы, очевидно, необходимы изменения и дополнения в федеральное законодательство, связанное с деятельностью некоммерческих организаций, общественных объединений и работой самой Общественной

палаты РФ, в частности, расширение ее полномочий по общественному контролю и предоставления права на проведение общественных расследований фактов ущемления конституционных прав граждан.

Что касается местного самоуправления, то, обладая значительным потенциалом, оно пока лишь в малой степени его реализовало. Отсутствие единых подходов, нередко разобщенность интересов и ответственности в вопросах финансирования и управления между местными органами, муниципальными властями и региональными администрациями зачастую ставят местное самоуправление в прямую зависимость от вышестоящей вертикали власти [9]. В цивилизованном мире, в частности в развитых европейских странах, без согласования и одобрения со стороны органов местного самоуправления на их территории невозможна реализация ни одного федерального или регионального социально-экономического проекта или программы [10]. В связи с этим очевидно, что для защиты прав своих жителей, реализации местных деловых, социальных и культурных гражданских инициатив органы местного самоуправления в России должны быть наделены соответствующими и более полными управленическими, финансовыми и властными возможностями и полномочиями.

Таким образом, становление гражданского общества в новейшей истории России во многом копирует западную демократическую традицию, привнося отдельные национальные социокультурные и морально-нравственные компоненты (в частности, ментальность, историческое сознание). Российская история демонстрирует способность государства и общества находить компромиссные решения при посредничестве общественных организаций и политических институтов, готовность к совместной реализации социальных проектов. Несомненно, интересы гражданского общества и государства объективно и часто не совпадают. Становление гражданского общества в России, будучи нацеленным на освоение демократического опыта Запада, возможно лишь на путях кристаллизации собственного исторического чувства и самосознания. Ни в одной стране гражданское общество не утверждалось в отрыве от национально-государственных традиций, исторического сознания и менталитета.

Библиографический список

1. Калькой, И. И. Гражданское общество: истоки и современность / И. И. Калькой. — СПб. : Юридический центр Пресс, 2002. — 256 с.
2. Еськов, Г. С. Гражданское общество: К истории зарождения и развития идеи / Г. С. Еськов // Власть. — 2000. — № 12. — С. 55–60.
3. Сорокин, А. П. Институты гражданского общества Омска в 1990-е годы / А. П. Сорокин // Власть и общество в Сибири в XX веке : сб. науч. ст. ; науч. ред. В. И. Шишкин. — Новосибирск : Паралль, 2012. — Вып. 3. — С. 242–255.
4. «Сопротивление материала». Исторические альтернативы на российской почве. — М., 1999. — 258 с.
5. Крамник, В. В. Имидж реформ: психология и культура перемен в России / В. В. Крамник. — СПб., 1995. — 118 с.
6. Три взгляда на государство: христианские демократы, либералы, социал-демократы : сб. обзоров. — М., 1992. — 162 с.
7. Волох, Е. О. Проблемы становления и развития институтов гражданского общества в России / Е. О. Волох // Развитие политических институтов и процессов: зарубежный

и отечественный опыт : материалы IV Всерос. науч.-практ. конф. ; отв. ред. И. А. Ветренко. — Омск : ОмГУ, 2013. — С. 210–214.

8. Абакумов, С. А. Гражданское общество и государство: сотрудничество в реализации приоритетных национальных проектов / А. С. Абакумов. — М., 2007. — 448 с.

9. Мамут, Л. С. Гражданское общество и государство: проблема соотношения / Л. С. Мамут // Общественные науки и современность. — 2002. — № 5. — С. 94–103.

10. Чешков, М. А. Глобальный контекст постсоветской России. Очерк теории и методологии мироцелостности / М. А. Чешков. — М., 1999. — С. 72–81.

ВОЛОХ Евгений Олегович, аспирант кафедры отечественной истории.

Адрес для переписки: volooh89@mail.ru

Статья поступила в редакцию 23.05.2014 г.

© Е. О. Волох

УДК 94 (571.1):316.48

Р. В. ГУСЕЛЬНИКОВ

Омский государственный аграрный университет им. П. А. Столыпина

ПРИЧИНЫ УСИЛЕНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ НАПРЯЖЕННОСТИ В ЗАПАДНОЙ СИБИРИ (1990–2000 гг.)

В статье исследованы причины ухудшения социальных условий жизни населения Западной Сибири. Особый интерес вызывают сведения о безработице, демографических изменениях и протестных настроениях в сознании людей. Важным является изучение соотношения между сокращением численности населения исследуемых регионов и миграционными процессами.

Ключевые слова: безработица, демография, миграция, образовательная сфера, социальная инфраструктура, протестное движение.

С перестройкой хозяйственной жизни в Российской Федерации обострились социальные проблемы в обществе и противоречия между обществом и властью. Рост безработицы, задержки заработной платы, сворачивание социальных программ вели к массовому обеднению населения, росту преступности, расширению круга лиц, ведущих асоциальный образ жизни. Итогом вышеперечисленных факторов стало резкое ухудшение демографической ситуации. Следствием этих процессов стало расширение протестного движения как меры противодействия проводимой федеральным правительством и региональными властями реформаторской политики.

По данным агрегированного индекса социально-экономического неблагополучия в 1993–1994 гг. (сумма стандартизованных значений четырех показателей: удорожания жизни, динамики производства, уровня безработицы и сальдо миграции) Новосибирская область вошла в число относительно неблагополучных регионов Западной Сибири. Здесь происходил рост средней стоимости потребительской корзины при сокращении денежных доходов населения. В целом аналогичные тенденции наблюдались во многих регионах РФ на протяжении всего последующего периода [1].

Давшееся ухудшение экономической ситуации и связанное с этим прекращение деятельности и банкротство многих крупных предприятий стало фактором высвобождения большой части квалифицированных рабочих кадров. Так, к середине 1994 г., согласно предоставленным сведениям профсоюзов, доля безработных по Омской области достигла более 12 % и превышала 100 тыс. человек. Причем население сельских районов было значительно подвержено этой проблеме. Здесь на одно рабочее место претендовало не менее шести человек, и нередко

рост безработицы сдерживался усилиями директорского корпуса крупнейших предприятий, которые в условиях экономического кризиса не проводили сокращения рабочих мест, но, наоборот, пытались сохранить их. Следствием этих действий стало введение четырехдневных рабочих недель и административных отпусков [2].

В течение 1990-х гг. происходит ухудшение состояния социальной инфраструктуры регионов Российской Федерации. Образовательная сфера всех субъектов остро отреагировала на произошедшие демографические сдвиги. Здесь имелось почти двукратное сокращение дошкольных учреждений, а количество общеобразовательных учреждений осталось без существенных изменений. Напротив, число вузов возросло, в первую очередь за счет негосударственных образовательных учреждений.

Сложная обстановка наблюдалась в сфере медицинской инфраструктуры западносибирских регионов. Тут повсеместно снизилась обеспеченность населения больничными местами. Кроме того, не просто складывалась ситуация с кадровым обеспечением медицинских учреждений: снизилась численность среднего медицинского персонала. Особенно это было характерно для Омской и Томской областей.

В 1994 г. на территории Новосибирской области сохранилась сложная экологическая обстановка. Здесь были зафиксированы случаи высокого загрязнения атмосферы. Напряженной экологической обстановкой выделялась Омская область. Кризисные условия, выраженные значительной концентрацией промышленных предприятий в Омске и несоблюдением санитарно-защитных зон между промышленными зонами и селитебными территориями, были несколько нивелированы спадом промышленного

производства. Для решения экологических проблем омской администрацией был разработан проект документа «Федеральная целевая программа по оздоровлению экологической обстановки и населения Омска в 1998 – 2010 гг.» [3].

Тяжелейшая экологическая обстановка сложилась в Кузбасском регионе. Концентрация городов региона с их тяжелой индустрией создала непригодные условия для жизнедеятельности людей. Ежегодно происходил выброс в атмосферу полутора миллионов тонн вредных веществ (около 60 % выбросов Новосибирской и Томской областей, Алтайского края вместе взятых). Более чем на одном проценте территории Кузбасса уничтожен плодородный слой почвы. Интенсивной неоднократной промышленной вырубке подверглось до 80 % лесов. Покрытая лесом площадь Кузбасса сократилась более чем на 10 %. Сократился видовой состав и ареалы обитания многих представителей флоры и фауны. Беспрецедентно обострилась проблема водопользования. Согласно данным Кемеровского областного комитета по охране природы и рациональному природопользованию, на одного жителя Кузбасса приходилось 230 кубометров стоков ежегодно. Из 905 рек области хозяйственной деятельностью, в первую очередь горнодобывающими предприятиями, было уничтожено около 200. Главным источником водопотребления населения численностью около трех миллионов человек в Кузбассе являются воды бассейна реки Томи. Благодаря результатам исследований и экспертным оценкам, она как источник централизованного водоснабжения Ленинска-Кузнецкого, Кемерово и Юрги не отвечала требованиям ГОСТа. В этой воде обнаруживались до 370 вредных технологических токсинов, концентрация которых часто превышала нормативы в десятки раз [4].

Следствием всех вышеперечисленных проблем стал рост социальной напряженности, проявившийся в массовых акциях протesta и забастовках. Так, в конце октября 1994 г. при участии Федерации независимых профсоюзов была проведена крупная акция протesta в ряде районных центров Омского Прииртышья. Данное мероприятие привлекло широкое внимание местной прессы. Позднее, в середине весны 1997 г., педагоги города Омска и области приняли решение о проведении в течение 10 дней двухчасовых пикетов у здания городской и областной администраций. К требованиям митинговавших присоединились медики и воспитатели детских садов. В середине 1999 г. был проведен ряд демонстраций и пикетов с требованием о погашении задолженности по выплате детских пособий. Дважды эти акции подвергались силовому разгону, в результате чего пострадало несколько человек. По фактам применения силы в отношении мирных граждан были направлены обращения прокурору Омской области С. Казакову, Председателю Правительства РФ С. Степашину, а также в Комитет по правам ребенка [5].

Экономические неурядицы обострили социальные проблемы Кемеровской области. Здесь происходило становление мощного рабочего движения, которое активно реагировало на ухудшение жизненных условий. На протяжении всего исследуемого периода в регионе происходили как стихийные, так и плановые акции протesta, в ходе которых выдвигались экономические и политические требования. Зачастую акции протesta не приводили к изменениям положения митинговавших рабочих. Однако в ряде случаев им удавалось добиться удовлетворения своих требований [6].

Интегральным показателем характеристики экономического состояния и социального самочувствия населения, как России, так и сибирского региона, являлась демографическая сфера. К началу 1990-х гг. в стране начался процесс резкого сокращения численности населения. Основными демографическими процессами, определяющими его численность, являлись рождаемость, смертность и миграция. Показатели регионов по рождаемости сильно различаются (табл. 1). Если в Новосибирской, Кемеровской и особенно в Омской областях наметился ее спад (на 4,66 %, 5,6 % и 21,27 %), то в Томской области и на Алтае произошло общее увеличение числа рождений (на 15,91 % и 1,24 % соответственно). При этом необходимо отметить, что во всех субъектах этот показатель был крайне низок. Так, в расчете на 1 000 чел. населения рождаемость в Омской области упала с 10,8 чел. в 1993 г. до 8,6 – в 2000 г.; в Новосибирской области – с 8,8 до 8,5; в Кемеровской – с 9,1 до 9. В Томской области произошел рост числа рождений с 8,1 до 9,5; а в Алтайском крае – с 9,0 до 9,3. Рождаемость в городе значительно уступала рождаемости на селе в хронологических рамках исследования во всех регионах. Рождение ребенка стало фактором значительного ухудшения материального состояния семьи [7].

С целью анализа причин сокращения численности населения регионов Западной Сибири рассмотрим показатели смертности (табл. 2). По наибольшему росту числа зарегистрированных смертей в рассматриваемый период выделялась Омская область – 11,3 %. Вырос этот показатель также в Томской и Кемеровской областях и Алтайском крае (соответственно на 4,08 %, 1,8 % и 0,76 %). Наоборот, в Новосибирской области даже произошло снижение уровня смертности (2,16 %), хотя такой показатель нельзя считать успешным, так как на протяжении всего периода показатели смертности здесь оставались на высоком уровне. В расчете на 1 000 чел. в Новосибирской области смертность упала с 14,3 чел. в 1993 г. до 14,1 – в 2000 г. На Алтае смертность выросла с 14,0 до 14,3, в Омской области – с 11,9 до 13,4, в Томской области – с 12,5 до 13,2, в Кемеровской – с 15,7 до 16,6. Уровень смертности во многих районах сельской местности оставался выше соответствующего показателя среди городского населения [8].

Рост смертности объясняется социально-экономическими и политическими потрясениями 1990-х гг., вызвавшими значительное ухудшение физического и психического состояния здоровья населения. Основными причинами смерти являлись болезни системы органов кровообращения, несчастные случаи, злокачественные новообразования. Негативным образом на уровне смертности населения сказался упадок в сфере здравоохранения и обострение криминальной обстановки, обусловленные общегосударственным кризисом.

Уровнем, характеризующим разность между числом родившихся и умерших за определенный промежуток времени, является естественный прирост/убыль населения (табл. 3). Во всех регионах с начала и до конца исследуемого периода отмечена естественная убыль населения. Если для Алтайского края, Кемеровской и Новосибирской областей свойственно волнобразное развитие ситуации с возвращением ее к исходным показателям, то в Омской области увеличение естественной убыли населения происходило по нарастающей с кратковременными периодами стабилизации, а в Томской облас-

Таблица 1

Число родившихся (без мертворожденных), человек, значение показателя за год

	1993	1994	1995	1996	1997	1998	1999	2000	2007
Все население									
Оба пола									
Алтайский край	24371	24642	23338	22616	22514	23424	23208	24674	28363
Кемеровская область	28179	28337	27314	25949	25417	26110	25015	26580	34242
Новосибирская область	24268	24042	23486	22824	22785	22564	21688	23138	30136
Омская область	23324	22935	22313	21457	19861	19960	17756	18363	23715
Томская область	8689	8676	9853	9725	9532	10078	9698	10071	12429
Городское население									
Оба пола									
Алтайский край	11664	11914	11220	11057	10828	11402	11473	12175	14436
Кемеровская область	23670	23930	23157	22032	21522	22064	20945	22522	28424
Новосибирская область	16256	16447	16342	15817	15863	15416	15056	16141	21563
Омская область	13844	13931	13580	13012	12164	12241	10911	11335	15282
Томская область	4925	4950	6300	6196	6125	6555	6286	6626	8782
Сельское население									
Оба пола									
Алтайский край	12707	12728	12118	11559	11686	12022	11735	12499	13927
Кемеровская область	4509	4407	4157	3917	3895	4046	4070	4058	5818
Новосибирская область	8012	7595	7144	7007	6922	7148	6632	6997	8573
Омская область	9480	9004	8733	8445	7697	7719	6845	7028	8433
Томская область	3764	3726	3553	3529	3407	3523	3412	3445	3647

Таблица 2

Число умерших, человек, значение показателя за год

	1993	1994	1995	1996	1997	1998	1999	2000
Оба пола								
Все население								
Алтайский край	37527	40528	39551	38394	36893	34074	36686	37813
Кемеровская область	48507	52943	51011	49160	46172	43121	47010	49176
Новосибирская область	39371	43210	38756	37833	36118	35147	37165	38522
Омская область	25797	28126	26747	26640	26600	25061	27951	28713
Томская область	13413	13775	13969	14153	13210	12669	13220	13960
городское население								
Алтайский край	18881	20972	20429	19694	18584	17223	18138	18843
Кемеровская область	41707	45444	43887	41976	39214	36800	39989	42067
Новосибирская область	29032	31813	28301	27383	25992	25487	26787	27538
Омская область	17036	18887	17938	17742	17461	16536	18944	19303
Томская область	7795	7823	8535	8375	7764	7645	8073	8546
сельское население								
Алтайский край	18646	19556	19122	18700	18309	16851	18548	18970
Кемеровская область	6800	7499	7124	7184	6958	6321	7021	7109
Новосибирская область	10339	11397	10455	10450	10126	9660	10378	10984
Омская область	8761	9239	8809	8898	9139	8525	9007	9410
Томская область	5618	5952	5434	5778	5446	5024	5147	5414

ти показатели естественной убыли стали сокращаться [9].

Изменение численности населения западносибирских регионов характеризовалось двумя показателями: естественной убылью и миграционным движе-

нием за счет прибывающих из стран Средней Азии, Восточно-Сибирского и Дальневосточного округов России. Достигнув максимальной степени в середине 1990-х гг., миграционный приток сильно ослаб к 2000 г. и не перекрывал естественную убыль: численность

Таблица 3
Естественный прирост населения, человек, значение показателя за год

	1993	1994	1995	1996	1997	1998	1999	2000	2007
Все население									
Оба пола									
Алтайский край	-13156	-15886	-16213	-15778	-14379	-10650	-13478	-13139	-9039
Кемеровская область	-20328	-24606	-23697	-23211	-20755	-17011	-21995	-22596	-12574
Новосибирская область	-15103	-19168	-15270	-15009	-13333	-12583	-15477	-15384	-8682
Омская область	-2473	-5191	-4434	-5183	-6739	-5101	-10195	-10350	-5894
Томская область	-4724	-5099	-4116	-4428	-3678	-2591	-3522	-3889	-824
Городское население									
Оба пола									
Алтайский край	-7217	-9058	-9209	-8637	-7756	-5821	-6665	-6668	-4227
Кемеровская область	-18037	-21514	-20730	-19944	-17692	-14736	-19044	-19545	-10773
Новосибирская область	-12776	-15366	-11959	-11566	-10129	-10071	-11731	-11397	-6399
Омская область	-3192	-4956	-4358	-4730	-5297	-4295	-8033	-7968	-4550
Томская область	-2870	-2873	-2235	-2179	-1639	-1090	-1787	-1920	391
Сельское население									
Оба пола									
Алтайский край	-5939	-6828	-7004	-7141	-6623	-4829	-6813	-6471	-4812
Кемеровская область	-2291	-3092	-2967	-3267	-3063	-2275	-2951	-3051	-1801
Новосибирская область	-2327	-3802	-3311	-3443	-3204	-2512	-3746	-3987	-2283
Омская область	719	-235	-76	-453	-1442	-806	-2162	-2382	-1344
Томская область	-1854	-2226	-1881	-2249	-2039	-1501	-1735	-1969	-1215

Таблица 4
Число браков и разводов, единица, значение показателя за год

	Кемеровская область		Алтайский край		Новосибирская область		Омская область		Томская область	
	браков	разводов	браков	разводов	браков	разводов	браков	разводов	браков	разводов
1993 год	23069	13704	21399	12022	20641	11978	16950	9967	7250	4513
1994 год	21843	14396	19986	11723	19628	12374	16082	10118	6819	4797
1995 год	21427	14981	19781	11719	19340	12370	15857	9915	7538	5753
1996 год	16724	11308	15493	9013	16091	10570	12657	7850	6154	4359
1997 год	18301	11680	16702	8469	16897	11015	13421	7403	6669	4182
1998 год	16381	10026	15131	7245	15086	9301	12285	8595	5940	3591
1999 год	17973	10935	17725	8685	16872	9336	13744	7177	6619	3774
2000 год	19055	14888	18132	11147	17374	11910	13277	9831	6854	4695

населения всех регионов имела тенденцию к сокращению. В относительных цифрах больше других потеряла Кемеровская область (4,2 %), меньше — Новосибирская (0,78 %) [10].

Повсеместно сократилась численность людей, проживающих в сельской местности (от 2,11 % — на Алтае, до 5,43 % — в Томской области). Также уменьшилась численность горожан в Алтайском крае, Кемеровской и Омской областях (соответственно 0,11 %, 4,6 % и 0,82 %). А вот в Новосибирской и Томской областях количество городских жителей увеличилось, хотя и незначительно — соответственно на 0,08 % и 0,35 %.

За исследуемые годы претерпел незначительные изменения уровень урбанизации территорий западных регионов Сибири. Так, городское население здесь на протяжении 1993—2000 гг. увеличилось в пределах 0,5 % (за исключением Томской области,

где доля городского населения возросла на 1,3 %) и составила следующие значения: 52,5 % — в Алтайском крае; 74,5 % — в Новосибирской области; 68 % — в Омской области; 66 % — в Томской области. Соответственно доля сельского населения везде снизилась. Обратная ситуация сложилась в Кемеровской области, где численность горожан сократилась с 86,8 % до 86,5 %.

В 1990-х гг. происходило снижение морального уровня института брака. Представители молодого поколения с трудом решались на создание семьи и тем более на рождение детей (табл. 4). В абсолютных цифрах количество браков и разводов за исследуемый период во всех регионах уменьшилось (достигнув своего минимума в середине 90-х гг.). Рассматривая ситуацию в относительных цифрах, необходимо отметить, что в исследуемых субъектах сложилась опасная тенденция. Повсеместно наблюдался

рост числа разводов по отношению к количеству браков: на Алтае с 56 % до 61,5 %, в Новосибирской области с 58 % до 68,5 %, в Омской — с 58,8 % до 74 %, в Томской — с 62 % до 68,5 %. В Кузбассе имела место обратная тенденция: число разводов сократилось по отношению к количеству браков с 40,6 % до 21,9 % [11, 12].

Миграционные процессы за анализируемый период не изменили этническую структуру населения регионов Западной Сибири. Представители русской национальности по-прежнему оставались ведущим этносом. Второй по численности этнос Новосибирской и Омской областей, Алтайского края — немцы — остался таковым, поскольку на смену выбывшим в Германию приехали переселенцы из Казахстана и других стран СНГ.

Итак, социальная напряженность в западных регионах Сибири была обусловлена резким ухудшением жизненных условий населения. Рост безработицы, преступность и демографические изменения свидетельствовали о низком качестве жизни большинства населения. И, как следствие, зарождались протестные настроения в сознании людей, выступавших за улучшение правовой основы жизнедеятельности субъектов Российской Федерации.

Библиографический список

1. Бородулина, Н. Новосибирская область: экономика, партии, лидеры / Н. Бородулина // Власть. — 1995. — № 9. — С. 36.
2. Новиков, С. В. Общественно-политические организации Омского Прииртышья 1988 — 1995 гг. (документы и материалы) / С. А. Мордвинцева, С. В. Новиков. — Омск, 1999. — С. 77.
3. Экологическая обстановка // Рынок ценных бумаг — 1998. — Март. — С. 11–12.
4. Новиков, О. Издалека долго течет река... / О. Новиков // Кузбасс. — 1996. — 17 апреля. — С. 2.

5. Обращение руководителя фракции КПРФ в Государственной Думе РФ, Председателя ЦК КПРФ, лидера НПСР Г. А. Зюганова к Председателю Правительства РФ С. В. Степашину // Диспут. — 2001. — № 8 (15). — С. 56.

6. Шалакин, Г. Отсутствие дамоклова меча над естественными монополистами делает шахтеров самоедами / Г. Шалакин // Кузбасс. — 1996. — 13 февраля. — С. 1.

7. Число родившихся (без мертворожденных) человек [Электронный ресурс] / Гос. ком. стат. — Режим доступа : http://www.gks.ru/scripts/db_inet/dbinet.cgi?pl=2401002 (дата обращения: 08.04.2014).

8. Число умерших человек [Электронный ресурс] / Гос. ком. стат. — Режим доступа : http://www.gks.ru/scripts/db_inet/dbinet.cgi?pl=2401004 (дата обращения: 08.04.2014).

9. Естественный прирост населения [Электронный ресурс] / Гос. ком. стат. — Режим доступа : http://www.gks.ru/scripts/db_inet/dbinet.cgi?pl=2401054 (дата обращения: 08.04.2014).

10. Основные итоги социально-экономического развития Новосибирской области 2000–2003 гг. : стат. сб. / Новосибирский Облкомстат. — Новосибирск, 2003. — С. 47.

11. Число браков [Электронный ресурс] / Гос. ком. стат. — Режим доступа : http://www.gks.ru/scripts/db_inet/dbinet.cgi?pl=2401006 (дата обращения: 08.04.2014).

12. Число разводов [Электронный ресурс] / Гос. ком. стат. — Режим доступа : http://www.gks.ru/scripts/db_inet/dbinet.cgi?pl=2401008 (дата обращения: 08.04.2014).

ГУСЕЛЬНИКОВ Роман Владимирович, аспирант кафедры истории и социально-педагогических дисциплин Омского государственного аграрного университета им. П. А. Столыпина; учитель истории и обществоведения МОУ «Шербакульский лицей».

Адрес для переписки: mig_57@mail.ru

Статья поступила в редакцию 08.04.2014 г.

© Р. В. Гусельников

КНИЖНАЯ ПОЛКА

Новейшая история России. 1914–2011 : учеб. пособие / В. А. Кутузов [и др.]. — 6-е изд., испрavl. и доп. — М. : Юрайт, 2015. — 544 с. — Сер. Бакалавр. Базовый курс. — ISBN 978-5-9916-2830-3, 978-5-9916-2138-0.

Учебное пособие подготовлено коллективом петербургских историков, специализирующихся на изучении проблем истории России XX века. На большом фактическом материале с учетом новейших достижений историографии показаны основные этапы развития государства, дана характеристика политических, экономических, социальных и культурных составляющих исторического процесса, освещена повседневная жизнь населения России. Издание соответствует Федеральному государственному образовательному стандарту высшего профессионального образования третьего поколения. Для студентов гуманитарных факультетов высших учебных заведений.

Сахаров, А. Н. История России с древнейших времен до наших дней : учеб. В 2 т. / А. Н. Сахаров, А. Н. Боханов, В. А. Шестаков. — М. : Проспект, 2015. — Т. 1. — 544 с. — ISBN 978-5-392-16311-3.

Том первый учебника написан с учетом современного научного подхода к изучению истории России и последних исследований исторической науки. Раскрыты вопросы социально-экономического и государственно-политического развития страны, освещены основные проблемы отечественной истории, разработана авторская концепция их изучения и разрешения. Материал изложен ярким, выразительным литературным языком, с учетом хронологии и научной интерпретации, что во многом объясняет его доступность для широкого круга читателей. Учебник соответствует государственным образовательным стандартам высшего профессионального образования Российской Федерации. Для абитуриентов, студентов, преподавателей, а также всех интересующихся отечественной историей.

УСТЬ-ИШИМСКИЙ КРАЕВЕДЧЕСКИЙ МУЗЕЙ УСТЬ-ИШИМСКОГО МУНИЦИПАЛЬНОГО РАЙОНА ОМСКОЙ ОБЛАСТИ: ИСТОРИЯ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Статья посвящена изучению истории и деятельности Усть-Ишимского краеведческого музея. В результате исследования были выделены и охарактеризованы периоды, которые прошел музей в процессе своего развития. Материал статьи важен для представления наиболее целостной картины музейного дела в Омской области в частности и Сибири — в целом.

Ключевые слова: Омская область, Усть-Ишимский район, Усть-Ишимский краеведческий музей, музейное дело, микроистория, краеведение.

Усть-Ишимский район расположен на крайнем северо-востоке Омской области. Площадь района составляет 7,9 тыс. кв. км, что в процентном соотношении составляет 5,6 % от территории Омской области. Центр района с. Усть-Ишим находится на расстоянии 560 км от г. Омска. Это самый удаленный от административного центра район на территории области.

Исследование базируется на следующих видах источников — годовые отчеты музея с 1997 по 2013 гг., материалы районной и областной печати — газета «Огни Иртыша», позднее «Усть-Ишимский вестник», а также «Омская правда», «Омский вестник», «Молодой сибиряк» и другие. Для более полной характеристики изучаемого вопроса были проанализированы официальный сайт музея, книга бывшего учителя физики Усть-Ишимской школы Валерия Андреевича Фатеева «В kraю таежном: очерки истории села Усть-Ишим и Усть-Ишимского района»; сборник воспоминаний и научных работ, посвященный памяти Александра Ивановича Петрова — «Петровский сборник»; брошюры «Усть-Ишимский краеведческий музей» и «Усть-Ишимский летописец», подготовленные сотрудниками музея. В них содержатся некоторые краткие сведения по истории музея, его коллекциях.

В настоящее время указанные источники являются единственными по истории и деятельности музея, что отмечает и его директор, работающий здесь с 2005 г. и по настоящее время, Александр Сергеевич Голубев — местный краевед, бывший учитель истории Усть-Ишимской школы. Обобщющие исследования, посвященные истории и деятельности музея на протяжении всего времени его существования, отсутствуют. В связи со сложившейся ситуацией попытка воссоздания краткой истории и деятельности музея представляется весьма актуальной и значимой с практической точки зрения.

Целью нашего исследования является изучение истории и деятельности Усть-Ишимского краеведческого музея (далее УКМ) на протяжении всего време-

ни его существования с выделением исторических периодов. Периодизация музея, позволяющая структурировать материал, исходит из моментов открытия и закрытия музейного учреждения в разные годы его существования и определения статуса музея, что отражается в его названии. Рассматривая историю музея, мы также обращаемся к характеристике видов его деятельности и проблем, с которыми он сталкивался в исследуемые годы.

Первый период ограничивается хронологическими рамками 1930-е — 1970 гг. Принятые рамки обусловлены тем, что в 1930-х гг. в Усть-Ишимской школе был создан небольшой музейный уголок, а в 1970 г. на его основе был открыт школьный музей. Об этом периоде в истории музея имеются ограниченные сведения. Известно, что уже в 1930-е гг. в Усть-Ишимской школе был создан музейный уголок. Следующие сведения относятся к 1950-м гг., когда музейный уголок пополнился новыми предметами, благодаря учителю истории и географии Усть-Ишимской школы Алексею Дементьевичу Кононовичу. Все найденное он использовал как иллюстративный материал для проведения школьных уроков и не преследовал цели создания музея. В эти годы были обнаружены первые археологические предметы на территории Усть-Ишимского района, о которых сообщали в Московский институт археологии и Омский государственный педагогический институт. С этого момента сюда регулярно начали организовывать археологические экспедиции [1].

В 1964 г. в Усть-Ишимской школе начал работать туристско-краеведческий кружок под руководством В. А. Фатеева. Изначально школьники исследовали местность с целью возможности проложения в Усть-Ишимском районе туристического маршрута. Попутно собирали краеведческий материал, что в дальнейшем определило основное направление работы кружка. В 1967 г. кружок был преобразован в туристско-краеведческий клуб «Поиск». Многие из собранных ими предметов составили основу фонда будущего Усть-Ишимского музея [2].

Проанализировав имеющиеся источники, мы пришли к выводу, что фондовая работа в данный период была определяющей, в результате чего количество предметов неуклонно росло с каждым годом, и в 1969 г. местные краеведы заговорили о необходимости создания музея. Вскоре был образован совет музея, намечен план работы [3]. В местной газете появилось обращение совета музея к жителям района с просьбой сбора предметов для музея [4], в результате чего сельчане приносили различные предметы старины.

Второй период истории развития музейного учреждения берет свое начало в 1970 г. и продолжается до 1978 г. Выделение данного периода мы связываем с тем, что 20 апреля 1970 г. в одной из классных комнат Усть-Ишимской школы открылся музей, а на его основе в 1978 г. был образован районный музей.

В местной газете было отмечено: «Музей был создан к 100-летию со дня рождения В. И. Ленина в целях улучшения воспитательной работы на революционных, боевых, и трудовых традициях жителей Усть-Ишимского района» [5].

Изначально музей работал на общественных началах, а его первым директором был В. А. Фатеев. В музейном фонде насчитывалось более 400 предметов. На экспозиции были размещены стенды и витрины с экспонатами, рассказывающими об истории Усть-Ишина, о растительном и животном мире, о партизанском движении, о периоде коллективизации, о создании сельских Советов, о Великой Отечественной войне, о развитии промышленности, сельском хозяйстве и культуры [6].

В 1971 г. В. А. Фатеев перешел на работу в редакцию районной газеты «Огни Иртыша». Отныне музей был закрыт для посещения и экскурсии проводили в нем только по праздникам, что подтверждает А. С. Голубев: «20 апреля 1970 г. в присутствии партийного руководства района музей торжественно открыли. Открыли и ... забыли» [7].

Несмотря на данное обстоятельство, проанализировав материалы по данному периоду, нами был сделан вывод о том, что в музее все-таки осуществляли работу по комплектованию фондов. Коллекции музея пополнялись в основном за счет дарений местных жителей и экспедиционных поездок. Например, в 1977 г. в результате экспедиции по населенным пунктам Усть-Ишимского района в составе инструктора районного комитета партии Михаила Гавриловича Горева, учителя трудового обучения Малобичинской школы Усть-Ишимского района Владимира Владимировича Уткина, В. В. Симонова и В. А. Фатеева было собрано множество предметов для музея. Другим видам деятельности не уделяли должного внимания.

Следующий период начинается с 1978 г. и продолжается до 1996 г. Принятые хронологические рамки обусловлены тем, что 20 февраля 1978 г. ко дню 60-летия Советских Вооруженных Сил был торжественно открыт Усть-Ишимский народный музей, а на его основе в 1996 г. открылся дом-музей «Сибирская старина».

Для музея в 1978 г. было построено новое деревянное здание. В первом зале экспонировались предметы быта, торговли, промыслов, домашнего обихода. Второй зал был посвящен животному и растительному миру таежного края, третий — боевой и трудовой славе усть-ишимцев в годы Великой Отечественной войны, четвертый — развитию сельского хозяйства, народному образованию, здравоохранению. В музее также были размещены стенды, рассказывающие о состоянии лесной промышлен-

ности в районе, собран материал о партизанском движении в крае, об истории создания колхозов [8]. Директором музея стал Владимир Викторович Симонов, который не раз приезжал в с. Усть-Ишим в составе археологической экспедиции, будучи еще студентом Омского государственного педагогического института. Впоследствии переехал в с. Усть-Ишим.

Основным видом деятельности музея снова была фондовая работа. Музейный фонд насчитывал более 2000 единиц хранения, пополнения происходили за счет организованных экспедиций и дарений.

Начали развивать и культурно-образовательную деятельность, в результате чего в музее появились кружки — туристско-краеведческий и археологический, а также клуб коллекционеров «Искатели».

О том, как была организована работа в музее в дальнейшем, можно судить по воспоминаниям В. А. Фатеева и материалам местной печати: «К сожалению, в дальнейшем многие из собранных ранее предметов были растеряны, растиасканы, и музей в Усть-Ишиме прекратил свое существование» [9, с. 187]. «Был существенный музейный фонд. А потом вдруг как-то все распалось: исчез смотритель, «разъехались» по области экспонаты. Лет пять-семь продолжалось безвременье в Усть-Ишимском районе» [10].

И вновь музей в Усть-Ишиме открыл свои двери для посетителей в торжественной обстановке 25 февраля 1996 г. под названием дом-музей «Сибирская старина». Тем самым обозначился четвертый период в истории музея, который продолжался до 2006 г., когда был открыт УКМ.

Музею было предоставлено здание бывшей художественно-оформительской мастерской, в котором он находится и в настоящее время. Общая площадь музея составляет 108 кв. м, 72 из них — это экспозиционная и 15 — для хранения фондов. Директором дома-музея была назначена Роза Сергеевна Денисова. В 1997 г. в связи с ее увольнением дом-музей «Сибирская старина» не работал с 6 июня по 25 ноября. Новым директором стала Наталья Леонидовна Ермакова [11]. В 1999 г. музей возглавила Вера Анатольевна Федотова. Все они до момента заведования музеем были работниками культуры.

Музей в Усть-Ишиме сотрудничал с местными организациями — с Домом народного творчества, Домом детского творчества, библиотекой, школой искусств, с комитетом по делам молодежи, с Тарским филиалом Омского государственного педагогического университета.

В исследуемый период в музее обозначились некоторые проблемы, связанные с отсутствием реставратора. Требовалось музею и новое фондохранилище, выставочные витрины, а также осуществление текущих ремонтных работ, установка пожарной и охранной сигнализаций.

Снова центральное место в работе музея занимала фондовая работа в связи с утраченными в предыдущие годы музейными предметами — из 2000 осталось около 140 единиц хранения. Комплектование фондов стало возможным за счет сотрудничества со школой искусств, членами клуба фотолюбителей, с местными организациями, сотрудники которых безвозмездно передавали музею предметы старины, а также за счет дарений и экспедиций. На конец исследуемого периода в музее насчитывалось 965 единиц хранения основного и 26 — научно-вспомогательного фондов.

С момента открытия музея начали вести фондую и учетную документацию, а в 2000 г. предметы

стали ставить на государственный учет. Ежегодно в декабре проходила сверка музеиных фондов.

Важное значение в рамках рассматриваемого периода имела и научно-исследовательская работа. Сотрудники музея разрабатывали новые темы экскурсий, лекций, готовили публикации в периодическую печать; начали работу по созданию карты исчезнувших деревень Усть-Ишимского района; собирали материалы по истории этих населенных пунктов, истории самого района. Предметом изучения стали история школьного образования, биографии репрессированных жителей, история создания организаций в районе.

Еще одним важным видом деятельности, работа которой строится на основе фондовой и научно-исследовательской, является экспозиционная деятельность. На момент открытия музея в нем работали постоянно действующие выставки по природе, истории досоветского и советского периодов, а также выставки народных умельцев. Еще один выставочный зал музея был оформлен как русская горница [12]. Позднее были оформлены уголок боевой славы, уголки памяти коллекционера В. В. Уткина и В. А. Фатеева — не только создателя школьного музея, но и автора множества статей по краеведению, члена Русского географического общества [13]. Ежегодно в музее создавались выставки предметов декоративно-прикладного искусства и фотографов-любителей. В последующие годы экспозиция дополнилась постоянно действующими выставками: «Культура и быт сибирских татар», «Сибирики на фронтах войны», «Палеонтология», «Выставка самоваров».

На основе обозначенных выше видов деятельности строится и культурно-образовательная работа. Экскурсоводами в музее были члены туристско-краеведческого клуба «Поиск», а основными посетителями — школьники. Для них сотрудниками музея проводились уроки по древнерусскому искусству, уроки мужества. Важным направлением работы стало проведение различного рода мероприятий, посвященных государственным и народным праздникам. Ежегодно проводилось мероприятие «Именныы музея». На музейной площадке стали осуществлять торжественные регистрация браков с учетом традиций народного свадебного обряда.

В разные годы исследуемого периода в музее работали кружки: этнографический, драматический кружок «Былина», «Народный сувенир», «Бабушкин сундучок», а также клуб «Оглянись, здесь деревня стояла» и ансамбль народного духовного пения «Русь святая».

В музее велась работа с посетителями старшего возраста — организован клуб «Ветеран», для членов которого было организовано мероприятие «Тем, кому за 50».

Пятый период в истории развития музеиного учреждения в Усть-Ишиме берет свое начало с 2006 г. и продолжается до настоящего времени. Выделение данного периода мы связываем с созданием на основе дома-музея «Сибирская старина» УКМ.

Учредителем муниципального учреждения культуры «Усть-Ишимский краеведческий музей» является администрация Усть-Ишимского района Омской области. Курированием работы музея на местном уровне занимается отдел культуры и народного творчества при районной администрации. Основной источник доходов музея — это районный бюджет, а также нечастая спонсорская поддержка.

Музей сотрудничает с Домом культуры, редакцией газеты, с сельскими школами Усть-Ишимского

района, с Тарским филиалом Омского государственного педагогического университета, а также с детским садом и лицей «Альфа», воспитанники и ученики которых являются основными посетителями музея. Были наложены связи с Омским отделением Русского географического общества.

В рассматриваемый промежуток времени в УКМ снова был обозначен ряд проблем, в том числе необходимость проведения капитального ремонта, несмотря на то что ежегодно в музее проводились текущие ремонтные работы. Ряд проблемных вопросов, обозначенных в предыдущем периоде, был решен. Например, в 2008 г. была установлена пожарная сигнализация. В 2010 г. в музей был проведен Интернет и заведена электронная почта. В 2011 г. к зданию музея была сделана пристройка площадью 15 кв. м для хранения инвентаря [14]. В 2013 г. у музея появился официальный сайт [15].

Важным направлением музейной деятельности стала и фондовая работа. Впервые за долгие годы была совершена закупка — приобретен пистолет-пулемет. Основная проблема, которая стояла перед музеем — переполненное фондохранилище, не позволяющее принимать большое количество предметов, особенно крупногабаритных. Все чаще работники музея вынуждены были отказывать дарителям. В связи с этим фондовая деятельность перестала занимать ведущее место в работе музея.

Музей в Усть-Ишиме является хранителем уникальных предметов, например, об одном таком экспонате было написано в сборнике научных работ [16]. Ежегодно в музее проводилась сушка и обработка предметов против моли, а в декабре — сверка фондов.

Фонды пополнились предметами археологии и нумизматики. Ведется необходимая фондовая документация. Для ведения электронного каталога используется программа GenKat. Процент внесенных в электронный каталог музеиных предметов составляет 100 %. Основной фонд музея на конец 2013 г. насчитывал 2280 единиц хранения, а научно-вспомогательный — 974 [17].

Центральное место в деятельности музея стала занимать научно-исследовательская работа. Члены клубов «Исток» и «Искатели» проводили работу по выяснению интересных фактов из истории района и исследованию домашних архивов местных жителей. Сотрудники музея выявляли наиболее часто встречающиеся фамилии в населенных пунктах Усть-Ишимского района согласно данным метрических книг за 1921 — 1923 гг. и спискам домохозяев за обозначенный промежуток времени. Исследовались и биографии ветеранов Великой Отечественной войны, Гражданской войны, история Усть-Ишимского района. Продолжена работа по составлению картотеки ветеранов Великой Отечественной войны и тружеников тыла, по сбору материалов об исчезнувших деревнях. Все сотрудники музея принимали участие в археологических экспедициях.

Подготовлены к печати брошюры: «Усть-Ишим. История и современность», «Ссылка», «Памятники и памятные места Усть-Ишина». Школьным музеям района оказывали методическую помощь; положено начало паспортизации этих музеев.

С 2012 г. музеем совместно с редакцией газеты «Усть-Ишимский вестник» начата работа по созданию электронного архива газеты: в цифровой варианте переведены подшивки газет с 1965 по 1985 гг. включительно.

Экспозиционная работа в музее строилась на основе экспозиций и временных выставок музея,

которые создавались на различную тематику: государственные праздники, праздники народного календаря и другие.

В музее работали экспозиции: «Культура и быт сибирских татар», «Русская изба», «Крестьянское хозяйство», «Край таежный», «Дорогами войны», «Из глубины веков», «Валдайский промысел» (коллекция колокольчиков), «Русский самовар», «Оглянись, здесь деревня стояла» (об исчезнувших населенных пунктах Усть-Ишимского района), «Усть-Ишим. Век XX», «Палеонтология». В связи с недостатком выставочных площадей, сотрудники музея большое внимание уделяли созданию передвижных выставок.

На основе всех вышеописанных видов деятельности музея строится культурно-образовательная деятельность. В 2006 г. в музее начали свою работу клубы «Исток» и «Искатели», в 2007 г. — образовательный клуб для молодежи в возрасте от 18 до 30 лет.

С 2012 г. начали проводить мероприятия, посвященные международной акции «Ночь музеев». В рамках проведения выставки по истории техники среди учащихся Усть-Ишимского лицея «Альфа» был проведен турнир «Ретроигрок».

Районные муниципальные музеи Омской области являются своеобразными центрами культурной жизни районов, что отмечает исследователь Т. Н. Золотова [18]. Результаты проведенного нами исследования позволяют сделать выводы о том, что УКМ, несмотря на многие свои проблемные вопросы, занимает значимое место в культурной жизни района, осуществляет все виды музейной деятельности — фондовую, научно-исследовательскую, экспозиционную и культурно-образовательную. Благодаря собранным экспонатам и материалам, музей в Усть-Ишиме обеспечил хорошую источниковую базу для работы с различными группами населения. Он является местом хранения и трансляции социальной памяти, источником знаний по истории района, его культуры.

Таким образом, можно заключить, что УКМ, несмотря на свою удаленность от областного центра, обладает хорошей базой для дальнейшего развития, имеет большой потенциал для того, чтобы в будущем расширить сферы своей деятельности и стать основным центром культуры в районе.

Библиографический список

1. Калошин, А. Между прошлым и будущим / А. Колошин // Омская правда. — 1979. — 25 декабря.
 2. Край родной // Омская правда. — 1979. — 25 апреля.
 3. Решетников, В. Музей в Усть-Ишиме / В. Решетников // Омская правда. — 1971. — 31 марта.
 4. Будет музей в Усть-Ишиме! Обращение совета музея к жителям Усть-Ишимского района // Огни Иртыша. — 1969. — 24 июня.
 5. Решетников В. Музей в Усть-Ишиме / В. Решетников // Омская правда. — 1971. — 31 марта.
 6. Щитова, В. Народный музей открыт / В. Щитова // Огни Иртыша. — 1970. — 22 апреля.
 7. Брошюра. Усть-Ишимский краеведческий музей // Научный архив УКМ.
 8. Мокринская, М. По залам нового музея / М. Мокринская // Огни Иртыша. — 1978. — 28 февраля.
 9. Фатеев, В. А. В краю таежном: Очерки истории села Усть-Ишим и Усть-Ишимского района / В. А. Фатеев. — Омск : Омич, 1996. — 207 с.
 10. Гоношилов, В. Второе рождение музея / В. Гоношилов // Омский вестник. — 1996. — 21 июня.
 11. Годовой отчет Усть-Ишимского краеведческого музея за 2006 г. // Научный архив УКМ.
 12. Открыт дом-музей // Омская правда. — 1996. — 6 марта.
 13. Брошюра. Усть-Ишимский летописец // Научный архив УКМ.
 14. Годовой отчет Усть-Ишимского краеведческого музея за 2011 г. // Научный архив УКМ.
 15. Усть-Ишимский краеведческий музей [Электронный ресурс]. — Режим доступа : museum.ust-ishym.ru (дата обращения: 17.05.2014).
 16. Данченко, Е. М. Бронзовый нож из Усть-Ишимского музея / Е. М. Данченко, А. С. Голубев // Петровский сборник : сб. воспоминаний и науч. работ, посвящ. памяти Александра Ивановича Петрова (1953–2000). — Омск : Полиграфический центр КАН, 2012. — С. 104–110.
 17. Годовой отчет Усть-Ишимского краеведческого музея за 2013 г. // Научный архив УКМ.
 18. Золотова, Т. Н. Роль интеллигенции и учреждений культуры в формировании социокультурной ситуации на селе / Т. Н. Золотова // Культура и интеллигенция России между рубежами эпохи: Метаморфозы творчества. Интеллектуальные ландшафты (конец XIX – начало XX в.) : материалы 5-й Всерос. науч. конф. с междунар. участием, посвящ. 10-летию Сиб. филиал. Рос. ин-та культурологии МК РФ, Омск, 29 сент.–3 окт. 2003 г. / ОмГУ и др. — Омск, 2003. — С. 287–290.
-
- ЕРОШЕВСКАЯ Дарья Викторовна**, аспирантка кафедры этнологии, антропологии, археологии и музеологии.
Адрес для переписки: sima5951@mail.ru
- Статья поступила в редакцию 10.05.2014 г.**
© Д. В. Ерошевская

КНИЖНАЯ ПОЛКА

Родословная книга Сибири: сборник статей и материалов по практической генеалогии / Сост. и ред. Ю. Н. Ефремова. — Омск : Типография «Золотой тираж», 2014. — 500 с. — ISBN 978-5-8042-0394-9.

«Родословная книга Сибири» — итог многолетних наработок по практической генеалогии, представленных в жанре историко-литературных повествований. Используя документы федеральных, региональных и ведомственных архивов, потомки сибиряков впервые публикуют на страницах данной книги истории о своих предках, делятся с читателями опытом сбора генеалогической информации, разгадывают тайны рода и фамилии, опровергают или подтверждают семейные мифы и легенды. Книга предназначена для широкого круга читателей — историков, генеалогов, специалистов по сибирскому краеведению, работников архивов, музеев и др.

НАЦИОНАЛЬНО ОРИЕНТИРОВАННАЯ ПЕЧАТЬ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ И ФОРМИРОВАНИЕ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРЕДПОЧТЕНИЙ. ДЕКАБРЬ 1991 – АВГУСТ 1993 гг.

Периодическая печать в президентско-парламентской республике была неоднородна. Она состояла из газет, финансируемых органами исполнительной власти, коммерческих и нарождающихся партийных изданий. Представителям национально-патриотических сил предстояло заручиться поддержкой редакционных коллективов или создавать собственные газеты. Деятельности партий по решению данной задачи и ее результатам посвящена данная статья.

Ключевые слова: ФНС, «Северо-Восток», редакционные коллективы, «Омское время», информационные войны, «Русская Сибирь».

Падение коммунистического режима, ликвидация структур СССР вызвали бурную реакцию на страницах региональной печати. Точки зрения на произошедшие события высказывали представители политических партий, органов власти, журналисты.

В Омске основная тяжесть обвинений в первую очередь была направлена против председателя облисполкома Л. К. Полежаева, занявшего в период путча позицию невмешательства. В потакании путчистам был также обвинен бывший директор ГТРК «Иртыш» А. В. Кулинич, смещенный с занимаемой должности. В результате кадровых перестановок место начальника УВД по Омской области занял демократически настроенный депутат ВС РСФСР В. Н. Лотков. Комитет по имуществу возглавил широко известный в рядах неформалов В. Я. Захарченко. Представителем Президента в области остался А. В. Минжуренко.

В среде демократически настроенных омских политиков в конце 1991 – начале 1992 г. упорно ходили слухи о составлении списков «врагов демократии». Одна из омских газет даже опубликовала подобный список из 10 человек. В него были внесены депутат ВС РСФСР О. Н. Смолин, один из лидеров левого движения, партторг политехнического института М. И. Машкарин, партторг пединститута С. В. Новиков и другие. Представители коммунистического движения заявляли об элементах морального давления на них и членов их семей: телефонные звонки с угрозами, угрозы во время массовых мероприятий [1, 2].

Тон прессы в конце 1991 – первой половине 1992 гг. оставался агрессивно-антикоммунистическим. Например, слывшая национально ориентированной газета «Северо-Восток» № 1 за июль 1991 г. из 16 полос 8 посвятила материалам антикоммунистического содержания. На ее страницах разместились следующие материалы:

— «Из письма вождям Советского Союза» — А. Солженицына;
— «Ленин и Россия» (доклад на неаполитанской конференции) — Рената Гольцева;

— «Я расскажу» — бывший осведомитель НКВД К. Н. Назаренко, живет в Новосибирске... Расстрел 18 октября 1937 г. — записал Михаил Гуцолов и др. [3].

С 1992 г. редакция газеты «Северо-Восток» предоставляла свои страницы материалам национально ориентированных движений. Например, в № 3 были размещены материалы «Российского народного собрания». В этом же номере 6 из 16 полос были отданы материалам, критикующим коммунистическое прошлое страны. Это «Катастрофа белого движения в Сибири» — В. Ф. Филатова; «Русские судьбы», о судьбе А. Н. Пепеляева, брата В. Н. Пепеляева, расстрелянного вместе с А. В. Колчаком. Здесь же «По донскому разбору» А. Солженицына и перепечатка из «Вестника РХД» — «Святейший патриарх Никон» [4].

Дальнейшие номера издания заполнены продолжением материалов «Катастрофа белого движения в Сибири»; перепечатками эмигрантской литературы, посвященной переписке генералов Врангеля и Краснова; рекламой на возобновленные издания монархического «Русского Востока», выходившего в 1907 г.; публикациями Игоря Арестова, на современные темы [5].

Некоторую эволюцию содержание публикаций претерпевают с середины 1992 г. под влиянием складывающегося союза лево-правых сил, впоследствии проявившего себя в создании Фронта Национального Спасения (ФНС). Страницы газеты все чаще занимает казачья и религиозная тематика, лирика [6].

Между тем, по данным социологических групп, в течение первой половины 1992 г. изменялось мировоззрение жителей региона. Например, в Омске службой «Мнение» было опрошено 700 респондентов. Из них только — 2,8 % указали, что в результате мер, предложенных правительством, положение в стране несколько улучшилось;

— 14,6 % отметили некоторое улучшение положения, добавив при этом о преждевременности каких-либо выводов;

— 31,1 % заявили, что улучшений пока не произошло;

- 42,1 % полагали, что ситуация ухудшилась.
- Отвечая на вопросы о собственном положении,
- 2,1 % нашли его улучшившимся;
- 15,4 % отметили, что в их жизни изменений не произошло;
- 31,1 % говорили о некотором ухудшении;
- 36,5 % о значительном ухудшении;
- 12,9 % о критическом положении своей семьи.

При этом 22,5 % омичей указали, что тратят на продукты питания от 75 до 100 % семейного бюджета; 22,3 % заявили, что на питание уходит весь бюджет [7, с. 35]. Указанные данные показывали, что лимит времени, отпущененный населением для проведения правительстvом реформ, практически исчерпан.

Пресса тоже начала переживать трудности экономического характера. Цена на газеты в областях Западной Сибири возросла в 1,5 раза. Редакционные коллектизы били тревогу в связи с возможным закрытием газет. В Омске на 14-м номере прекратился выпуск газеты «Демократический Омск», так и не сумевшей из газеты неформалитета превратиться в общегородское издание [7, с. 36]. Последующий подъем цен на газеты в среднем в 10 раз поставил под вопрос существование 30 % региональных изданий [8]. Начался поиск финансовой поддержки у органов власти, коммерческих структур, частных лиц.

Между тем роспуск СССР и суверенизация Российской Федерации не прошли мимо Сибири. Красноярский крайсовет провозгласил «Енисейскую республику», иркутские депутаты призвали признать область «территориально-государственным образованием и равным субъектом Российской Федерации». Несмотря на то что новации сибирских субъектов не выходили за рамки общего политического процесса, а требование равенства объяснялось недовольством по отношению к формирующейся асимметричной федерации, центр в ряде случаев обвинил сибирских деятелей в сепаратизме [9, с. 68].

Необходимо отметить, что среди населения по поводу сибирской независимости высказывались самые противоречивые мнения, но перспективы отделения от центра у населения симпатий не вызывали. Как следствие, центральные власти посредством СМИ в рамках информационных войн пытались представить Советы инициаторами дальнейшего развала государственности. В этом случае провластные СМИ использовали НПСР, РХДД, казачьи движения, предоставляя им возможность критики депутатского корпуса.

Жаркая полемика развернулась в обществе о судьбе Курильской гряды. На указанную тему высказывали мнение все действующие на территории региона партии и движения. Отражений этой полемики стал материал, опубликованный в сентябре 1992 г. на страницах «Сибирской газеты». Мнения представителей партий и движений выглядели следующим образом:

«Игорь Аристов (Ново-Николаевское отделение Российского народного собрания). Передача двух или четырех островов Японии (скорее всего поэтапная) усилит оппозицию ельцинскому политическому курсу, но вряд ли послужит его ликвидации. И вообще, до тех пор, пока русский национализм не породил здоровой силы, идеологи всех мастей будут торговать Россией».

«Виктор Козодой (НПСР). Настораживает, что решается негласно. Передача нежелательна, если не сказать больше. Когда из всех способов улучшения экономической ситуации в стране не находится

ничего лучшего, как начать торговать своей собственной территорией, — невольно возникает вопрос: какую территорию еще продадут?»

«Алексей Мананников (Демократическая Россия). Вопрос на заседании «ДР» не рассматривался. К судьбам демократии отношения не имеет. В общественном мнении Ельцин не потеряет, если передаст, а точнее, возвратит эти острова, оккупированные СССР после 1945 г. В Новосибирске более трех человек по этому поводу на улицу не выйдет. Можно ведь клеймить Хрущева за передачу Крыма Украине, можно клеймить Александра II за передачу Аляски США... А в вопросе о Курилах речь идет о возврате тех территорий, которые были захвачены в ходе Второй мировой войны».

«Игорь Батенеев (НТС). Договор о совместном использовании этих островов. Однако над ними должен сохраняться российский приоритет. Если Япония беспокоится о своей национальной гордости, то и мы должны к этому стремиться».

«Александр Плотников (РДДР). Если начать «трагать» территории, то нельзя будет сделать для Курил исключение, а с Крымом, а с другими спорными землями, с Северным Казахстаном — оставить все как есть. Ельцин может пойти на фильтр: пойти на референдум именно по спорным островам. Люди там за сумму порядка 100 тысяч долларов все готовы отдать».

«Сергей Крупенько (ПКРП). Временное оккупационное правительство выполняет диктат зарубежных хозяев. Вариант двойного контроля — потеря стратегического контроля России на этой территории» [10].

Визит Президента Б. Ельцина в Японию передачей ей островов не завершился, однако споры вокруг их судьбы должны были подорвать доверие к нему. Но развернуть критику на страницах провластных СМИ на указанную тему было невозможно. Возможности собственных газет были незначительны.

В Новосибирске учрежденная дирекцией Русского национального культурного центра «Родина» газета «Русская Сибирь», вышедшая тиражом 5 тыс. экземпляров и распространяемая по тем же каналам, что издания РНЕ. В исследуемый период газета являлась органом НДПР (Национально-державной партии России), а её редактор И. В. Колодезенко являлся председателем областной организации данной партии [11].

В Омске к изданиям указанного политического направления относилась газета «Омское время». С января 1992 г. издание выходило в качестве ежемесячного 4-полосного приложения к газете «Коммерческие вести», главным редактором которой являлась Г. И. Кускова, по совместительству помощник депутата ВС РСФСР С. Н. Бабурина. Ответственным за выпуск четырёх полос являлся М. И. Машкарин, кандидат исторических наук, член Федерального Совета социалистической партии трудящихся, депутат Омского городского Совета. В апреле 1992 г. приложение переросло в самостоятельную газету. С июля 1992 г. «Омское время» стало выходить еженедельно, а с августа 1992 г. была открыта подписка. Материальную поддержку газете, по данным М. И. Машкарина, оказывал в это время С. Н. Бабурин. Номинально учредителем газеты являлось ООО «Омский торговый дом», но практически издание стало рупором РОС и работавших в его омском отделении представителей левых сил. Тираж газеты варьировался от 13 до 25 тыс. экземпляров. Редакция издания сотрудничала с известными российскими

Таблица 1
Сравнительная степень известности и притягательности для избирателя
ведущих политических партий России. Август 1993 г. [15, с. 9]

№ п/п	Название партии	Известна	Будут голосовать
1	Народная партия Свободная Россия (Руцкой)	26,6	7,5
2	Демократическая партия России	25,4	3,6
3	Российское движение демократических реформ	22,9	2,8
4	Демократическая Россия	20,3	2,0
5	Партия экономической свободы	15,1	1,3
6	Либерально-демократическая партия	29,1	1,0
7	Коммунистическая партия Российской Федерации	21,1	0,8
8	Российская коммунистическая рабочая партия	22,8	0,7
9	Народная партия России (Гдяян)	14,4	0,7
10	Союз 25 апреля (Бурбулис)	13,4	0,6
11	Крестьянская партия России	12,6	0,6
12	Всероссийский союз «Обновление»	12,3	0,6
13	Российский общенародный союз (Бабурин)	16,3	0,3
14	Социалистическая партия трудящихся	11,1	0,3
15	Русский национальный собор (Стерлигов)	14,9	0,1
16	Российское христианско-демократическое движение (Аксючиц)	14,3	0,1
17	Республиканская партия РФ	7,8	0,1
18	Социал-демократическая партия России	7,4	0,1

писателями: В. Крупиным, Э. Володиным, В. Распутным, Ю Власовым. Газета регулярно публиковала интервью с известными деятелями оппозиции: Н. И. Рыжковым, С. И. Манякиным, Г. А. Зюгановым. Кроме того, на страницах издания перепечатывались наиболее интересные и актуальные материалы из других оппозиционных газет. В редколлегию газеты «Омское время» входили С. Н. Бабурин, А. А. Кравец, М. И. Машкарин. Финансовую помощь газете примерно до ноября 1993 г. оказывал директор Омского отделения компании «Агро-Тесс» И. А. Назарчук [12, с. 43–44].

В Томске в июле 1992 г. появляется газета «Казачьи вести». Учредителем издания выступила Федерация профсоюзных организаций области, редактором был заявлен П. А. Мусорин. Газета вышла как приложение к профсоюзному изданию, газете «Действие», но под собственным эпиграфом: «За единую Россию и вольную Сибирь». Тираж газеты установить не удалось. В фондах ЦДНИ ТО хранятся четыре номера издания. Анализ содержания позволяет констатировать, что газета в основном уделяла внимание проблемам формирования казачьего движения, его истории, современному состоянию культурной жизни казачества. В ряде материалов делается попытка анализа экономических возможностей ведения казаками хозяйств и занятий экономической деятельностью. Из политически значимых материалов запрос к главе администрации области В. М. Крессу «Будет ли ядерный могильник в Томске?»(№ 2), статья «Казачество готово перейти к освоению Южных Курил»(№ 3). Выпускалась ли газета в 1993 г. — не установлено [13].

В Алтайском крае и Кемеровской области относительно исследуемого периода печати, ориентированной на русских националистов, газет русских национальных организаций или казачьих движений не выявлено. Сложившееся положение можно объяснить применительно к первому региону сохранением аграрно-коммунистического большинства в органах власти, применительно ко второму — доминированием в общественно-политической жизни данного периода шахтёрского движения, поддерживающего курс президента Б. Н. Ельцина.

Как уже указывалось, в полемике вокруг доверия курсу реформ, проводимых Б. Н. Ельциным, имея столь незначительные возможности, национально-патриотические организации, естественно, принимать участие не могли.

Конечно, ряд печатных изданий так или иначе поддерживал оппозиционные движения, изредка с симпатией отзывался об отдельных депутатах, стоявших на национально-патриотических или левых позициях. Так было с газетой «Северо-Восток», критикующей в 1992 г. компартию, а в период создания ФНС опубликовавшей заметки о лево-правом альянсе. На подобных позициях стояли в указанный период «Омская правда» и «Омский вестник», а также газета «Коммерческие вести».

С середины 1993 г. властные структуры начинают организовывать службы по связям с общественностью в органах государственной власти и управления федерации и субъектов. Среди задач служб можно выделить:

— установление, поддержание и расширение контактов и взаимоотношений с общественностью, с другими субъектами политического процесса;

- информирование населения о позициях по тем или иным проблемам, разъяснение необходимости и мотивов принятия тех или иных решений;
- систематическое изучение общественного мнения, расстановки политических сил, принятия тех или иных решений, инициатив;
- отслеживание общественной реакции на предпринимаемые действия, сбор и обобщение информации о действиях политических организаций;
- прогнозирование развития общественно-политических процессов, возможных последствий принимаемых решений и проводимых акций, моделирование социально-политической обстановки;
- обеспечение субъекта политического управления информацией, аналитическими прогнозами, прогнозными разработками, в том числе рекомендациями по поводу предпочтительных форм и методов деятельности [14, с. 10, 5, 31 – 32].

Противостоять данным структурам разрозненные национально-патриотические организации и их печать, естественно, не могли.

Как следствие, рейтинг популярности политических партий страны в конце августа 1993 г. выглядел следующим образом [табл. 1].

- В завершение статьи необходимо отметить, что:
- значительная часть печати областного и городского уровня стояла на реформаторских и провластных позициях, не разделяя национально-патриотических идей;
 - получившая самостоятельность, региональная печать под влиянием финансовых проблем оказывалась под контролем групп экономического влияния и властных структур, что делало маловозможным публикацию на её страницах материалов о национально ориентированных движениях;
 - попытки лидеров национально ориентированных организаций создать собственную печать и развернуть посредством неё пропагандистскую деятельность в целом не увенчались успехом (Иключение — газета «Омское время»);
 - исполнительной власти посредством созданных для работы с общественными организациями и СМИ структур удавалось манипулировать общественными деятелями, выступающими с позиций национального возрождения (казачьи движения, представители НПСР), используя их в информационном поле для

поддержки курса реформ и критики левой оппозиции.

Библиографический список

1. Демократический Омск. — 1991. — № 4.
2. ГИАОО (Государственный исторический архив Омской области). Ф. 9618. Оп. 1. Д. 35. Л. 21.
3. Северо-Восток. — 1991. — № 1.
4. Северо-Восток. — 1992. — № 3.
5. Северо-Восток. — 1992. — № 4 – 6.
6. Северо-Восток. — 1992. — № 8 – 12.
7. Новиков, С. В. Политические партии, властные структуры в борьбе за влияние на печать и избирателя Западной Сибири. 1992 – 1996 гг. : моногр. / С. В. Новиков. — Омск : ОмГТУ, 2000. — 178 с.
8. Сибирская газета. — 1992. — № 25 (июнь), № 38 (сентябрь).
9. Новиков, С. В. Сибирские мотивы в политических играх и социально-экономических концепциях переходного периода (1990 – 1996 годов) / С. В. Новиков // Использование регионального компонента базисного учебного плана в учреждениях образования Омской области. Ч. I. — Омск : ООИПКРО, 1998. — С. 67 – 71.
10. Сибирская газета. — 1992. — № 37 (сентябрь).
11. Бекбаева, А. Г. Деятельность РОД, РОС, РНЕ на территории Омской области (1992 – 2000 гг.) / А. Г. Бекбаева // Омский научный вестник. — 2009. — № 2 (76). — С. 28 – 32.
12. Бекбаева, А. Г. Становление и проблематика национальной периодической печати Западной Сибири в 1990 – 2002 гг. : дис. ... канд. ист. наук. — Омск, 2011. — 232 с.
13. Казачьи вести. — 1992. — № 1 – 4.
14. Безгодова, О. В. «Паблик релайшнз» в системе политического управления современной России: тенденции развития : дис. ... канд. полит. наук / О. В. Безгодова. — М., 1997. — 380 с.
15. Срез общественного мнения // Полихрон. — 1993. — № 6. — С. 9.

НОВИКОВ Михаил Сергеевич, аспирант кафедры отечественной истории.

Адрес для переписки: bonid89@inbox.ru

Статья поступила в редакцию 14.11.2014 г.

© М. С. Новиков

КНИЖНАЯ ПОЛКА

Мартынов А. И. Археология. Учебник и практикум / А. И. Мартынов. — М. : Юрайт, 2014. — 480 с. — ISBN 978-5-9916-3798-5.

В учебнике излагается история человечества на протяжении почти трех миллионов лет, показан вклад людей археологических эпох в процесс исторического развития, акцентируется внимание на их открытиях и новациях. В учебнике представлена информация о древнем искусстве и различных технологических, этнических, социальных реконструкциях, сделанных на основании археологических материалов, раскрывается связь археологического прошлого с современностью, рассматривается методика исследования разных видов археологических памятников. Содержание учебника соответствует Федеральному государственному образовательному стандарту высшего профессионального образования третьего поколения и методическим требованиям, предъявляемым к учебным изданиям. Для студентов исторических факультетов вузов, обучающихся по программам бакалавриата, слушателей колледжей, школ, изучающих историю, археологию, культурологию, и всех интересующихся историей нашей страны.

ДОКУМЕНТАЛЬНОЕ ОФОРМЛЕНИЕ БРАКОРАЗВОДНЫХ ПРОЦЕССОВ В ТОБОЛЬСКОЙ ЕПАРХИИ В XVIII – НАЧАЛЕ XX вв. (ПО МАТЕРИАЛАМ ГУТО «ГОСУДАРСТВЕННЫЙ АРХИВ В г. ТОБОЛЬСКЕ»)

Документальное оформление бракоразводных процессов в Тобольской епархии в XVIII – начале XX вв. регламентировалось законодательными актами, определяющими мотивы расторжения браков, порядок действий ведения бракоразводных дел в Духовных Консисториях. С течением времени круг оснований для развода расширялся, процедура оформления расторжения брака усложнялась, появлялись специальные формы документов; факты расторжения брака фиксировались в учетных и брачных документах. Расторжение брака в Тобольской епархии с XIX в. было достаточно частым явлением, что подтверждают дела по прошениям прихожан церкви о разводе в фонде Тобольской Духовной Консистории.

Ключевые слова: Тобольская епархия, бракоразводный процесс, законодательные акты, дела о разводе, прошение о разводе, разводные письма.

Исследование осуществлено в рамках исполнения государственных работ в сфере научной деятельности, задание 2014/801.

В последние годы возрос интерес к теме расторжения брака, что связано с увеличением количества разводов в России и заинтересованностью общества в сохранении максимального числа семей. Со временем Древней Руси вопросы семьи и брака находились в юрисдикции Церкви. Церковь и государство пытались препятствовать разводам. Однако существовал ряд причин, по которым можно было получить развод и разрешение вступить в новый брак.

Некоторые аспекты бракоразводного права рассмотрены Т. Максимовой [1, с. 55 – 60], А. С. Буйной [2, с. 73 – 76], А. А. Дорской [3, с. 6 – 8] и А. И. Исаченковой [4, с. 78 – 86] и др. По заключению Е. Беляковой, на протяжении XVIII – начала XIX вв. в России происходило ужесточение законов о разводе, однако исследователь практически не упоминает данных законов [5, с. 63 – 64]. Уже заголовок статьи Е. Колгановой свидетельствует о том, что в начале XX в. развестись было очень не просто, что автор и доказывает, анализируя архивные документы [6, с. 93 – 97]. Последним исследованием о бракоразводных процессах явилась работа Л. В. Юнусовой. Однако в работе Л. В. Юнусовой, как и всех предыдущих, не затрагивается вопрос о документировании процессов расторжения брака в Тобольской епархии XVIII – начала XX вв. [7, с. 118 – 122].

Исследователи выделяют два периода в истории расторжения брака в дореволюционной России: до XVIII в. браки расторгались «относительно легко», а после реформ Петра I разводы стали встречать серьезные затруднения [8, с. 118 – 122]. До XVIII в. брачные разводы подлежали Патриаршему суду, а после утверждения Духовного регламента 25 января 1721 – Синоду [9].

Причинами развода были ссылка одного из супругов на вечные каторжные работы с 16 августа

1720 г. [10] и заточение с 29 марта 1753 г. [11], 6 июля 1767 г. [12] и 28 апреля 1804 г. [13]. Преступников могли определить в солдаты и лишить права состояния в браке [14]. Если приговоренные совершили в ссылке преступление, их жены с 1 июня 1835 г. могли подать на развод [15]. С 1883 г. для расторжения брака предоставлялись удостоверения о ссылке [16].

Причины разводов были определены 12 апреля 1722 г. [9] Консисториям запрещалось разводить без синодального решения указами от 22 марта 1723 г. [17], 1 января 1805 г. [18] и 28 февраля 1806 г. [19]. С 31 августа 1832 г. они могли разводить при прощаже супруга крестьянского и мещанского сословий [20], с 24 февраля 1834 г. между лицами ведомства Военного поселения [21].

Указами 11 декабря 1730 г. [22] и 10 июля 1767 г. [23] Синод запретил священникам подписывать разводные письма (самовольный развод).

Жены военноопленных негреческого вероисповедания с 6 сентября 1743 г. [24] и жены «азиатцев» с 1827 г. [25], уехавших к себе на родину, могли быть свободными от брака, если их мужья не возвращались по истечении двух лет.

Консистории по указам от 23 ноября 1752 г. [26] и 31 марта 1767 г. [27] не имели права самостоятельно разводить супружей за кумовство и сватовство.

Запрещались бракосочетания между несовершеннолетними (юноши – 15 лет и девушки – 13 лет) с 17 декабря 1774 г. [28] и 10 декабря 1781 г. [29]. Церковь разводила их по указу от 31 июля 1779 г. [30] Возраст был увеличен 19 июля 1830 г. – до 18 и 16 лет, запрет такого брака узаконен 23 декабря 1833 г. [31].

Порядок развода по причине отсутствия супруга более пяти лет определился 25 сентября 1810 г. Консистория искала сведения о браке в метрической

книге, если запись не находили, то в исповедных книгах, при их отсутствии в удостоверении причта о браке или свидетельстве очевидцев. Она допрашивала родственников и местных жителей о поводе к побегу и местонахождении сбежавшего лица. Из дела составлялся экстракт [32]. С 1883 г. в прошении указывали дату выбытия из места жительства, информацию о явочном прошении. От жен солдатов требовали паспорт начальства о смерти [16]. С 14 января 1895 г. при прошении подавали метрическую выпись о браке. Консистория рассыпала повестки в Полицейские Управления и к родственникам супругов, а они представляли отзывы; обращалась в Губернское Правление по месту жительства, службы супруга; опрашивала людей. «Вопросный лист» включал звание, сословие, имена, отчества и фамилии опрашиваемого и супругов; место жительства; дату иска; дату и место венчания; знает ли супругов, и с какого времени; дату и место последней встречи с пропавшим; обстоятельства отлучки; сведения о месте пребывания отсутствующего. В Церковные ведомости помещали объявление об иске с указанием имен и званий супругов, места и времени совершения брака, времени отлучки; через год начиналось рассмотрение дела [33].

После получения прошения о разводе по причинам прелюбодеяния или неспособности одного из супругов к брачному сожитию доверенные духовые лица Консистории оповещали супругов, чтобы они прекратили несогласие и оставались в браке. Если супруги подтверждали желание развестись, брак расторгался с 14 января 1895 г. по определению епархиального суда и с утверждением Синода. Судопроизводство записывалось в прошнурованную с печатью Консистории тетрадь, составлялась «записка» из дела [16].

Решения по бракоразводным делам по причине прелюбодеяния с 28 июня 1811 г. не могло быть решено на основании одного признания виновных без других доказательств, которые выявляла Консистория [34].

Порядок развода между военными лицами определился 10 декабря 1816 г. Военные просили о разводе сами или через свои Начальства в Консистории по месту нахождения. Дела о разводе по причине прелюбодеяния производились в присутствии Депутата с военной стороны. Акты от просителя и ответчика, если они находились вдали от Консисторий, брались через Духовное Правление или Благочинного со священником и Депутатом с военной стороны. Если свидетели находились на военной службе, их показания собирало полковое Начальство при Депутате с духовной стороны. Показания военных священнослужителей, заключивших «беззаконный» брак брали через Обер-священника Главного Его Императорского Величества Штаба. Если стороны дела не могли явиться по причине службы, экстракт из дела подписывал Депутат с военной стороны [35].

В случае если отлучившиеся с мест службы лица не объявлялись более пяти лет, а без вести пропавшие на войне или взятые в плен — более десяти лет, Консистории с 28 февраля 1855 г. расторгли их брак [36]. Жены нижних чинов с 22 ноября 1883 г. могли просить о разводе после пяти лет. Представлялись свидетельства Командиров отдельных частей войск из городских или уездных Полицейских Управлений мест поступления мужей на службу, о времени пропажи и о том, что они не были найдены [37]. При прошении о разводе с военными, пропавшими без вести в русско-японской войне, с 8 июля 1908 г.

предусмотренные статьей 56 Гражданских законов 1900 г. свидетельства заменялись такими, которые выдавались городскими или уездными Полицейскими Управлениями по месту жительства просителей, на основании сведений, доставляемых военным или гражданским начальством [38].

Итак, в XVIII — начале XX в. в России существовали следующие причины разводов: ссылка на каторжные работы (с 1720 г.); прелюбодеяние; побег или отлучка; посягательство в отсутствии супруга на другое лицо (с 1722 г.); недостижение совершеннолетия (с 1744 г.); уезд супруга из России на родину (с 1743 г.); кумовство и сватовство (с 1752 г.); по соглашению сторон; наличие нерасторгнутого предыдущего брака; неспособность к супружескому сожитию (с 1806 г.). Наличие данных причин разводов в Тобольской епархии подтверждает опись бракоразводных дел Тобольской Духовной Консистории [39].

В фонде Тобольской Духовной Консистории, находящимся на хранении в Тобольском архиве, содержится большое количество дел по прошениям о разводе. Это свидетельствует о том, что расторжение брака в Тобольской епархии в XIX — начале XX вв. было достаточно частым явлением [40]. Например, за 1900 — 1918 гг. в описи № 18 насчитывается 184 дела о разводе [41].

Рассмотрим, к примеру, документы из дела о разводе по причине ссылки на каторжные работы в Тобольской епархии [42, л. 1 — 11]. Дело имело обложку с указанием Консистории, года, заголовка дела. В нижнем левом углу листа располагались даты начала и окончания дела, количество листов в деле [42, л. 1]. В состав дела о разводе входило прошение [42, л. 1а] выпись из метрической книги о бракосочетании [42, л. 2 — 3], судебный приговор [42, л. 4 — 6], письмо из Тобольского окружного суда в Тобольскую Духовную Консисторию [42, л. 7 — 7 об.], протокольное определение Консистории [42, л. 8 — 9 об.], письмо Консистории в Волостное Правление уезда [42, л. 10 — 10 об.].

В прошении располагались реквизиты: адресат («В Тобольскую Духовную Консисторию»), адресант (название волости, села, уезда, фамилия, имя и отчество), наименование вида документа. Текст делился на три части. В первой части следовало указание на приложения (метрическая выпись и копию с решения суда); приводятся дополнительные сведения (престарелые родители на иждивении и крестьянское хозяйство) [42, л. 1а]. Вторая часть — это желаемый исход дела: «Консистория из приговора усмотрит ... существование брачного союза невозможно». Третья часть содержала просьбу о разводе и вступлении во второй брак. В конце документа располагалась дата и подпись просителя [42, л. 1а], с обратной стороны содержится приказ Консистории уведомить окружной суд, вышел ли приговор по этому делу, и была ли выдана копия [42, л. 1а — об.].

Текст протокольного определения Тобольской Духовной Консистории начинался с даты слушания дела и фразы «по указу Его Императорского Величества» указывалась суть дела. На обратной стороне последнего листа содержалась дата исполнения дела и адресат, куда отправлялись копии бракоразводного свидетельства: в Волостное правление, причту церкви, Архивариусу Консистории, в Тобольское губернское управление [42, л. 8 — 9 об.].

Дело о разводе завершалось отправкой письма Тобольской Духовной Консистории в Волостное Правление уезда по месту жительства просителя, с изложением сути дела и его итога. Вместе с письмом

направлялось бракоразводное свидетельство и просьба выдать этот документ просителю, взыскав с него одну гербовую марку и подпись о получении свидетельства, которую было необходимо отправить в Консисторию [42, л. 10–10 об.].

Факты расторжения браков фиксировались в Тобольской епархии XIX – начала XX вв. в учетных документах: в описи бракоразводных дел Тобольской Духовной Консистории [43, л. 1–96] и «тетради для записи резолюций архиепископа по бракоразводным делам» [44, л. 1–49]. После развода в XIX – начале XX вв. разрешалось вступать во второй брак, что подтверждают «брачные» документы. В свидетельствах указывали, с кем расторгался брак, где и когда было совершено венчание, номер записи по метрикам, причина развода, дата протокольного определения Тобольского Епархиального Начальства, разрешение вступить в новый брак и номер его по счету, уплачен ли гербовый сбор. В свидетельстве ссылались на Высочайшее повеление, в котором назывались правила для расторжения браков в том случае, о котором шла речь в документе [45, л. 6]. Данные о разводе указывались также в удостоверении сельского старосты [46, л. 24]. В паспортах лиц, желающих выехать из России, с начала XIX в. указывалось состояние в браке [47, л. 18].

На основании декретов Совнаркома от 16/29 декабря 1917 г. «О расторжении брака» и от 18/31 декабря 1917 г. «О гражданском браке, о детях и о ведении книг актов состояния» бракоразводные дела изымались из Консисторий и передавались в гражданский суд, который расторгал брак на основании простого заявления одного из супругов [2, с. 63, 64].

Итак, документальное оформление бракоразводных процессов в Тобольской епархии в XVIII – начале XX вв. регламентировалось законодательными актами, определяющими мотивы расторжения браков, порядок действий ведения бракоразводных дел в Духовных Консисториях. С течением времени круг оснований для развода расширялся, процедура оформления расторжения брака усложнялась, появлялись специальные формы документов; факты расторжения брака фиксировались в учетных и брачных документах. Расторжение брака в Тобольской епархии с XIX в. было достаточно частым явлением, что подтверждают дела по прошениям прихожан церкви о разводе в фонде Тобольской Духовной Консистории. Таким образом, данное исследование является первой специализированной работой по вопросу документального оформления бракоразводных процессов в Тобольской епархии в XVIII – начале XX вв. Впервые систематизируются все законодательные акты, регламентирующие порядок рассмотрения и оформления бракоразводных дел; приводится в динамике обобщающая информация по причинам расторжения браков в XVIII – начале XX вв. Новизна работы также определяется содержанием наименований видов учетных и брачных документов, в которых фиксировались факты разводов в Тобольской епархии в XIX – начале XX вв., и подробным описанием документов одного из дел о разводе.

Библиографический список

1. Максимова, Т. Развод по-русски / Т. Максимова // Родина. – 1998. – № 9. – С. 55–60.
2. Буина, А. С. Нормативно-правовые аспекты регистрации актов гражданского состояния / А. С. Буина // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. – 2008. – № 74-1. – С. 73–76.
3. Дорская, А. А. Гражданский развод в Российской империи: историко-правовой аспект / А. А. Дорская // История государства и права. – 2007. – № 6. – С. 6–8.
4. Исаченкова, А. И. Документирование бракоразводного процесса в дореволюционной России / А. И. Исаченкова // Делопроизводство. – 2006. – № 1. – С. 78–86.
5. Белякова, Е. Бабы стоны: как разводились в Российской империи / Е. Белякова // Родина. – 2002. – № 7. – С. 63–64.
6. Колганова, Е. «На фу-фу я не пойду...»: до чего же не просто было развестись сто лет тому назад / Е. Колганова // Родина. – 2006. – № 5. – С. 93–97.
7. Государственное учреждение Тюменской области «Государственный архив в г. Тобольске». Ф. 156. Оп. 7. Д. 1–2199.
8. Юнусова, Л. В. Бракоразводный процесс в середине XIX – начале XX века (по материалам Тобольской губернии) / Л. В. Юнусова // Исторические исследования в Сибири: проблемы и перспективы : сб. матер. 4-й Регион. молодежн. науч. конф. – Новосибирск : Параллель, 2010. – С. 118–122.
9. Высочайшая резолюция на докладные пункты Синода «О предметах, подлежащих светскому суду и Синоду, об отсылке в них дел, об их решении, о розыске, наказании и о штрафах за неисповедание, о власти Синода, о неукрывании раскольников, о колокольном звоне в урочное время, о наказаниях за церковные преступления и обидах, наносимых Синоду, и о держании в домах духовных особ других вер с дозволения Святейшего Синода» // Полное собрание законов Российской империи. Первое собрание. Печатано в Типографии II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии. – СПб., 1830 (далее – ПСЗ). – Т. 6, № 3963.
10. Именной указ «О женах каторжных невольников» // ПСЗ. Первое собрание. – СПб., 1830. – Т. 6, № 3628.
11. Именной указ «Об именовании политической смертью взведение на виселицу или положение головы на плаху; о представлении в Сенат экстрактов из дел, по которым преступники присуждаются к натуральной или политической смерти, не приводя приговоров в исполнение; и о подтверждении указа 16 августа 1720 г., касательно жен и детей тяжких преступников» // ПСЗ. Первое собрание. – СПб., 1830. – Т. 13, № 10101.
12. Указ Синода «О позволении женам, оставшимся после сосланных в вечную ссылку мужей, с разрешения архиереев, вступать в новый брак» // ПСЗ. Первое собрание. – СПб., 1830. – Т. 18, № 12934.
13. Указ Синода «О позволении мужьям и женам, оставшимся после сосланных вечно на поселение вступать в новые браки, и о недействительности прав супружества в случае возвращения ссыльных на прежние жилища» // ПСЗ. Первое собрание. – СПб., 1830. – Т. 28, № 21276.
14. Высочайше утвержденное мнение Государственного Совета «О расторжении браков лиц, обращенных за преступления в солдаты, с лишением всех прав состояния» // ПСЗ. Второе собрание. – СПб., 1847. – Т. 21, № 19970.
15. Высочайше утвержденное положение Сибирского комитета «О дозволении возвращаться на родину женам и детям ссыльных, добровольно в Сибирь пришедшим» // ПСЗ. Второе собрание. – СПб., 1836. – Т. 10, Отд. 1, № 8207.
16. Высочайше утвержденный Устав Духовных Консисторий // ПСЗ. Второе собрание. – СПб., 1842. – Т. 16, Отд. 1, № 14409.
17. Указ Синода «О производстве настоятелей в монастыри и протопопов в Соборы; об образе взыскания с духовных особо долгов, осуждения их за вины, о разводе браков, о решении дел по доносам инквизиторов и об имении, оставшемся после умерших священно- и церковнослужителей» // ПСЗ. Первое собрание. – СПб., 1830. – Т. 7, № 4190.
18. Именной указ «О неисполнении Консисторских решений о разводах, без утверждения Синода» // ПСЗ. Первое собрание. – СПб., 1830. – Т. 28, № 21585.
19. Указ Синода «О представлении Святейшему Синоду из Епархий о всех бракоразводных делах» // ПСЗ. Первое собрание. – СПб., 1830. – Т. 29, № 22038.

20. Указ Синода «О сокращении делопроизводства по Синодальным Конторам и Консисториям» // ПСЗ. Второе собрание. — СПб., 1833. — Т. 7, № 5585.
21. Указ Синода «О распространении силы указа 31 августа 1832 г. на дела о разводах браков между лицами ведомства Военного поселения» // ПСЗ. Второе собрание. — СПб., 1835. — Т. 9, Отд. 1, № 6845.
22. Указ Синода «О неподписании священникам разводных писем» // ПСЗ. Первое собрание. — СПб., 1830. — Т. 8, № 5655.
23. Указ Синода «О воспрещении священно- и церковнослужителям писать разводные письма» // ПСЗ. Первое собрание. — СПб., 1830. — Т. 18, № 12935.
24. Указ Сената «О распоряжениях к исполнению мирного Трактата со Швецией 7 августа 1743 г.» // ПСЗ. Первое собрание. — СПб., 1830. — Т. 11, № 8777.
25. Высочайше утвержденное мнение Государственного Совета «О дозволении азиатцам, приезжающим в Россию и женившимся на российских подданных, возвращаться в свое отчество, оставляя в России тех жен своих и детей, от них прижитых» // ПСЗ. Первое собрание. — СПб., 1830. — Т. 2, № 828.
26. Именной указ «О неразводе бракосочетавшихся за кумовство, учиненное в противность правил Святых Отцов и духовного Регламента, без предварительного доклада Ее Императорскому Величеству» // ПСЗ. Первое собрание. — СПб., 1830. — Т. 13, № 10050.
27. Синодский указ «О подтверждении епархиальным архиереям, чтобы они не разводили самостоятельно браков между лицами, состоящими в сватовстве или кумовстве» // ПСЗ. Первое собрание. — СПб., 1830. — Т. 18, № 12860.
28. Указ Синода «О невенчании малолетних женихов с возрастными девицами» // ПСЗ. Первое собрание. — СПб., 1830. — Т. 19, № 14229.
29. Указ Синода «О невенчании малолетних отроков с возрастными девицами» // ПСЗ. Первое собрание. — СПб., 1830. — Т. 21, № 15295.
30. Указ Синода «О производстве бракоразводных дел и вступивших в супружество, не достигнув узаконенных лет» // ПСЗ. Первое собрание. — СПб., 1830. — Т. 20, № 14899.
31. Указ Сената «О повсеместном распубликовании Высочайшего указа 19 июля 1830 года, о летах, потребных к вступлению в брак» // ПСЗ. Второе собрание. — СПб., 1834 г. — Т. 8, Отд. 1, № 6668.
32. Указ Синода «О расторжении брака по причине побега или долговременного отсутствия мужа или жены» // ПСЗ. Первое собрание. — СПб., 1830. — Т. 31, № 24360.
33. Высочайше утвержденные «Правила производства дел о расторжении браков по безвестному отсутствию одного из супругов» // ПСЗ. Третье собрание. — СПб., 1895. — Т. 16, Отд. 1, № 11257.
34. Указ Синода «О неутверждении решений по бракоразводным делам за прелюбодеяние, на основании одного только признания виновных, без других доказательств события самого дела» // ПСЗ. Первое собрание. — СПб., 1830. — Т. 31, № 24693.
35. Указ Синода «Об образе производства дел о расторжении браков воинских чинов» // ПСЗ. Первое собрание. — СПб., 1830. — Т. 33, № 26553.
36. Высочайше утвержденное мнение Государственного Совета «О порядке решения дел относительно расторжения браков солдатских жен по безвестному отсутствию их мужей» // ПСЗ. Второе собрание. — СПб., 1856. — Т. 30, № 29086.
37. Высочайше утвержденное мнение Государственного Совета (Собр. Узак. 1884 г. января 17, ст. 41) «О сроке для расторжения браков нижних чинов, находящихся в безвестном отсутствии» // ПСЗ. Третье собрание. — СПб., 1886. — Т. 3, № 1850.
38. Высочайше утвержденный одобренный Государственным Советом и Государственной Думой закон (Собр. Узак. 1908 г. июля 25, отд. 1, ст. 783) «О производстве дел о расторжении браков военнослужащих, пропавших без вести в минувшую русско-японскую войну» // ПСЗ. Второе собрание. — СПб., 1911. — Т. 28, Отд. 1, № 30770.
39. Государственное учреждение Тюменской области «Государственный архив в г. Тобольске». Ф. 156. Оп. 17. Д. 20.
40. ГБУТО ГАТО Ф. 156. Оп. 7. Д. 1—2199.
41. ГБУТО ГАТО Оп. 18. Д. 1—19 ; 37—51, 63—81 ; 93—119 ; 143—167 ; 185—206 ; 208—213 ; 1024—1062 ; 1090—1101.
42. ГБУТО ГАТО Ф. 156. Оп. 18. Д. 9.
43. ГБУТО ГАТО Оп. 17. Д. 20. Л 1-96.
44. ГБУТО ГАТО Ф. 57. Оп. 2. Д. 2.
45. ГБУТО ГАТО Ф. 92. Оп. 1. Д. 47. Л. 6.
46. ГБУТО ГАТО Оп. 1. Д. 47. Л. 24.
47. ГБУТО ГАТО Ф. 707. Оп. 1. Д. 1. Л. 18.

СПИЧАК Александра Владимировна, научный сотрудник научно-исследовательской лаборатории региональных исторических исследований.

Адрес для переписки: northerly_nimfa@mail.ru

Статья поступила в редакцию 24.11.2014 г.

© А. В. Спичак

КНИЖНАЯ ПОЛКА

Голиков, А. Г. Методика работы с историческими источниками : учеб. / А. Г. Голиков, Т. А. Круглова. — М. : Издательский центр Академия, 2014. — 224 с. — ISBN 978-5-4468-0233-3.

Учебное пособие создано в соответствии с Федеральным государственным образовательным стандартом по направлению подготовки 030600 «История» (квалификация — бакалавр). Книга знакомит читателя с особенностями фиксирования информации в основных видах письменных источников и в политической карикатуре, синтезирующей изображение и текст. Авторы на конкретных примерах показывают методические приемы источниковедческого изучения для решения задач исторического исследования. Предлагаются задания для самостоятельной работы студентов. К каждой главе составлен краткий список дополнительного рекомендуемой литературы. Для студентов учреждений высшего профессионального образования.

Омский государственный университет
им. Ф. М. Достоевского,

Московский государственный
областной университет

ФОРМУЛЯР СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЛ НАЧАЛА ХХ ВЕКА (НА МАТЕРИАЛЕ ОМСКИХ АРХИВНЫХ ДОКУМЕНТОВ)

В статье рассматриваются особенности формуляра следственных документов начала ХХ века, которые хранятся в Государственном архиве Омской области. Из материалов дела против политического преступника Николая Баранова складываются выводы о наличии формуляра данного типа источников и их многомерной лингвокультурологической направленности.

Ключевые слова: деловая письменность, следственные дела, формуляр.

Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта РГНФ 14-34-01023 «Документ начала ХХ века: системно-структурный и когнитивно-дискурсивный подходы (на материале региональных архивных источников)».

Обращение к региональным текстам разной жанрово-стилистической направленности способствует изменению представления о становлении культурного пространства в тот или иной исторический период. Расширение исследовательской базы служит решением многих общих и частных вопросов истории русского литературного языка, с одной стороны, и документной лингвистики — с другой. Последняя оказывается важным элементом осознания функционирования делопроизводственной системы конкретного региона.

Общая методология исследования региональных источников базируется на теоретических достижениях современной лингвистической антропологии, которые реализуются в наиболее актуальных её направлениях — лингвокультурологии, лингвистической концептологии, этнолингвистике. В зарубежном и современном языкоznании выработаны и широко применяются в исследованиях специальные методы лингвокультурологического и концептуального анализа (Н. Д. Арутюнова, Л. Вайгербер, А. Вежбицка, В. В. Колесов, Е. С. Кубрякова, Дж. Лакофф, З. Д. Попова, И. А. Стернин, Э. Сепир, Б. Уорф и др.). Общепризнанной основной единицей лингвокультурологического моделирования и концептуального исследования национального менталитета является *культурный концепт* — многомерное образование, которое реализуется в языковой форме (Е. В. Бабаева, С. Г. Воркачев, В. З. Демьянков, В. И. Карасик, В. А. Маслова, М. В. Пименова, Т. В. Симашко и др.) [1, с. 174].

Важным аспектом анализа деловых бумаг начала ХХ века является также лингвоисточниковедческий подход в аспекте интерпретации двух параметров: 1) лингвистической содержательности — «совокупности заключённых в источнике лингвистических данных, определяемой его содержанием и отношением данного источника к определённому лингвистическому образованию (языку, наречию, говору), а также степенью познания последнего»; 2) линг-

вистической информационности источника — определяемой условиями образования источника степени прямой или косвенной отражённости в нём лингвистической содержательности» [2, с. 10].

Архивные фонды хранят большее число памятников деловой письменности, каждый из которых иллюстрирует конкретный этап истории Российского государства. Заметим, что под *деловыми бумагами*, вслед за Н. В. Варадиновым, мы понимаем «составленные письменные изложения по данной законами или по установленной канцелярским обычаемъ формъ обь извѣстномъ событий или правъ, подвергнувшемъ или должноствующемъ подвергнутся разсмотренію присутственного мѣста или власти» [3, с. 12]. Наличие определённого лексико-стилистического трафарета, заполнение которого осуществлялось в соответствии с той или иной решаемой проблемой, репрезентированной в тексте, означало строгую фиксированность системы центрального и регионального документооборота. В соответствии с определёнными жанровыми признаками (типом адресатов/адресантов и способом интенциональной направленности) в XIX — начале XX вв. выделялись четыре типа деловых бумаг: *канцелярские г҃ла и бумаги*, составляющие «внутреннее письмоводство присутственныхъ мѣсть»; *сношенія*, употребляемые «во взаимной перепискѣ присутственныхъ мѣсть и властей»; *просительскія г҃ла и бумаги*, подаваемые «частными лицами въ присутственныя мѣста и властямъ»; *акты и договоры обязательные*, составляемые «по добровольному соглашенню частными лицами между собою для определенія и установлениа взаимныхъ правъ, какъличныхъ, такъ и по имуществу» [3, с. 12].

Настоящая статья посвящена рассмотрению дифференциальных признаков *формуляра* следственного дела 1906 года, возбуждённого Омской судебной палатой против Николая Николаевича Баранова по 1 части 103 статьи Уголовного Уложения (фонд 25 «Омская судебная палата»). Из документов мы

узнаём следующие биографические сведения об авторе этого письма-обращения: 20 лет, мещанин, уроженец города Тулы, проживал в Ялуторовском уезде Тобольской губернии, состоял в социалистической партии. Стимулом к написанию пасквиля, в котором он обвинял Императора в обмане народа, нарушении демократических свобод, стали его политические убеждения.

Оскорбление представителя августейшей фамилии в начале XX века считалось преступным деянием, было воспрещено законом под страхом серьёзного наказания. Оно классифицировалось как государственное преступление в том случае, если совершилось осознанно и с целью экспликации неуважения к Высочайшей Особе. Заметим, что в Государственном архиве Омской области хранится более 30 дел, которые были возбуждены в 1905 году по 103 статье Уголовного Уложения. Приблизительно такое же число следственных материалов по данной статье существует и за 1906 год.

Столь значительное число аналогичных дел также можно объяснить особенностями общественно-политической ситуации данного периода. Требовалось безотлагательное решение экономических, политических и социальных проблем, которые вызвали кризис самодержавия и стали причиной активной деятельности всех социальных групп и классов российского общества. Именно в это время начинается активное пролетарское движение, появляется множество союзов, кружков, возрастает число стачек и волнений среди рабочих, совместных выступлений пролетариата и крестьянства. Как следствие — увеличение числа столкновений между властью и народом [4, с. 133].

Эти события стали мотивом для написания Н. Н. Барановым письма к Императору, которое было отправлено впоследствии в Собственную Его Императорского Величества Канцелярию по принятию прошений. Оно было вскрыто в названной канцелярии и, как говорилось в обвинительном акте, «*по обстоятельствам отъ Баранова независимымъ не было доложено Его Величеству*». Затем делу был дан ход по 103 статье, Н. Н. Баранов заключён в тюрьму в Тюмени, для слушания дела препровожден в Тобольск, где находилась Омская судебная палата.

Проанализированные следственные материалы могут быть разделены на две взаимосвязанные части — **дознание**. Первое представляет собой досудебное разбирательство: в нём осуществляется подробный сбор возможных доказательств, установление причастности обвиняемого к совершенному уголовному правонарушению. Данная интенциональная направленность определила сложную текстовую организацию: **постановления** об аресте (№ 1, № 2, № 4), о начале производства по дознанию прокурором (№ 3), о передаче дела со всеми материалами прокурору (№ 5); протоколы обыска (№ 1), **допроса** подозреваемого (№ 2) и свидетелей (№ 3, № 4), почековедческой экспертизы (№ 6), осмотра изъятых документов (№ 7), о назначении передачи дознания прокурору (№ 8); **служебные записки**; **сбор данных об обвиняемом** (кондуктивенный список ученика Тюменского Александровского реального училища); **опись** изъятых документов [5].

Само судебное разбирательство начинается с предложения прокурора Омской Судебной Палате принять на рассмотрение дела. В этом случае последний самостоятельно утверждает заключение (обвинительный акт), составленное на материале дознания, а также завершает досудебное разби-

тельство и передаёт дело на рассмотрение в суд. Далее Заседание Уголовного Департамента Омской Судебной Палаты на основании предоставленного прокурором обвинительного акта решает, что делать с подозреваемым в политическом преступлении.

Вся последующая документация представляла свидетельства о выполнении определения Заседания Уголовного Департамента Омской Судебной Палаты: **повестки** обвиняемому, свидетелям и экспертам, **распоряжения** о переводе заключённого, о выдаче ему документов (обвинительного акта, списка сословных представителей, вызванных к слушанию), **расписок** Баранова в получении этих документов и т.д. Заключительным этапом судебного разбирательства являлось рассмотрение Особым Присутствием Омской Судебной Палаты уголовного дела. К этому этапу относились **протокол** судебного заседания, **вопросный лист, резолюция и приговор**.

Таким образом, ход разбирательства по данному уголовному делу эксплицируется следующим образом: начальник Жандармского Управления или Управляющий губернией отдаёт распоряжение о необходимости проведения обыска или ареста (в данном случае они оба отдали распоряжение, поскольку получили предписание из Канцелярии Его Величества с копией письма, написанного Барановым), затем проводится обыск, на основании которого выходит постановление об аресте. После этого начинается процесс *дознания*, в ходе которого осуществлялись допросы обвиняемого и свидетелей, выяснение подробностей совершения противоправного деяния, предусматривающего уголовное наказание. Затем при необходимости проводится экспертиза вещественных доказательств для выяснения причастности обвиняемого к вменяемому ему вину делу, после чего собирались необходимые данные об обвиняемом. После этого все материалы передавались прокурору, который и составлял **обвинительный акт** и вместе с представлением отдавал его далее в судебные органы. Инстанция, занимающаяся рассмотрением дел, давала необходимые распоряжения, далее проводилось слушание по данному делу и выносился **приговор**.

Формуляр деловых бумаг распространялся на все клаузулы: *заглавіе, расположение обстоятельств дела, подпись, скрѣпы, бланковыя надписи, кувертныя надписи* [3, с. 39]. Под клаузулой, вслед за В. И. Ветеренниковым, мы понимаем «словесно выраженное и письменно запечатлённое в данном акте действие (символическое или реальное), раздельно воспринимаемое сознанием составителей акта» [6, с. 10]. Качественное и количественное содержание подобных структур было строго нормировано определённой функциональной направленностью деловых бумаг.

Все документы, относящиеся к судебному разбирательству по данному вопросу, с точки зрения интенциональности, можно разделить на две группы:

1. Процессуально-распорядительные

К ним относятся **предложение, обвинительный акт, выписка из журнала распорядительного засѣданія Уголовного Департамента Омской Судебной Палаты, служебные записки, повестки, представление, расписки, прошеніе** [3]. Общность семантики эксплицируемого материала и единая тональность определили возможность pragmatischeского изучения каждого документа. Рассмотрим особенности структурирования текста и раскрытия знаний об обвиняемом в деловых бумагах.

— **Сведенія** открывают данное следственное дело. В них содержалась информация обобщённого

типа — 'когда делу был дан ход', 'кому были вызваны повестки о назначении дела к слушанию', 'когда приговор был объявлен в окончательной форме' и 'кому была направлена копия приговора'. Реквизиты оказались репрезентированы минимальным образом — только самоназвание. Собственно документ был написан не от руки, а напечатан на машинке и предполагал заполнение существенных для данного дела пунктов. Это говорит о сформированности шаблона деловых бумаг в начале XX века.

— **Предложение** завершало досудебное разбирательство и начинало судебный процесс. В левом верхнем углу располагались реквизиты удостоверяющего типа: организация (*М. Ю.* — министерство юстиции. — **Прим. авторов**), адресант (*Прокурор Омской Судебной Палаты*), дата (*апреля 15 дня 1906 года*), номер (*№ 320*). В центре размещались информация об адресате (*Омская Судебная Палата*) и самоназвание документа (*предложение*). Далее — основная часть, состоящая из двух сложных синтаксических целых. В первом указывались сведения о документах, сопровождающих *предложение* (обвинительный акт прокурорского надзора и список лиц, подлежащих вызову к судебному следствию), во втором сообщалось, где находился сам обвиняемый в момент происходящего следственного процесса и имеются ли вещественные доказательства по этому делу. Заключительная часть состояла из подписи прокурора и секретаря, подтверждающих достоверность документа.

— **Обвинительный акт** был самым многомерным документом, относящимся к этому типу деловых бумаг. Основная часть акта членилась на 6 клаузул: 1) сведения о получении Главноуправляющим Собственной Его Императорского Величества Канцелярией письма Н. Н. Баранова, адресованного на имя Его Высочества; 2) подробный анализ письма с указанием цитат; 3) информация о проведении дознания; 4) основания для обвинения; 5) информация о статье, предусматривающей наказание за совершение преступного деяния; 6) завершающая часть, определяющая факт направления его дела в суд. Заключительная часть документа содержала реквизиты регистрационного типа — «дата», «место», «адресант», «подпись»: «*Составленъ 14 апреля 1906 года въ г. Омскъ Товарищъ Прокурора Судебной Палаты (роспись)*».

— **Повѣстка** представляла собой официальное извещение о вызове в суд. В анализируемом документе присутствуют две повестки, шаблон которых оказался также строго регламентирован в данную историческую эпоху. Набор реквизитов и их расположение схожи с перечнем реквизитов, содержащимися в предложении прокурора: «организация», «адресант», «дата», «номер», «место» и «самоназвание».

М. Ю.
КАНЦЕЛЯРИЯ
Омской
Судебной Палаты
по уголовному департаменту
Апреля 18 дня 1906 г.

№ 26

Г. Омскъ

Повѣстка

Основная часть *повѣстки* состоит из двух клаузул: первая содержала информацию о том, кто вызывался в суд, на каком основании и где этот человек находился или проживал в данный момент; вторая клаузула содержала информацию о судебном заседании: «Вызываются въ засѣданіе Омской Судебной

Палаты, имѣющеѣ быть «31» мая 1906 года, въ 10 часовъ утра, въ городѣ Тобольскѣ въ помѣщеніи Окружного суда въ качествѣ подсудимаго по обвиненію по 19 и 1 ч. 103 ст. Угол. Улож.» [5]. На оборотной стороне данного документа заключалась информация о последствиях неявки в судебное заседание, причём для эксперта (свидетеля) и обвиняемого она была разной.

— В **служебных записках** содержалась информация, которая была довольно многоаспектной, затрагивала разные стороны следственного дела. Эти документы не подлежали строгой унификации, их содержание и структура варьировались в зависимости от коммуникативной задачи, стоявшей перед составителем текста. Проиллюстрируем наше утверждение примерами из рассматриваемого следственного дела 1906 года:

Его Превосходительству,
Господину Старшему Предсѣдателю
Омской Судебной палаты

Имѣю честь донести Вашему Превосходительству, что требование Ваше за № 25 о вручении обвинительного акта Николаю Николаевичу Баранову, въ виду того, что последний отправленъ из Тюменской тюрьмы в г. Тобольскъ 19-го апреля, одновременно и с нимъ за № 832 передано мировому судью 1-го участка Тобольского уѣзда [5].

2. Судебные акты, устанавливающие виновность в совершении деяния, определяющие меру наказания и срок наказания

Деловые бумаги этого типа занимают малое пространство от общего объема следственного дела. У них отсутствовали реквизиты «адресат», «адресант», «организация», «номер», что объясняется контекстом производственной ситуации, в которой они создавались. Основная функциональная направленность рассматриваемых текстов — фиксация следственного действия (например, судебного заседания) либо одностороннее предписание (например, приговор). Данные документы не передавались в другие инстанции и могли возникнуть только в результате действий суда.

— **Вопросный листъ** выдавался присяжным по окончанию прений сторон. Во время совещания присяжные вписывали в первую колонку вопросы, связанные с разбирательством по делу: «*Виновенъ ли мѣщанинъ гор. Тулы Николай Николаевичъ Барановъ, 20 лѣтъ, въ томъ, что въ январѣ 1906 года въ намѣреніи непосредственно оскорбить Царствующаго Государя Императора составилъ и отправилъ по почтѣ въ конвертѣ, адресованномъ Главноуправляющему Собственной Его Величества Канцелярии*». Во вторую колонку вписывались ответы на заданные вопросы, основывающиеся на мнении присяжных: «*Нетъ. Невиновенъ*» [5].

— **Резолюция** являлась заключительным этапом судебного заседания. Она создавалась на основании мнения присяжных, содержащегося в вопросном листе. Единственный реквизит, который присутствовал в данном следственном деле, — самоназвание.

— **Приговоръ** состоял из вводной, описательной и резолютивной частей. Вводная часть давала информацию о дате объявления приговора и лицах, которые присутствуют при этом: «*1906 года июня 1 дня, настоящій приговоръ объявленъ мною въ присутствіи Товарища Прокурора и при Секретарѣ, съ соблюдениемъ 829—834 ст. Уст. Угол. Суд. Подсудимый неприсутствовалъ*» [5].

Описательная часть дублировала первый блок резолюции и протокола, содержала данные о судеб-

ном заседании. В основной части располагалась информация из вопросного листа протокола и частично обвинительного акта. Согласно этому, на основании письма против Баранова было возбуждено уголовное дело по 49 и 1 ч. 103 статьи Уголовного Уложения. В обвинительном акте, составленном прокурором Омской Судебной Палаты, оскорбительными по отношению к Его Величеству выражениями признаются такие обороты: «*обманул народ*», Государь «*должен подчиниться, если народ решит республику*», Государь «*заклеймит свое имя в истории прозвищем Кровавого*», Государь «*озлобляет народ*»; Государь «*совершил или допустил наглое нарушение Манифеста 17 октября*» [5].

Проанализировав формуляр данного следственного дела, мы можем сделать вывод о сформированности лексико-синтаксического трафарета деловых бумаг начала XX века. Перспективы проведенной работы видятся в исследовании политического нарратива — иных текстов, обращённых к Николаю II, ставших причиной возбуждения уголовных дел в 1905—1906 гг., сопоставлении исторических и современных текстов, содержащих оскорблений (обвинения) высших государственных лиц, исследование динамики квалификации диффамации в дореволюционном и послереволюционном законодательстве.

Библиографический список

1. Рогожникова, Т. П. Региональный текст как историко-лингвистический и лингвокультурологический источник: из опыта комплексного анализа омской письменности : сб. тр. [Текст] / Т. П. Рогожникова ; сост., отв. ред. Т. В. Симашко // Язык и культура Русского Севера: к вопросу о региональной языковой картине мира. — Архангельск : Соломбальская типография, 2013. — С. 174—178.

2. Котков, С. И. Лингвистическое источниковедение и история русского языка [Текст] / С. И. Котков. — М. : Наука, 1980. — 297 с.

3. Варадинов, Н. В. Делопроизводство или теоретическое и практическое руководство к гражданскому и уголовному коллегиальному и одноличному письмоводству, к составлению всех правительственные и частные деловые бумаг и к ведению самих дел с приложением к оным образцов и форм [Текст] / Н. В. Варадинов. — СПб. : Типография Якова Трея, 1857. — 393 с.

4. Мунчаев, Ш. М. История России : учеб. [Текст] / Ш. М. Мунчаев, В. М. Устинов. — М. : Инфра-М, Норма, 2005. — 592 с.

5. Дело о Н. Н. Баранове, обвиненном по 1 ч. 103 Уголовного уложения // КУ ОО «Исторический архив Омской области». Ф. 25 «Омская судебная палата Министерства юстиции временного правительства, г. Омск». Оп. 1. № 171.

6. Веретенников, В. И. К вопросу о методах изучения древнерусских частноправовых актов [Текст] / В. И. Веретенников // Историческое обозрение : сб. истор. Об-ва при Императорском Петроградском ун-те. — СПб. : Изд-во СПб. ун-та, 1916. — Т. 21. — С. 8—19.

РОГОЖНИКОВА Татьяна Павловна, доктор филологических наук, профессор (Россия), исполняющая обязанности заведующего кафедрой русского языка, славянского и классического языкознания Омского государственного университета им. Ф. М. Достоевского.

ВАГАНОВА Ксения Ринатовна, кандидат филологических наук, докторант кафедры истории русского языка и общего языкознания Московского государственного областного университета.

Адрес для переписки vaganova1988@mail.ru

Статья поступила в редакцию 08.11.2014 г.

© Т. П. Рогожникова, К. Р. Ваганова

КНИЖНАЯ ПОЛКА

Семин, В. П. История России. Проблемы и вопросы : учеб. пособие / В. П. Семин, М. В Шадская. — М. : Кнорус, 2015. — 654 с. — ISBN 978-5-406-03005-9.

Рассматриваются проблемные, спорные вопросы российской истории. Приводится анализ проблем и теорий, связанных с преобразованием Древнерусского государства,дается ответ на вопросы: на чьей стороне историческая правда — норманнов и антинорманнов, кто такой Рюрик, кто же создал государственность у древних славян? Раскрываются взгляды Ивана Грозного в вопросах государственного строительства,дается ответ на вопрос: кто такие самозванцы на Руси? Анализируются крестьянские войны, место дворянского сословия в российском обществе, оценки исторической наукой петровских реформ. Соответствует действующему ФГОС ВО нового поколения. Для студентов вузов неисторического профиля, а также преподавателей и абитуриентов.

Современный Китай и его окружение : моногр. / Пер. Н. Кухаренко ; ред. : Д. Кузнецов, Д. Буяров. — М. : Красанд, 2015. — 440 с. — ISBN 978-5-396-00662-1.

В центре внимания настоящей монографии находятся вопросы, связанные с развитием в конце ХХ — начале ХХI вв. процесса взаимодействия современного Китая с его окружением, то есть с непосредственными соседями, имеющими общие границы с Китаем, а также со странами и регионами, имеющими стратегическую важность для Китая. Выявлены отдельные направления этого носящего комплексный характер взаимодействия, включающие экономический, политический и гуманитарный векторы. Данная монография адресована студентам, аспирантам, преподавателям, специалистам, а также всем читателям, интересующимся Китаем. Материалы, представленные в данной монографии, могут быть использованы историками, в первую очередь, специалистами в области китаеведения, специалистами в области международных отношений, а также политологами и социологами.

Омский автобронетанковый
инженерный институт (филиал)
Военной академии материально-
технического обеспечения
им. генерала армии А. В. Хрулева
Министерства обороны РФ

ЛЕКСИКОГРАФИЯ ЯЗЫКА, РЕЧИ И ДИСКУРСА

В статье рассматриваются классификация словарей, отражающих языковую систему, особенности изменения единиц в речи и дискурсе. Впервые сформулированы критерии для выделения дискурсивного словаря, выявлены основные проблемы его создания, что может быть полезно в лексикографической практике.

Ключевые слова: лексикография, дискурсивная лексикография, словарь, дискурсивный словарь.

Словари подобны часам: обладать худшими из них лучше, чем не иметь никаких; но и о лучших из них мы не можем утверждать, что они абсолютно точны.

Сэмюэл Джонсон

Лексикография — динамично развивающаяся отрасль лингвистики. Сегодня в арсенале лексикографов огромное разнообразие толковых словарей самых разных типов и жанров. По цели и особенностям подачи материала предлагаем их условно разделить на три группы: словари языка, словари речи и словари дискурса¹.

В статье мы ставим перед собой задачу проанализировать разницу между тремя названными разновидностями словарей, проследить взаимосвязи между ними и выявить перспективы развития дискурсивной лексикографии.

Словарная работа на протяжении всего своего существования движется «от значения к смыслу». Такое направление развития связано, прежде всего, с тем, что, как верно отмечал А. Рей, объектом описания в толковом словаре «могут выступать две разные реальности, что влечет за собой два возможных типа описаний». Речь идет о словарях системы (или ее элементов: слов, фразеологизмы) и словарях употреблений. «Это различие для одноязычной лексикографии носит фундаментальный характер. Толковый словарь либо может строиться как описание лексического компонента языковой системы, либо может быть нацелен на более широкое изучение, охватывающее действие этой системы в различных сферах ее употребления» [1, с. 264–265]. Долгое время (практически весь XX век) лексикографы стремились отразить в толковых словарях разных типов прежде всего значение приведенных словарных единиц. В поиске примеров употребления они преимущественно обращались к контекстам из художественных произведений классической русской литературы, выбирая из них значения типичные, наиболее традиционные, совпадающие «с центром». Это было вполне оправдано, учитывая цели создания словарей и их печатную форму, изначально препятствующую расширению иллюстративного компонента.

Если использовать, несколько видоизменив и сократив, критерии определения особенностей и целесо-

сообразности словаря, предложенные Б. Ю. Городецким [2, с. 6–7], то словари языка можно охарактеризовать следующим образом: 1) в словарях отражается семантическая информация о единице описания (дается ее значение или несколько значений); 2) словарь является нормативным (по отношению к тому периоду, который он описывает); 3) в словарной статье может быть описана мотивированность словарной единицы, ее происхождение; 4) в словаре показывается контекстуальная реализация единиц в объеме, минимально необходимом для понимания значения слова / фразеологизма. Таких словарей в XIX–XX веках абсолютное большинство. В качестве исключения можно назвать, пожалуй, словарь В. И. Даля, который не соответствует названным признакам, поскольку не претендует на нормативность; он призван показать богатство русского языка во всех его формах и сферах употребления и содержит большое число примеров функционирования словарных единиц. Именно эту задачу, поставленную еще В. И. Далем, в последние десятилетия XX века пытаются реализовать современные исследователи. Итак, сегодня перед лексикографией стоит вопрос: как отразить многообразие смыслов, возникающих в речи в процессе употребления слов и/или фразеологизмов? Антиномия Фердинанда де Соссюра «язык – речь» в этом аспекте стала камнем преткновения современной лексикографии. Словарь, возникший изначально как средство (или форма) отражения статичного значения языковых (системных) элементов, претендует на то, чтобы демонстрировать не столько язык, сколько речь, т.е. особенности смысловых изменений слов / фразеологизмов в употреблении.

Как ни парадоксально, но это на сегодняшний день реализуемая задача. Решая ее, лексикографы первоначально создали ряд словарей, показывающих особенности употребления языковых единиц в разговорной речи: В. П. Белянин «Живая речь. Словарь разговорных выражений» [3], В. Ю. Меликян «Эмоционально-экспрессивные обороты живой речи» [4], Словарь значений Живой Русской Речи [5], В. В. Химик «Большой словарь русской разговорной речи» [6] и т.д. Однако эти словари, стремясь отражать речь, в большинстве своем оставались словарями значений (т.е. словарями языка). Исключе-

нием из этого правила стал, пожалуй, словарь В. В. Химика, действительно содержащий большое число примеров употреблений слов и фразеологизмы, что позволяет читателю составить представление об особенностях употребления той ли иной словарной единицы в живом разговорном общении. Но даже в таком объемном словаре количество контекстов употреблений ограничено. Тем не менее, несмотря на рамки печатного формата изданий, авторы и составители лексикографических материалов делают упор на включение в словарь максимального количества «контекстуальных, дискурсивно-обусловленных словоупотреблений» [7, с. 37]. Стремление в полной мере проследить особенности функционирования слов / фразеологизмы в речи стало возможным благодаря развитию корпусной лингвистики и разработке компьютерных словарей. Такой подход объясняет повышенный интерес исследователей к лексикографическому описанию служебных, неполнозначных слов, нашедших свое отражение в словарях «Путеводитель по дискурсивным словам русского языка» [8], «Дискурсивные слова русского языка» [9], «Объяснительный словарь русского языка». Словарные статьи последнего содержат две части: объяснительную (информацию об особенностях употребления, развернутое толкование, сведения о сочетаемости, синонимы, антонимы) и демонстрирующую (примеры использования в речи) [10].

Дискурсивные слова проявляют все свои свойства исключительно в процесс коммуникации, следовательно — отразить их особенности в словаре языка очень проблематично. Для этого необходим словарь речи. И подобного рода издания не единичны.

Однако не только словари дискурсивных слов стали словарями речи (или словарями употреблений). Появились лексикографические издания, которые дают возможность проследить на уровне слова или фразеологизма изменения, обусловленные спецификой функционирования названных единиц в дискурсе как в «актуально произнесенном тексте» (термин Т. А. Ван Дейка). Авторы и составители таких словарей в целом обращают внимание на коммуникативно-прагматические свойства словарных единиц, поскольку прагматика словарной статьи осознается как значимая, определяющая ее часть, т.к. «обеспечивает условия лексикографической реализации семантики слова» [11, с. 142]. К числу подобных работ можно отнести словарь «Жизнь русской фразеологии в художественной речи», в котором помимо привычных нормативных контекстов даны примеры индивидуально-авторского использования фразеологизмов, показана контекстуальная разница в стилистике ФЕ [12, с. 104].

Чем же принципиально отличаются словари речи (словари употреблений) от словарей языка? 1) в словарях речи отражается семантическая информация о единице описания в максимально полном объеме, зависящем от возможностей каждой конкретной единицы вступать в синтагматические отношения в процессе речевого функционирования; 2) словарь речи является дескриптивным; 3) в таком словаре может быть описана мотивированность словарной единицы, ее происхождение; 4) в словаре речи показывается контекстуальная реализация единиц в максимально полном объеме (с учетом текстов разных жанров, стилей, примеров узульных и авторских употреблений и т.д.). Учитывая названные признаки, надо признать, что в современной лексикографии можно встретить издания, которые позиционируя себя в качестве словарей речи, остаются, тем

не менее, словарями языка, например: Словарь-справочник «Культура русской речи» [13] или «Словарь правильной русской речи» [14].

В последние годы наметилась новая тенденция, связанная с созданием не просто словаря речи (или словаря употреблений). Лексикографы начали разработку дискурсивных словарей. Эта задача представляется чрезвычайно сложной, но перспективной, и ее актуализация — явление закономерное. Уже давно исследователи сходятся во мнении, что словарь — это особый метатекст («металингвистический текст» (С. А. Журавлев), «текст метасемиотической природы» (А. Рей)). Значит, его потенциал гораздо богаче, чем просто отражение вариантов употребления словарных единиц. Каждый новый смысл, который вкладывает носитель языка в используемые слова или ФЕ, рождается не только в конкретной коммуникативной ситуации. Он обусловлен одновременно опытом, целями, личностными установками и психологическими особенностями говорящего и слушающего, культурными смыслами, коннотациями, вызванными спецификой отношений между субъектами коммуникации и т.д. Иными словами, новые смыслы могут быть объяснены не только (и не столько) внутри текста, сколько в пределах дискурса, с учетом ситуации и условий их порождения. Следовательно, задача современного словаря — стать средством познания (а не просто отображения) процесса речевой коммуникации. Как это сделать, пока не совсем понятно. Еще не разработаны методы лексикографической фиксации подобного рода информации, нет опытной модели дискурсивного словаря. Однако лексикографы активно ведут работу в данном направлении, предлагая два варианта лексикографического описания единиц.

В первом из них авторы и составители словарей стремятся максимально полно отразить разноплановую, разноспектрную информацию о словах / фразеологизмах, раскрывая не только значение единиц, но и пытаясь передать весь спектр смысловых оттенков и коннотаций. При этом приводится стилистическая, грамматическая, культурологическая, когнитивная характеристики и т.д. К удачным примерам такого лексикографического издания, по нашему мнению, можно отнести Фразеологический словарь Н. Алефиренко и Л. Золотых «Культурно-познавательное пространство русской идиоматики», словарные статьи которого отражают наиболее типичные связи фразем в тексте, коммуникативно-прагматические свойства фразем, их когнитивное и культурологическое содержание [15, с. 2].

Во втором варианте дискурсивных словарей привлекается дополнительная информация, позволяющая читателю услышать особенности функционирования словарной единицы в речи. Большинство таких изданий пока в проекте, требует дополнительной разработки и сопровождения текста аудиоматериалами (например, «Звучащий словарь дискурсивных слов русского языка» [16]). Однако в отечественной лексикографии уже есть уникальные примеры «живых» словарей дискурса — Ангарский словарь, авторы которого сопроводили словарные статьи видеозаписями бесед с носителями ангарского диалекта, песнями и т.д. [17].

Каковы же отличительные особенности дискурсивных словарей:

- 1) в словарях отражается семантическая информация о единице описания (дается ее значение или несколько значений, описываются дополнительные коннотативные смыслы, проявляющиеся в контексте);

2) словарь является дескриптивным; 3) в нем может быть описана мотивированность словарной единицы, ее происхождение, *когнитивные и культурологические составляющие, другие дополнительные метalingвистические сведения, необходимые для интерпретации смыслов, возникающих у слова или ФЕ в дискурсе*; 4) в словаре показывается контекстуальная реализация единиц в максимально полном объеме (с учетом текстов разных жанров, стилей, примеров узульных и авторских употреблений и т.д.).

Стоит отметить, что в полной мере этим требованиям может отвечать словарь, имеющий компьютерную форму, поскольку печатный вариант издания ограничивает лексикографа в объеме представляемого материала (наше замечание ни в коей мере не означает, что печатное издание словаря не может являться дискурсивным). Но даже словарная компьютерная версия не может быть идеальной. Речь чрезвычайно богата на смыслы. В каждой новой коммуникативной ситуации может использоваться все новая металингвистическая информация. В этом отношении мы согласны с Б. Ю. Городецким, полагающим, что «дать абсолютно полное описание семантической структуры языка можно только в идеале: имеющиеся трудности связаны как с глубиной, так и с широтой описания. Поэтому реальные описания являются ограниченными [2, с. 12]. На сегодняшний момент мы можем создавать более или менее оптимальные версии словарей. Достижение идеала — дело будущего.

Примечание

¹ Вслед за исследователями под дискурсом мы понимаем «речь, погруженную в жизнь» (Н. Д. Арутюнова), «речь, вписанную в коммуникативную ситуацию» (З. Харрис), «процесс и результат речевой деятельности» (С. В. Гусева). Дискурс предстает как «сложное явление, связанное не только с актом создания определенного текста, но и со значительным количеством экстралингвистических факторов — знаний о мире, намерений, установок и конкретных целей говорящего, который является создателем дискурсивного текста [18, с. 6]. Именно такое понимание дискурса используется в нашей работе.

Библиографический список

1. Рей, А. Проблемы и антиномии лексикографии / А. Рей, С. Делесаль // Новое в зарубежной лингвистике. — М. : Прогресс, 1983. — Вып. 14. Проблемы и методы лексикографии. — С. 260–299.
2. Городецкий, Б. Ю. Проблемы и методы современной лексикографии / Б. Ю. Городецкий // Новое в зарубежной лингвистике. — М. : Прогресс, 1983. — Вып. 14. Проблемы и методы лексикографии. — С. 5–23.
3. Белянин, В. П. Живая речь. Словарь разговорных выражений / В. П. Белянин, И. А. Бутенко. — М. : ПАИМС, 1994. — 192 с.
4. Меликан, В. Ю. Эмоционально-экспрессивные обороты живой речи : словарь / В. Ю. Меликан. — М. : Флинта, 2011. — 240 с.
5. Словарь значений Живой Русской Речи (Научно-популярная сокращенная версия Смыслового Толкового Словаря Живого Русского Языка). — Екатеринбург. 2008. — 122 с.
6. Химик, В. В. Большой словарь русской разговорной речи / В. В. Химик. — СПб. : Норинт, 2004. — 708 с.
7. Леденев, Ю. И. Дискурсивный подход к лексикографии неполнозначных слов / Ю. И. Леднев // Язык. Текст. Дискурс. — 2008. — № 6. — С. 34–39.
8. Путеводитель по дискурсивным словам русского языка / А. Н. Баранов [и др.] ; Рос. АН, Ин-т рус. яз. — М. : Поморский и партнеры, 1993. — 207 с.
9. Дискурсивные слова русского языка: опыт контекстно-семантического описания / А. Н. Баранов [и др.] ; под ред. К. Киселевой и Д. Пайара ; МГУ им. М. В. Ломоносова, Филол. фак. — М. : Метатекст, 1998. — 446 с.
10. Объяснительный словарь русского языка: Структурные слова: предлоги, союзы, частицы, междометия, вводные слова, местоимения, числительные, связочные глаголы: Около 1200 единиц / В. В. Морковкин [и др.] ; под ред. В. В. Морковкина. — М. : ООО «Изд-во Астрель» : ООО «Изд-во АСТ», 2002. — 432 с.
11. Журавлев, С. А. Дискурсивная интерпретация феномена толкового словаря / С. А. Журавлев // II Международные Бодуэновские чтения: Казанская лингвистическая школа: традиции и современность : тр. и материалы, Казань, 11–13 декабря 2003 г. : в 2 т. ; под общ. ред. К. Р. Галиуллина, Г. А. Николаева. — Казань : Изд-во Казан. ун-та, 2003. — Т. 1. — С. 142–144.
12. Мелерович, А. М. Трансформационный потенциал фразеологических единиц различных структурно-семантических типов (по материалам проспекта учебного словаря «Жизнь русских фразеологизмов в художественной речи». Кострома, 2006) / А. М. Мелерович, А. Е. Якимов // Современная лексикография: глобальные проблемы и национальные решения : материалы VII Междунар. шк.-семинара, Иваново, 12–14 сентября 2007 г. — Иваново : Иван. гос. ун-т, 2007. — С. 102–105.
13. Скворцов, Л. И. Культура русской речи: Словарь-справочник : учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / Л. И. Скворцов. — 2-е изд., испр. и доп. — М. : Издательский центр «Академия», 2006. — 224 с.
14. Соловьев, Н. В. Словарь правильной русской речи / Н. В. Соловьев. — М. : АСТ, Астрель, Хранитель, 2006. — 960 с.
15. Алефиренко, Н. Ф. Фразеологический словарь : Культурно-познавательное пространство русской идиоматики / Н. Ф. Алефиренко, Л. Г. Золотых. — М. : ЭЛПИС, 2008. — 472 с.
16. Кобозева, И. М. Для чего нужен звучащий словарь дискурсивных слов русского языка / И. М. Кобозева, Л. М. Захаров // Диалог 2004. Междунар. конф. по компьютерной лингвистике : докл. — С. 292–297 [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <http://www.dialog-21.ru/dialogue2004/content/> (дата обращения: 02.07.2014).
17. Ангарский словарь [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <http://angara-dictionary.ru> (дата обращения: 19.07.2014).
18. Рогалева, О. С. Брачное объявление как речевой жанр рекламного дискурса (коммуникативно-прагматический и когнитивный аспекты) : автореф. дис. ... канд. филол. наук / О. С. Рогалева. — Омск, 2005. — 22 с.

ФЕСЕНКО Ольга Петровна, доктор филологических наук, доцент (Россия), профессор кафедры иностранных и русского языков.
Адрес для переписки: Olga.Fesenko2015@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 29.08.2014 г.

© О. П. Фесенко